Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Вагиф СУЛТАНЛЫ. **Сражение в пустыне.** *Роман* 3
Э.МЕДИНА. *Миниатюры* 81
Михаил СМИРНОВ. **И падал серый снег.** *Рассказ* 83
Марат ШАФИЕВ. **В Питере быть.** *Маленькая повесть* 108

ПОЭЗИЯ

Александр РОДИОНОВ. *Стихи* 102
Уджал ХАГВЕРДИЕВ. *Стихи* 119

ПУБЛИЦИСТИКА

Ибрагим МЕЛИКОВ. **«Кто при жизни рая не обрел, И после смерти вхож туда не будет»** 69
Тельман ДЖАФАРОВ. **Вопросы рецепции и трансформации русской классической литературы в Азербайджане в постсоветское время** 103
Марат ШАФИЕВ. **Краткая история русскоязычной бакинской поэзии** 118
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Посредник.** 122
Ширин МАНАФОВ. **Прогулка по Еревану** 126

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**

https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474

https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия:

Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 24.01. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

СРАЖЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Роман

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ОТ АВТОРА

Не все произведения, написанные одним и тем же автором, пользуются одинаковым успехом. Судьба некоторых из них бывает удачной, а некоторых – трудной. Раскрыть секрет, понять причину этого не так уж и легко, и искать в этом какую-то случайность или закономерность – абсолютно бессмысленно.

Роман «Сражение в пустыне» существенно отличается от всех моих предыдущих произведений. Роман писался тяжело, я потратил на него намного больше времени, чем на любое другое моё произведение, и в процессе работы мне не раз приходилось отказываться от написанного. Часто я вырезал какие-то части произведения, считая их противоречащими общему духу, языку, стилю и гармонии самого романа.

События, описанные в романе «Сражение в пустыне», происходят на фоне судьбы одного человека, однако здесь рассматривается судьба не отдельно взятого индивида, а всего человечества в широком смысле этого слова. Образ Старика, движущегося в прошлое сквозь руины истории, влечёт читателя к раздумьям о судьбе всего мира. Описываемые события раскрываются на фоне дилеммы человека и времени, жизни и смерти, прошлого и будущего.

Взгляд на историю в романе не согласуется с традиционным подходом. Хронология истории пролистывается в контексте времени и пространства. И хотя подобное отношение к истории – переход времени к пространству – далек от реальности, оно позволяет увидеть и показать суть мира и человека.

В произведении примечательно также то, что его язык не ограничивается информативным свойством, а несёт функцию, направленную на восстановление истории, и, превращаясь в символический образ, становится одним из неотъемлемых компонентов художественного текста.

Роман написан в условно-метафорическом стиле, в связи с чем искать непосредственную связь описанных в нём событий с реальностью было бы неправильно. В произведении невидимыми узами связаны реальность с ирреальностью, иллюзии с явью. Однако проблемы, выдвинутые в романе, исходят из горькой, жестокой реальности современного мира. События и ситуации сопровождаются описаниями, отражающими тончайшие оттенки скрытых слоёв человеческого духа, реализуемых в чувствах и мыслях, что обусловливает превращение невозможностей в возможность.

С точки зрения жанра, роман «Сражение в пустыне» обладает своеобразными оттенками. На протяжении сюжета события, представленные в авторском описании, воссоединяются с внутренними мыслями героя, обеспечивая художественную полноту. В совокупности, сюжет романа раскрывается на фоне событий и происшествий, далёких от текущей, временной актуальности, происходящих на фоне вечных ценностей.

По моему личному мнению, название «Сражение в пустыне» выбрано для романа весьма неудачно, и оно не совсем согласуется с описанными в романе событиями, однако вынужден признать, что мне было трудно выбрать более подходящее для романа название.

Считаю, что каждый читатель, независимо от возрастной категории, листая роман, сможет найти себя в нём. Однако непременно найдутся и читатели, которым будет трудно принять дух произведения и терпеливо наблюдать за ходом событий.

Надеюсь, что читатели, взявшиеся за чтение романа, не пожалеют о времени, потраченном на прочтение этого произведения.

Баку, 21 декабря 2012 г.

ПРОЛОГ

Старик не отрывал взгляда от раскинувшейся перед ним до горизонта пустыни, словно искал какой-то знак, который мог бы указать направление, но то ли чувствуя, что все попытки в этом песчаном океане тщетны, то ли из-за неопределенности конечного пункта путешествия, он все гнал и гнал лошадь.

Жар, подымающийся с земли, как из раскаленной печи, обжигал дыхание, он задыхался от палящего зноя, но, не обращая ни на что внимания, продолжал путь в надежде как можно скорее достичь цели своего путешествия.

Слева, недалеко от пути, по которому он ехал, раздавались крики стервятников, раздирающих тушу громадного животного. По мере того, как тёплый вечерний ветер доносил до него зловоние трупа, его тошнило, он чувствовал сильные позывы рвоты. Он отплевывался, чтобы хоть как-то избавиться от этого состояния, но это не приносило облегчения; во рту окончательно все пересохло, от усталости ли дальнего пути, жажды ли, зноя ли язык и губы одеревенели.

Казалось, смирившись с бесконечностью пустыни, тянущейся долгой дорогой и мерным стуком копыт, он искал в душе ответ на какой-то мучивший его вопрос. Источник этого вопроса, который отражался в его взгляде и в чертах лица, был для него тайной. Что это был за вопрос, есть ли на него ответ, или он возник от праздности, чтобы развеять скуку, к кому он обращен, к его душе или никому конкретно и в никуда? Может, это и не вопрос, а пустота, отсутствие вопросов, тишина и всего лишь возможность убедиться в том, что жизнь еще не окончена, как смысл и осознание жизни.

Порой вся жизнь казалась ему одним большим вопросом, и он считал, что сама жизнь, появление на свет само по себе является вопросом. Невозможность найти ответ на все эти вопросы, неспособность осознать их направленность он связывал с необъяснимостью, заложенной в самом вопросе. Если сам вопрос не ясен, то как можно найти на него ответ или размышлять над ним месяцами и годами... Этот вопрос более всего тревожил его в долгом путешествии. Иногда ему казалось, что существует таинственная связь между этим вопросом, который его так занимал, и конечным пунктом путешествия, и если он найдет ответ на этот вопрос, в его жизни откроется совершенно новая страница, украшенная совсем другими узорами.

Ничто не терзало его так сильно, как усталость, вызванная бесконечными раздумьями над вопросом, так глубоко въевшимся в его сознание. Этот вопрос словно появился на свет вместе с ним, с момента его рождения, и, независимо от него самого, закоренел в его душе, сознании, вырос и состарился вместе с ним, превратившись в вечный спутник его жизни. И хотя временами он чувствовал существование внутри себя этого вопроса, желание найти на него ответ или задуматься над ним у него никогда особо не возникало. Сейчас будто какая-то невидимая сила торопила его найти точный ответ на этот вопрос, призывая раз и навсегда избавиться и выкинуть его из памяти и сознания.

Подчинившись воле хозяина и не подозревая о его раздумьях, конь шёл рысью, путь лежал в глубь пустыни, зной, зловоние, жажда и неуверенность в выборе направления были ей безразличны.

Дорога все тянулась и тянулась...

* * *

Закатное солнце окрасило землю необычайным цветом, который, разойдясь по всей пустыне, наполнял его душу грустью и печалью, напоминая о бессмысленности и бренности жизни.

Он не мог оторвать взгляда от неба; впервые за всю свою долгую жизнь он видел солнце в таком цвете и обличье, эта смерть дня пробуждала в нем странные чувства. Наблюдая за закатом, он считал, что всё закончилось, осталось позади, и все его надежды, мечты уходят в небытие. Казалось, всё, что связывало его с этим миром, исчезало вместе с солнцем, оставляя его в одиночестве с осиротевшими, беспамятными чувствами.

С наступлением темноты постепенно исчезал и шум, царящий в пустыне, и невыносимая тяжесть ночи оседала не только на этом безбрежном песчаном море, но и на его душе. В его сознании, словно тучи, стихийно бродили странные тени и, пробуждая давно забытые переживания, настраивали его на доселе неизвестное ему расположение духа.

...Пустыня, потягиваясь, глядела вслед исчезающим лучам заходящего солнца. Будто солнце больше никогда не взойдёт, утро никогда не наступит, и весь мир навсегда покроется мраком.

Следя за закатом солнца, которое, собрав весь земной свет в кучу, уводило с собой за горизонт, Старик ощущал непреодолимое смятение, овладевшее им и угнетающее его душу, чувствуя тяжесть от невыносимых терзаний, безуспешно пытался найти способы избавления от тревожащих мыслей, приносящих ему страдания.

С закатом солнца удлинялась тень всадника, оставляя на песке странные очертания. Привыкший к этому ежедневному процессу, он знал, что с исчезновением солнца исчезнет и его тень, и эта мысль наполняла его грустью. Ему хотелось ещё немного побыть со своей тенью, чтобы хоть немного забыть о своем одиночестве в этой бескрайней пустыне.

Старик никогда раньше не был так сильно привязан к собственной тени и не осознавал её существование так отчётливо, как сейчас. Видимо, именно по этой причине в его памяти не осталось ничего, связанного с собственной тенью.

Но с тех пор, как он отправился в это странствие по безлюдной пустыне, от одиночества или по какой-то другой причине он начал внимательно вглядываться в свою тень. А в последнее время он стал замечать в действиях своей тени какие-то странности, что не на шутку обеспокоило его. Тень вела себя несколько иначе, как бы она ни старалась повторять за своим хозяином все движения, скрыть скуку и усталость от своего хозяина ей не удавалось. Он чувствовал, что тень только и ищет возможности избавиться от своего подневольного положения и покинуть его.

Теперь, заметив что-то неладное, он вздрогнул и машинально натянул поводья коня, заставив её остановиться. Его тень совершала какие-то странные действия, словно пытаясь развязать какой-то узел, и вела себя подозрительно. Старик понял, что тень всячески пытается оторваться, избавиться от него, освободиться от этого рабства. По выражению лица, движению губ было видно, что тень пытается что-то сказать, что-то донести до него. Но поскольку голосом она не обладала, он не мог понять, что та хочет сказать, и только совершал тщетные попытки удержать её, не дать оторваться от себя.

– Постой, что с тобой? Что ты делаешь?

– ...

Тень безмолвствовала – но по её движениям было видно, что она слышала его. Это немного подбодрило его.

– Я с тобой разговариваю! Слышишь меня?

– ...

Тень молчала. Старик попытался повысить голос, но, почувствовав, что губы словно онемели, не на шутку испугался.

Тень продолжала упорно метаться, и с каждым её движением Старик ощущал в потаённых областях своего тела боль, внутри его что-то покалывало, натягивалось и казалось, вот-вот оборвётся. Он не представлял себя без тени, поэтому все мышцы мобилизовались на борьбу. Чем больше металась тень, тем больше трясло его тело, он с трудом удерживался в седле, чтобы не упасть. Старик чувствовал, что уже поздно что-либо предпринимать и изменить ситуацию невозможно, тень, мечась, все больше и больше отрывалась от него, и в ее изменившихся очертаниях уже не было ничего схожего с ним.

Внезапно он ощутил, что какая-то сила выскользнула из его тела, и оно сразу сникло – тень покинула его.

Ему захотелось развернуть коня и поскакать за тенью, которая удалялась от него со скоростью ветра, догнать и удержать её, умоляя и уговаривая вернуться. Но мышцы не подчинялись ему, тело стало чужим, он замер.

Немного отдалившись, тень остановилась и, помахав ему рукой в знак прощания, растворилась среди песков. Впервые за время странствия старик ощутил одиночество.

«Что он теперь будет делать без тени? Как он сможет пережить эту потерю? Сможет ли смириться с её отсутствием?»

Он взглянул на солнце, медленно опускающееся за горизонт.

Почувствовал себя опустошенным.

* * *

По мере того, как солнце постепенно сливалось с линией горизонта, пустыню с ее бескрайними просторами окутывала тайна, скрывая под покрывалом все: его память, сознание, мысли, все, что терзало и не давало ему покоя. Будто мгла опускалась не на этот океан песка, а на его тело, проникая и пропитывая все мышцы, душу, всю его сущность.

Он хотел разрушить наступающую на него тьму, стереть все следы, оставляемые ею на его жизни, навсегда избавиться от них.

Лучик света, исходящий из глубин его памяти, двигаясь сквозь нарастающую тьму, гас в далёких бесконечных песках.

Наблюдая за печальным отражением света, тающего вдалеке, он чувствовал, как съеживается его душа, и хотел хоть на мгновение остановить течение времени.

Дуновение ветра пробуждало в нем спящую на протяжении многих лет далёкую память, под тяжестью которой он горбился, сникал. Он пытался найти силы, чтобы стряхнуть с себя эти страдания, печаль, непосильным грузом лежащим на его плечах.

Вся его жизнь, вплоть до сегодняшнего дня, была полна боли и страданий, и теперь от всего пережитого черты его усталого лица изменились до неузнаваемости.

Его тело всё ещё ныло от боли после бегства тени..

Пустыня едва слышно стонала.

ГЛАВА 1

На своём пути Старик преодолел горы, равнины, леса, луга, долины и склоны, очутившись в конце концов в серой безжизненной и бескрайней пустыне. Он уже довольно долго ехал на коне по этим пескам, толком не зная, куда едет и когда доберется куда-нибудь. Когда перед его глазами вставал пройденный огромный путь, сознание того, что возвращение невозможно, страх перед грядущими испытаниями и бедствиями наполнял его ум и сердце.

Осознавая, что навсегда покинул всё, что связывало его с этой жизнью – дом, очаг, родных и близких, он погружался в печаль и тоску, оставалась только уверенность в том, что все события были неизбежны и нанизаны, как бусы, на нить его судьбы.

Отказавшись от будущего, душа его была полна только одним желанием: вернуться в прошлое. Ему хотелось заново пережить все пережитое; но сможет ли он найти что-нибудь в этом давно разрушенном прошлом, от которого его разделяет время?..

Этого он не знал…

Пускаясь в путь, он ещё не знал, насколько кардинально изменится русло его жизни. Прошлое, к которому он стремился, было укрыто завесой, пробуждающей в его душе чуждые, непонятные чувства. Перед его глазами открывалась совершенно иная картина, ему не удавалось найти следы жизни, цивилизации, оставленной прежними поколениями, от этого он чувствовал себя беспомощным, понимал безнадежность своего предприятия и все же шел по выбранному пути, так как не видел для себя другого выбора и продолжал понукать свою лошадь.

Глубоко в душе Старик горько раскаивался, что пустился в этот путь, но какая-то внутренняя сила поднималась в нем, и сожаление тут же исчезало. Это чувство не отпускало его, то и дело возвращаясь, и это окончательно нарушало его внутренний покой.

Мечтая о завершении своего пути, он просеивал усталым взглядом далёкие горизонты.

Но глаза его упирались только в широту бескрайней пустыни.

Дорога все тянулась...

* * *

Он ощущал невидимые тени, безмолвно парящие вокруг него, словно дуновение ветра; чувствовал их запах, шепот, то, как они двигаются. Казалось, что они, чувствуя опасность, грозящую им издалека, суетясь и тревожась, спешили исчезнуть из поля зрения. Но иногда он чувствовал, что тени никуда не спешат – они просто беспечно кружат вокруг него. Их присутствие помогало забыть одиночество в бескрайней пустыне.

Но это длилось недолго – немного спустя, тени незаметно исчезли, отчего в его душе осел холод одиночества. Он вспомнил, как когда-то у него самого была тень – от этого воспоминания заныло сердце … Он потерял не просто собственную тень, но свою опору, свою поддержку.

Дорога все тянулась...

Чем дольше он путешествовал, тем больше видел, как его воля слабеет день ото дня. Чувства, годами замурованные в потаенных уголках его души, отделялись от тела и расходились по всей пустыне, постепенно сливаясь с песками. Так постепенно пустыня превращалась в неотъемлемую часть его тела.

Устав от этой бескрайности, он хотел пристать к какой-либо ограде, границе, убежищу, где эта бесконечность прекращалась. Но вокруг него упорно тянулась безбрежная ширь песков.

Однако эта безбрежность дала ему и чувство некой свободы, прогнав страх тесноты, временами тревоживший его душу. Теперь в этих просторах все в его сознании оживало.

С другой стороны, среди этой бесконечности он всё сильнее ощущал своё одиночество. Мысль о том, что он является единственным обитателем этой огромной земли, сильно беспокоила его, но представление, что он стоит у руля этого мира, утешало его.

Он не мог понять, почему он с бесконечным упорством двигается в одном определенном направлении. Ему было сложно отличать этот путь следования от других дорог в этой пустыне. Пески растворяли в себе все пути.

От бесконечной широты голова его кружилась.

Он продолжал путь, слепо подчиняясь велению пути.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 2

Тот день, когда он решился отречься от будущего и вернуться в прошлое, в глубь истории, казался ему перекрестком мира, жизни, судьбы. «Как же так получилось, что я осмелился на этот шаг? Откуда у меня столько сил, столько упорства? Как я мог решиться на такое, не зная, что меня ждёт на этом пути?»

Его до сих пор изумляла собственная смелость, как он, не колеблясь, решился на этот неожиданный, спонтанный шаг.

…С закатом солнца он внезапно почувствовал, как охладевает, опустошается его сознание. В его душе происходило какое-то непонятное изменение, он ощущал собственное отчуждение; с неимоверной быстротой всё вокруг теряло для него какую-либо ценность. Он видел бессмысленность своего окружения, мучившие его временами горести, боли, страдания покидали его, превращаясь в ничтожную бессмыслицу. Он смотрел вслед покидающим его мукам, не понимая причины происходящего. Какая-то необъяснимая сила в его душе стремится избавить его из плена его собственного мучительного воображения.

Происходящее внутри него пугало. Ему казалось, что эти изменения просачиваются наружу, изменяя и его внешность. Он менялся, преображаясь в абсолютно другого человека – возможно, в совершенно иное существо.

Его лицо, щёки, руки и ноги, все тело, казалось, были более не подвластны ему. Осторожно провёл рукой по щекам, горлу и шее, ощупывая пальцами всё тело. Все было на месте.

Он чувствовал, как эта волна постепенно распространяется по всему телу. Вслед за этим смятением, охватившим все его существо, его туманные воспоминания стали приобретать четкость, он начинал более ясно осознавать всё происходящее.

Он искал пути избавления от сомнений и тревог, царящих в его душе, памяти и теле – однако контролировать свои чувства и ощущения ему не удавалось; они больше не подчинялись ему и управлялись какой-то невидимой силой, заставляя его безмолвно выполнять команды. Он пытался изменить походку и поведение, но все было напрасно, вне зависимости от своего желания, он подчинялся чьей-то невидимой властной руке.

* * *

В последнее время он стал настолько безразличен ко всему, что ощущал полное одиночество, как на необитаемом острове. Он никак не мог понять, о чём говорят окружающие его люди, о чём они думают, чего хотят. Люди, с которыми ежедневно встречался, внешне были похожи на него, и никакого различия в их внешности, походке, поведении не было. Они ели, гуляли, отдыхали, как и все другие живые существа. Но всё это было только внешне – внутренне они изменились, стали совершенно иными людьми. Словно кто-то вынул их души из тел, и все они превратились в какие-то непонятные существа. Он чувствовал, как задыхается, как он зажат в тисках среди этих бездушных, бесчувственных, отчуждённых людей, и хотел освободиться от этих пут.

Время давило, как пресс. Но не месяцы и годы угнетали Старика, а века, эпохи, и он уже не умещался в границах времени.

Он желал освободиться от груза памяти и думал, что это немного облегчит его состояние.

Жизнь завяла, как цветок под палящим солнцем, окончательно потеряв свою красоту и благоухание. Он всем сердцем хотел во что бы то ни стало, любыми путями избавиться от такой жизни. Годами он подавлял в себе желания, ведя однообразную жизнь, которая то и дело заводила его в тупики, в конце концов, мысль о том, что он приговорен к такому монотонному и безрадостному существованию, извела вконец его душу и сломила дух.

Ему осточертело бесцельно копошиться среди бессмысленных реалий этого мира. Он сам удивлялся себе – как можно терзаться одиночеством среди беспрерывно бродящей человеческой толпы, напоминающей муравейник?! Страх бесконечной пустоты и бессмыслицы, разъедающий его душу изнутри, распространялся по всему ноющему телу. Все вокруг него было овеяно одиночеством, и он неизбежно превращался в пленника этого чувства, его охватывал гнев, а виски пульсировали от упрямства и злости.

Тихие волны равнодушия упорно выталкивали его на берег, пытаясь отдалить его от человеческого океана. Барахтаясь на мелководье у самого берега, он пытался выяснить для себя дальнейшее течение жизни, но это ему не удавалось, что причиняло ему еще большие страдания.

Он замечал, как душа погружается в темный омут, как печали, заботы и воспоминания, накопленные им за эти годы, оживают и, разбиваясь, мелкими камнями падают вокруг него. Он никогда раньше не оглядывался на свою жизнь, никогда не замечал, не думал о том, как исчезали и растворялись прожитые им годы, урванные им у времени. Но теперь, оглядываясь назад, он с изумлением осознавал, что прожитая жизнь не оставила в его памяти ни одного теплого, нежного чувства или воспоминания. Постепенно ему было всё сложнее понимать окружающих его людей. Будто это был чужой народ, чей язык, слова были ему неизвестны. Оттого, что ему не с кем было общаться, делиться мыслями, да и просто перекинуться парой слов, тоска и одиночество душили его. Чем глубже становилась бездна между ним и людьми, тем больше людская масса отталкивала его, заставляя его уходить в себя, замыкаясь в душе.

Между тем он понимал, насколько будет тяжело жить вдали от привычной обстановки, к которой он за долгие годы привязался. Поэтому он вначале пытался найти общий язык с окружающими его людьми, но, удостоверившись в бесполезности этой затеи, передумал. Уяснил для себя, что отныне ничто не связывает его с обществом, в котором он живёт, и жить среди этих людей он дальше не может.

Так, незаметно для себя, оборвав все связи с привычной средой, он изменил русло жизни, придав ей другое направление, и его внутреннее беспокойство заметно ослабло.

Жизнь давно уже потеряла своё было значение, весь мир для него был бессмыслен и пуст.

* * *

Внезапно он вздрогнул от услышанного странного звука. Словно где-то что-то треснуло от сильного, неожиданного удара. Затаив дыхание, он прислушался, чтобы определить источник этого гула, доносящегося из недр земли.

Треск продолжал раздаваться глухим, бесконечным эхом. Словно где-то, в огромном, безбрежном океане раскололась огромная льдина, и ледяные глыбы, отдаляясь друг от друга, плыли в противоположном направлении, и трещина между ними постепенно превращалась в глубокую, бездонную, непреодолимую пропасть. Он чувствовал, как земля трещит под ногами, а небо над головой раскалывается на две части.

Разрыв все более увеличивался, льдины разламывались на более мелкие куски, и звуки эти, смешиваясь, волнами расходились по земле. Он слышал, как всё вокруг разламывается под этим напором и, разбиваясь вдребезги, превращается в бесчисленные мелкие частицы и исчезает в бездонной пустоте времени.

Все, что хранило его память: мысли, мечты, – разорвавшись вдребезги, осыпалось в глубину его души.

По мере разрастания звука он чувствовал, как мир отделяется от него, казалось, он стоял на перепутье веков: он стоял в прошлом, а будущее оставалось на противоположной стороне. Прежде чем трещина разрастется, он должен был решить: совершить прыжок в сторону будущего или раз и навсегда отказаться от будущего и вернуться в глубокую древность, на путь, пройденный человечеством.

Опустошенный, он наблюдал, как все, что связывало его с будущим, постепенно исчезало, память тускнела, мечты и надежды на будущую жизнь, которую он собирался прожить, увядали, как цветок.

Неожиданно разорвавшееся время протянуло границу между прошлым и будущим. Теперь он должен был быть осторожным, чтобы не упасть в эту разверзающуюся пропасть.

«Если дороги прошлого и будущего разделяются, то по какому пути отныне направится течение жизни? Неужели прошлое останется без будущего, а будущее будет без прошлого? Возможно продолжение жизни по привычному пути на фоне раздельного существования времён? Или мир создаст новый уклад, порядок, и всё начнётся сначала?»

Земля уходила из-под ног, время, разрываясь, разделяло и мир.

Шум треска распространялся, уничтожая все звуки на своем пути. Всё рушилось, и сыпались мелкие кусочки...

Вокруг было невиданное движение; всё – деревья, камни, обломки скал покидали свои места и уходили.

Он уже не узнавал привычного мира, в котором провёл всю свою жизнь. Всё вокруг, куда, бы он ни бросил взгляд, изменилось и предстало в совершенно ином обличье.

Ему захотелось закричать, позвать на помощь, но собственный голос ему показался чужим, так как и голос его треснул и разломился вдвое.

Подняв голову, он посмотрел на небо. Оно было в трещинах и потеряло свой привычный вид.

Он стоял озадаченный, так как не мог вспомнить, в каком направлении шел, ноги забыли, как передвигаться по земле, по которой они когда-то ходили.

* * *

Ошеломленный столь резким поворотом судьбы, Старик вернулся домой и начал готовиться в дорогу. Он не хотел брать с собой много вещей, поэтому долго думал, отбирая самое необходимое для дальнего пути. Наконец, собрав сумку, он прикрепил её к седлу коня.

Сначала он думал выспаться, чтобы отправиться в путь утром, но быстро отказался от этой идеи и решил выехать как можно скорее. Опасался, что если он не уедет сразу, то по каким-то причинам его судьба изменит свое направление. Некая таинственная, неизвестная сила торопила его, призывая не колебаться ни секунды. Ему казалось, что если замедлит, то навсегда потеряет эту возможность, чудесным образом подаренную судьбой, и впредь больше такого шанса реализовать свою мечту у него не будет.

Усевшись в седло, он окинул взглядом свой дом, в котором родился и прожил всю жизнь, с которым были связаны и горькие, и сладостные воспоминания, маленький двор, мощённый плоскими булыжниками, и грабы с золотистыми листьями, по-

саженные вдоль забора. Он пытался сохранить всё в своей зрительной памяти, словно прощался не с будущим, а с целым миром, и боялся что-то упустить.

Время пошло вспять, и он видел, что и мир, и жизнь облачаются в не привычные ему совершенно иные краски, меняя форму. Подмечая все это, он с беспокойством думал о том, куда заведет его провидение.

Старику казалось, что поворот времени вспять сотрёт из его памяти всё, что беспокоило его на протяжении многих лет. Он ждал, когда полностью истечёт время, в надежде избавиться от тяжкого бремени, тяжелым гнетом давившим на его душу.

От мира, представшего в цвете заката, веяло горестью, печалью, невыносимой тяжестью. Он чувствовал, что всё, чего касается его взгляд, постепенно теряет свою былую свежесть и окрашивается в незнакомые, не виданные им раньше цвета, он более не узнавал привычного мира.

Он посмотрел вслед заходящему солнцу, словно хотел, соединившись с ним, раствориться за горизонтом.

Он опустил поводья коня.

* * *

Старик не мог взять себя в руки – опьяневшая земля уходила из-под ног; от вращения против часовой стрелки кружилась голова и равновесие удержать не удавалось, он потерял счет идущим вспять дням, месяцам, годам.

Отрывая его от старости, течение времени вело его в молодые годы, и на этом пути его душу тревожило пережитое в прошлом, которое он когда-то торопился забыть, оставить позади. Заново переживая давно ушедшие воспоминания, осевшие горечью в его душе, он хотел вырваться из плена своего тела и сердца. Память, проходя по дорогим ему воспоминаниям, которые он и не надеялся вернуть, превращались в листву и, теряя свежесть и благоухание, осыпалась в пустоту измененного времени.

В прошлое его вели не только ноги; какая-то таинственная сила в его душе упорно вела его, волоча назад, в глубь истории. Но течение времени, повернувшееся вспять, было столь стремительным, что он не мог адаптироваться к его скорости, не имея возможности хотя бы на мгновение остановиться, осознать это вернувшееся из небытия прошлое и сравнить его с пережитыми чувствами. Подчинившись силе, ведущей его, он осознавал, что у него более никакого выбора нет, и ничего не остаётся, кроме как смириться со своей судьбой.

Больше всего его огорчали предательства, с которыми он столкнулся в своей жизни, собственные ошибки и мучившие его потом из-за этого угрызения совести. Он ясно видел ошибки, допущенные им на перепутьях жизни, отказ от путей, способных придать его жизни яркие краски и ведущих к счастью, и никак не мог смириться с собственной наивностью и безрассудством, приведшими его к серой унылой жизни. Теперь, когда ему ничего не оставалось, кроме как покорно принять прошлое, он вспоминал прожитое с горьким сожалением. Порой скорость была такой, что не было и времени сожалеть о бесконечно чередующих друг друга горестных страницах жизни, связанных, как звенья длинной цепи.

По мере вращения времени вспять он незаметно перешел из старости в молодость, превратился в маленького ребёнка, затем в новорождённого младенца и исчез, вернувшись в материнское чрево.

В утробе матери он попал в головокружительную пустоту безвременья и полностью потерял память. В этой пустоте, состоящей лишь из огненно-красной бездны, он потерял не только направление безграничного течения времени, но и знакомое ему временно́е понятие. Красная пропасть постепенно превратилась в серую пустоту, а затем – в кристальную прозрачность и, растаяв, исчезла.

* * *

В пустыне вначале ему встретился старый дервиш, одетый в лохмотья и с лицом, усыпанным веснушками. Железным посохом он чертил на песке какие-то непонятные линии, затем, упав на колени, что-то неслышно бормотал, словно беседуя с этими знаками. Немного спустя он стирал начерченное и рисовал на песке новые линии. Действия дервиша напоминали какой-то таинственный обряд.

Старик подошёл к дервишу и вежливо поздоровался:

– Добрый день!

Дервиш не промолвил ни слова.

– Здравствуй, почтенный дервиш! – подумав, что дервиш не услышал его, сказал Старик громче.

Не получив ответа, Старик подъехал ближе к дервишу и начал наблюдать за его действиями. Тот не поднимал головы, словно не слыша его, не чувствуя его присутствия.

На самом деле Стариком двигало не столько желание выяснить значение этих непонятных линий, начерченных дервишем на песке, сколько намерение расспросить этого человека, встретившегося ему на пути в этой бескрайней пустыне, о том, что его ждёт на этом пути. Ему ничего не оставалось, как ждать, пока дервиш завершит своё странное занятие, и он слез с коня.

Ждать долго ему не пришлось; немного спустя дервиш стёр своими тонкими, длинными пальцами с поверхности песка начерченные линии и, привстав, как ни в чём не бывало, вежливо ответил на его приветствие.

Старик вздрогнул. Хриплый голос дервиша исходил не из него, а откуда-то издалека, из глубины времен. Этот хриплый голос никак не соответствовал худому и высокому дервишу.

– Не сочти за неуважение, что я не ответил на твоё приветствие, просто я не мог прервать обряд.

– А что за обряд, в чём его смысл?

– Я пытался прочесть твою судьбу.

Старик не поверил своим ушам:

– Мою? Мою судьбу?

– Да, твою судьбу...

– А откуда ты знал, что я проеду отсюда?

Покачав головой, дервиш глубоко вздохнул.

– Ты помнишь, как треснуло время? С тех пор я все глаза себе проглядел, ожидая твоего появления, – сказал он.

Слова дервиша показались ему странными.

– И как, удалось ли прочесть мою судьбу?

– Конечно...

– Очень интересно... И что меня ждёт?

Дервиш оглядел краем глаза широту пустыни.

– Ты пока в начале пути. Ничего не могу сказать, – ответил он.

– Куда бы я ни глядел, всё кажется мне укутанным тайной... – Старик с любопытством смотрел на отшельника. – Ничего не могу понять... Очень тебя прошу, скажи, что меня ждёт на этом пути?

Помолчав некоторое время, дервиш, глядя в глаза Старика, полные страха, волнения, безнадёжности и смятения, произнёс:

– Сперва ты окажешься на рынке времени, – сказал он, и погрузившись в мысли, добавил: – Помни об этом.

– Ясно, а дальше?

– Дальше ты встретишь змеиную стаю, а в разрушенной мельнице тебя ждут испытания...

– А потом?

– У тебя на пути окажется илистая река, и тебе надо будет перебраться через нее. Дальше ты очутишься в царстве духов. А еще окажешься в окружении черепов, и тебе придётся противостоять им, – дервиш погрузился в мысли, словно пытаясь то-то вспомнить. – Больше ничего сказать не могу.

–...

– А теперь поторопись, продолжай путь! Впереди тебя ждут серьёзные испытания.

Старик хотел ещё что-то спросить у дервиша, но, позабыв, что именно хотел спросить, промолчал.

Вместо того, чтобы внести ясность, слова дервиша ещё больше запутали Старика, и он стоял недвижим, не понимая, что делать дальше. Возможно, не встреть он дервиша, продолжил бы свой путь как ни в чём не бывало, и не было бы такой тревоги. Но мысль о том, что дервиш появился на его пути не случайно, и эта встреча была предписана свыше, принесла ему облегчение.

Немного придя в себя, он продолжил путь, но, отъехав на несколько шагов, почувствовал на спине пронзительный взгляд дервиша и остановился.

Повернувшись, он увидел, что дервиш следует за ним медленными шагами. Подойдя к нему, он протянул Старику узелок.

– Чуть не забыл... Возьми! – сказал он.

Забрав узелок, старик удивлённо спросил:

– А что это?

Старик попытался развязать узелок, но дервиш остановил его.

– Не развязывай, это тайна, – сказал он.

– И что мне с ним делать? – недоуменно спросил старик.

– Как я уже говорил, ты окажешься на рынке времени. Расспросишь и отыщешь на рынке Светлого дервиша. Скажешь ему, что этот узелок передал Конопатый дервиш, и он поможет тебе всем, чем нужно, – ответил дервиш и, переведя дыхание, продолжил: – Тебе придётся сделать покупки на рынке, так как для того, чтобы достичь намеченной цели, одной жизни не хватит, тебе нужно запастись временем. Но не торопись – не принимай необдуманных решений; ни в коем случае не покупай фальшивое время.

– А как мне отличить фальшивое время от настоящего?

– Я же сказал тебе – отыщи Светлого дервиша. Дальше – не твоё дело, он сам всё сделает так, как нужно.

Глаза старика скользили по усыпанному веснушками лицу дервиша, но поймать его взгляд, казалось, окончательно потерявший своё направление и рассыпавшийся по бескрайнему, бесконечному времени, было невозможно.

– Не поддавайся на уговоры торгующих на рынке. Кроме человека, которого я тебе назвал, никому не доверяй, никакую тайну никому не раскрывай. Понятно тебе?

– ...

Дервиш продолжал ещё что-то говорить, но Старик уже его не слышал. Мысли увели его куда-то вдаль, оставив наедине с превратившимися в руины воспоминаниями. Не понимая слов дервиша, он только слышал ритм и мелодию его голоса. Этот голос давил, утомлял его. Очнувшись от воспоминаний, мучивших его, Старик, перебив дервиша, спросил:

– А кто ты такой, почтенный дервиш?

Услышав вопрос, дервиш понял, что Старик всё это время не слушал его, и все его слова о рынке времени были напрасны. Но не подал виду.

– Ты кто? – повторил старик свой вопрос.

Улыбка на лице дервиша исчезла, и он промолвил холодным командным голосом:

– У меня нельзя спрашивать, кто я такой! Ступай дальше!

Переполненный странными мыслями, не дающими ему покоя, старик расстался с дервишем и опустил узду коня. Но вскоре невидимая сила снова заставила его остановиться и оглянуться.

На том месте, где пару минут назад дервиш передал ему узелок, никого не было.

Дервиш исчез.

* * *

Он не помнил, насколько долгим был преодоленный путь. Монотонные дни чередовались, и впереди не было видно ничего, кроме безбрежных песчаных песков.

С рассвета до самого заката его взгляды были уставлены на горизонт. Но все было бесполезно – не было ничего, что изменило бы хоть как-то облик пустыни. Изо дня в день он понемногу терял надежду добраться до рынка времени, о котором говорил дервиш, и эта безнадёжность ещё больше усиливала его усталость.

Иногда ему казалось, что он заблудился, едет совершенно в ином направлении и никогда не достигнет намеченной цели. В такие моменты он останавливал коня и, оглядываясь назад, долго просматривал преодолённый путь, а затем с отчаяньем отправлялся дальше.

Ежедневные раздумья и грёзы, связанные с дальней дорогой, угнетали его ещё до того, как он встретил дервиша. Но тогда этот путь не казался ему таким нудным и тяжелым, как сейчас. Теперь по какой-то причине он стал более нетерпеливым.

Его глаза устали от монотонности окружающей его картины.

Узелок, переданный Конопатым дервишем, Старик положил в сумку. Всю дорогу узелок утешал его, не позволяя ему терять надежды даже в самые нелегкие моменты. Иногда он вынимал сверток из сумки и прижимал к груди, как будто хотел почувствовать его биение, словно он обладал сердцем. Ему казалось, что если потеряет узелок, то окончательно заблудится. По ночам, когда он ложился на песок, чтобы поспать, вынимал узелок из сумки и подкладывал под голову, будто опасаясь, что в этой безлюдной пустыне, где не было ни души, узелок могут украсть. После предупреждения Конопатого дервиша он не решался развязать узелок и не знал, что там внутри.

Наконец, однажды днём, около полудня, он услышал шум и человеческие голоса и, поняв, что рынок времени уже близок, облегченно вздохнул. С приближением к рынку шум становился ещё громче. Он подъехал к толпе, собравшейся возле старого строения, напоминавшего старую мельницу, и, обратившись к рябому мужчине, сидевшему на камне, спросил, что тут происходит, почему эти люди собрались тут. Мужчина ответил, что эти люди пришли на мельницу, чтобы перемолоть время.

Старик спросил, где он может найти Светлого дервиша. Услышав это имя, рябой мужчина встал с камня и, подойдя к нему, смерил его с ног до головы взглядом, словно пытаясь понять, для чего это ему понадобился Светлый дервиш. Старик понял, что Светлый дервиш пользуется здесь большим влиянием.

Не теряя времени, Старик направился туда, куда ему указал рябой мужчина. Дом Светлого дервиша находился на западной стороне от рынка, чтобы дойти до него, надо было пройти весь базар, где шумно велась торговля. Увиденное вокруг сильно изумляло его, и он волей-неволей останавливался, чтобы разглядеть посетителей рынка.

Несколько дервишей в лохмотьях, со старой шалью на голове, сидели возле деревянного лотка и, расхваливая свой товар, зазывали покупателей. Лотки были покрыты старой бязью, отчего не было видно, чем они торгуют. Не сумев побороть любопытства, Старик подошёл к одному из торговцев и спросил, что он продаёт.

– Я продаю время, – ответил дервиш.

– И почём? – спросил старик.

– Совершенно бесплатно!

Старик обратился к другому дервишу:

– А ты что продаешь? Тоже время?

– Конечно, – ответил дервиш в чалме. – Это рынок времени.

– Но почему вы продаёте время?

Один из дервишей вздохнул.

– Потому что отныне время нам не нужно, – с горечью ответил он.

– А ты почём продаёшь?

– Совершенно бесплатно!

Голоса дервишей раздавались по всему рынку:

– На этом рынке все знают, кто я такой.

– Я ко времени не притрагивался.

– Заберите, унесите, пользуйтесь, как вам заблагорассудится.

– Я хочу умереть, но время мне мешает! Если бы кто-то забрал его, то я спокойно покинул бы этот мир...

– Ну, когда же продастся это время? Я теряю терпение...

– Я хочу избавиться от времени.

– Вовремя не продал это время, теперь оно никому не нужно. Даже не знаю, что делать!

Голоса, раздающиеся отовсюду, смешивались, создавая странный многоголосый хор.

Ему захотелось увидеть продающееся время.

Подойдя к одному из лотков, он попытался поднять с него покров, но пожилой дервиш резко оттолкнул его руку.

– Время трогать нельзя, – сказал он, – иначе оно улетучится.

– Но я же не могу купить товар вслепую, – возразил Старик.

– Ты не можешь видеть время, – ответил пожилой дервиш с более мягким голосом.

Один из дервишей подозвал его:

– Иди, покупай у меня! Время, которое продаёт он, и выеденного яйца не стоит.

– Отчего же?..

– Потому что он никогда не ценил прожитую жизнь и всю свою жизнь время убивал... Время, продаваемое таким человеком, и гроша ломаного не стоит. А время, которое продаю я, на вес золота...

– Он всё врёт, не верь ему! На этом рынке все знают, какой товар продаю я, – вмешался в разговор низкорослый, седой дервиш.

Старик вспомнил наставления Конопатого дервиша, увещевавшего его быть осторожным и внимательным, не поддаваться на уговоры продавцов фальшивого времени и довериться только Светлому дервишу. Поэтому он поспешил покинуть рынок.

Выйдя из шумного рынка, он пришёл к дому Светлого дервиша и застал его беседующим с толпой людей под камышовым навесом. Постояв в сторонке, он стал ждать, когда тот закончит беседу. Но, почувствовав присутствие Старика, дервиш тут же прекратив беседу, подозвал его к себе.

Поздоровавшись, Старик протянул ему узелок, переданный Конопатым дервишем.

– Это передали вам, – сказал он.

Забрав узелок, дервиш кивком поблагодарил его и предложил ему присесть.

– Этой ночью ты мой гость. Отдохни с дороги как следует, завтра я провожу тебя.

Скрестив ноги, Старик уселся на старой циновке. Воцарилась тишина.

Старик поднял голову и начал наблюдать, как тот, развязав узелок, осматривает его содержимое.

Дервиш вытащил из узелка нечто, похожее на плоский камень, и, некоторое время поворачивая его в руке, подул на него, завернул в белую ткань и, положив в узорчатый узелок, протянул старику:

– Держи, – сказал он и, заметив удивлённый взгляд Старика, добавил: – этот узелок понадобится тебе, чтобы встретиться с Белым дервишем.

– А где я встречу Белого дервиша? И когда?

– В царстве духов... Разве Конопатый дервиш не предупреждал тебя?

– Он мне сказал, что мой путь пройдёт через царство духов, но про Белого дервиша ничего не говорил...

– Я тоже ничего не могу сказать про Белого дервиша. Но если не сможешь встретиться с Белым дервишем, то твоё посещение царства духов не будет иметь никакого смысла...

Забрав узелок, Старик привязал его к поясу. Узелок был горячим, как тлеющий уголь.

Вспомнив что-то важное, Светлый дервиш добавил:

– Ворота в царство духов открываются для посетителей лишь один раз в тысячу лет. Если ты не успеешь или же по какой-либо причине упустишь эту возможность, то все твои старания пойдут насмарку.

Все тело дервиша светилось, как у ангела, ослепляя Старика. Он чувствовал, как под воздействием этого сияния постепенно исчезает в его душе и теле усталость.

– Я не знаю ни вас, ни Конопатого дервиша, – робко сказал Старик... – Можете мне сказать, кто вы такие?

Светлый дервиш молчал, озаренный собственными лучами.

– Вы не могли бы раскрыть мне тайну этих узелков, почтенный дервиш? – перефразировал свой вопрос Старик.

– Ты мой гость и свят для меня, но не настаивай – я не могу никому раскрыть эту тайну...

– ...

– Если я что-то скажу, то всё будет попусту.

– ...

– Нельзя просить у дервишей, чтобы они раскрыли тайны.

Поняв, что упрашивать бесполезно, Старик сменил тему беседы:

– Я не могу понять, почему я должен покупать время?

– Время необходимо для тебя, так как тебя ждёт долгий путь. Если у тебя не будет достаточно времени, то ты не сможешь достичь намеченной цели.

– А почему в этой странной местности повсюду продаётся время?

– А тебе не следует поддаваться на их уговоры – время, которое они продают, фальшивое. Я сам подскажу, где и как тебе нужно купить время.

Светлый дервиш подозвал к себе юношу, покорно стоявшего рядом с ними, и что-то шепнул ему. Не промолвив ни слова, юноша удалился и, вернувшись через некоторое время, протянул дервишу какой-то узелок. Отложив в сторону узелок, принесённый юношей, Светлый дервиш обратился к Старику:

– Протяни руки.

Старик подчинился. Взяв руки Старика в ладони, дервиш велел ему закрыть глаза и принялся читать молитву.

Старик задрожал, чувствуя, как в жилы и вены, в самую глубину души проникают какие-то частицы. Казалось, кто-то отдаляет его память. Всё, что было в его сознании, удалялось от него, превращаясь в туманную грезу и тая, исчезало за горизонтом. Тело его обмякло. Он почувствовал легкость и, потеряв сознание, упал на циновку и остался недвижим.

* * *

Открыв глаза, он обнаружил себя лежащим посреди пустыни. Вокруг не было ни шума рынка времени, ни Светлого дервиша. Словно всё произошедшее происходило в глубоком таинственном сне.

Он коснулся пояса, узелок, врученный Светлым дервишем, был на месте.

Взяв узелок под мышку, он направился к коню, стоящему чуть поодаль.

Серая мгла окутала пустыню, словно кто-то вплоть до самого горизонта накрыл ее пепельной кисеёй.

Дорога все тянулась...

* * *

Он не помнил, сколько времени прошло. Тысяча лет, десять тысяч или ещё больше – он не знал. Случившееся текло сквозь пустоты времени, как непостижимый сон, и все было окутано туманом в невидимых далях этого сна.

Впереди расстилалась бескрайняя пустыня. От этой безбрежности казалось, будто весь мир состоит из небытия, пустоты и бесконечности. Никогда раньше он не оставался один на один с такой всеобъемлющей пустотой, иногда он останавливал коня и с изумлением разглядывал пустыню, поражаясь тому, как все в ней настроено на безмерность и необозримость. Он ясно осознавал, насколько огромен мир, но от этого изумление и волнение его не ослабевали.

В этой пустоте, которой не было ни конца ни края, он чувствовал себя единственным жителем земли, и ему казалось, что всё протекает по его воле и желанию.

...Дорога вела дальше в пустоту.

Может, он всю свою жизнь, с тех самых пор, как начал сознавать себя, провел на этом пути верхом на коне?! И вся его жизнь связана с этой дорогой, где не было ни указателей, ни направления, тут он родился и с тех пор, как научился ходить, шагал по ней в прошлое, когда-нибудь на ней же он завершит свою жизнь – так же, как когда-то ее начал.

Время, потерявшее былую значимость, уже не занимало его сознание, как раньше. За старостью, облачённой в темноту и неизвестность, он потерял счёт времени. В пустыне, где взгляд человека не мог на что-то наткнуться, какой смысл имели вечер, утро или годы, чередующие друг друга… Временами он путал прошлое с настоящим и, на мгновение приостановив течение мыслей, пытался упорядочить всё, что хранилось в его памяти.

Путь, ведущий в прошлое, шел по кругу, заставляя его снова и снова наблюдать всё прожитое.

Он чувствовал, как душа, томящаяся в толчее времени, обретает определённое спокойствие, и ощущал некоторую внутреннюю свободу.

* * *

В пустыне шёл желтый дождь. Пришпоривая коня, под продолжительным дождём он ощущал себя полностью отчуждённым, одиноким человеком с оголённой душой, не имеющим ни прошлого, ни воспоминаний. Словно всё его сознание, память были рассыпаны и растеряны на пройденных путях и остались за завесой прожитых лет. Дни, одухотворенные мечтами, стали теперь недоступными, а границы, отделяющие его от мира людей, превратились в непреодолимые стены.

Период беспамятства длился очень долго.

Далеко в памяти оставались запах и свежесть давно забытых, недоступных дней, полных страхов и тревог. Отблески тех дней на мгновение засияли в небе, как молния во тьме, озаряя прошлое, возвращая его в прошлое. Подчас он с изумлением оглядывал мир, словно видел его впервые. Почему же дни, полные страхов, тревог и смятения, источали такой аромат? Этого понять он не мог.

Между сегодняшней реальностью и его прошлым образовалась глубокая пропасть. Со временем сознание его постепенно прояснялось, и он пытался разобраться во всем происходящем. Все родные ему запахи покинули его, и он забыл вкус и аромат мира.

Теперь же, когда ум обрел определенную ясность, вместе с этими запахами пробуждались и воспоминания, разбросанные по просторам времени, и он чувствовал, как меняется, обновляется душа. С тоской глядел Старик за исчезнувшим прошлым, воспоминаниями, из которых состояла его жизнь, и мечтал вернуться назад, чтобы подобрать всё утерянное, но, осознавая невозможность этой затеи, страдал от собственной беспомощности.

...Постепенно замедляя ход, время вернуло свою изначальную скорость. И хотя оно двигалось назад, чередование дня и ночи происходило в пределах привычных рамок восприятия.

Двигаясь по пустыне, Старик уже не понимал, какую по счёту жизнь он проживает, и обречён был нести на себе груз памяти всех своих жизней. Не зная, что готовит ему судьба, он продолжал свой путь.

Старик не знал, что несёт в себе не только память всех веков, но и воспоминания всех прошедших жизней. Не чувствовал, что в судьбе одного человека сконцентрировано столько времени и столько жизней. Но груз этой памяти был тяжек и давил на него. Все его жизни виделись ему одним целым неразрывным бытием, и он не мог определить, к какой по счёту жизни относится то или иное воспоминание. Словно во всех своих жизнях он жил одинаково, наблюдая за миром из одного и того же окна. Прошедшие века и эпохи ничуть не смогли изменить сущность мира, человека и человечества.

Так, с незапамятных времен и по сей день, он продолжал путь, не останавливаясь и не думая об отдыхе или покое.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 3

...Вдруг послышался человеческий голос, отчего всадник вздрогнул. Он не поверил своим ушам. Желание узнать, откуда раздался этот голос и действительно ли он принадлежит человеку, заставило его остановить коня. Всё произошедшее до сих пор казалось ему каким-то таинственным сном. Голос этот, донесшийся до него впервые на протяжении всего этого долгого времени, взбудоражил его память, проникая в его застывшие, окаменевшие чувства. Ему казалось, что человеческий голос в мгновение ока развеет этот таинственный сон, всё вновь станет ясным, и жизнь вернётся в былое, естественное русло.

Однако шли секунды, превращаясь в минуты, но ничего не менялось, и время текло по своему руслу. Всё вокруг было покрыто серой дымкой, и он не мог определить, есть ли кто-то здесь или нет.

– Кто здесь? – наконец, не выдержал он.

В серой мгле послышалось нечто вроде бурчания, и этот звук, поглотив все другие звуки, создал у него ощущение внутреннего трепета. Не получив ответа, он крикнул:

– Ответьте мне, кто здесь?

– ...

Старик хотел было ещё раз повторить вопрос в надежде получить ответ, но постепенно мгла начала рассеиваться, и картина стала проясняться. Увидев, что перед ним стоит похожий на него всадник примерно его же возраста, он застыл на месте. Серая завеса все еще висела в воздухе и мешала ему отчётливо разглядеть черты лица седока.

По мере того, как время утекало, лаская и убаюкивая его память, он все больше чувствовал: там, за этой серой пеленой больше нет ничего, что когда-то прежде принадлежало бы ему. В его сознании образовалась глубокая, бездонная пустота, и всё, что зависло в его памяти, кружилось внутри этой пустоты. Вся его жизнь сжалась в один комок. Казалось, он смотрел не на всадника, такого же, как он, а на увядающую красоту мира. Мышцы ослабели, превратив тело в кусок мяса. Слух был закрыт для всех звуков, единственное, что он слышал, – это то, как по венам тихо течет кровь.

Приглядевшись к лицу стоящего перед ним всадника, он вздрогнул – на лошади сидел он сам.

В какой-то момент он подумал, что перед ним стоит не живой человек, а дух, и его охватила дрожь. Этот всадник воплощал для него конец его жизни.

Он недоуменно разглядывал всадника, пытаясь понять тайну их необычного сходства. У него складывалось ощущение, что перед ним стоит не человек, а огромное зеркало, в котором он видел своё отражение. «Что за чудеса, Господи! Если я здесь, то кто тогда передо мной? Я двигаюсь по своему пути, а этот всадник следует в другом направлении. Может, это всё мне всего лишь снится?»

– Ты кто? – невольно вырвалось из него.

Старику захотелось убежать от этого человека, стоявшего перед ним – от себя самого, но его конь стоял, как вкопанный, и как он ни старался, сдвинуть его с места ему не удавалось. Взгляды всадника словно околдовали его, лишив возможности сделать хотя бы один шаг.

– Разве ты не себя искал, Старик? – он не мог понять, эти слова произнёс всадник или голос раздался из небытия.

– Ты что, не узнал себя?

– Неужели ты так сильно боишься себя, Старик?

Не промолвив больше ни слова, всадник развернул коня, пришпорил его и умчался в глубь пустыни.

После того, как всадник растворился в пустыне, Старик, очнувшись, попытался взять себя в руки. Некоторое время он стоял замерев, не понимая, что ему делать дальше, затем посмотрел в направлении, куда ускакал таинственный всадник. Но было уже поздно; в расстилающейся до самого горизонта пустыне никого не было. «Кто же это повстречался мне в моём же обличье? Может, это был вовсе не человек, в дух, иллюзия? А ведь он же себя искал? Неужели это был он сам, представ перед ним в его же образе? Тогда почему он не понял этого сразу?»

Всю дорогу в его ушах звучали слова всадника: «Разве ты не себя искал, Старик?»

Он подумал, что на свете у него тысячи, миллионы двойников, как этот всадник, и они сквозь серую и мутную пелену наблюдают за ним, за его действиями. Он чувствовал это, хотя вокруг не было ни души.

Мысль о бесчисленных двойниках была ему неприятна. Но это длилось всего мгновение – одиночество вновь заключило его в таинственные объятия.

Солнце, опускающееся за горизонт, последними лучами проходилось по безбрежным пескам.

ГЛАВА 4

Годы, осыпавшиеся с его жизни словно листопад, отняли у него многое, изменили судьбу, превратив его в совершенно другого человека, кажущегося таинственным даже для него самого. О существовании мира ему напоминало лишь вечное, неизменное, бесконечное течение жизни, повторяющееся чередующимся восходом и закатом солнца. Больше ничто не имело ничего общего с его миром. Может, сознавая это, он относился к прошлому с безразличным хладнокровием.

* * *

Все события его жизни были одной бесконечной цепью бессмыслицы. И все же он стремился найти смысл в каждой бессмыслице, осознать её тайну, раскрыть секрет. Порой он думал, что существование в мире чего-либо бессмысленного невозможно, а иногда пытался определить, откуда начинается и где заканчивается грань между смыслом и его отсутствием, понять, почему одно и то же для кого-то имеет большое значение, а для другого является нелепицей.

На самом деле смысл и бессмыслица окончательно смешались, растворив грань между собой, и он никак не мог определить, что же в конечном счете имело в его жизни смысл.

Со временем жизнь всё переиначила, все, что имело смысл – оказалось пустым и незначительным, а незначительные события – наполнились смыслом. Иногда эти трансформации меняли судьбу мира, так что события начинали разворачиваться в совершенно ином, чуждом его сути направлении.

Странным и таинственным было также вращение мира вокруг оси бессмыслицы. При этом было странно, почему человек за всю свою сознательную жизнь ищет во всём увиденном и осознанном какой-то смысл, избегая всего того, что он считает бессмыслицей...

Но сейчас, посреди этой однообразной и бесцветной пустыни, на пути, ведущем к прошлому, ворошить всё это не имело никакого значения. Старик не понимал, почему сейчас, когда он покончил со своим прошлым, эти мысли так занимают его.

* * *

Вдали, на фоне серой пустынной картины, показалось какое-то движение. Казалось, пустыня ожила, и ее грудь, как при дыхании, поднималась и опускалась. Приглядевшись, можно было заметить, что изменился и цвет пустыни.

Сложив ладонь козырьком, он какое-то время всматривался вдаль, но, так ничего и не разглядев, снова тронулся в путь. Чтобы понять, что происходит и отчего пустыня изменила свой облик, ему предстояло преодолеть долгий путь, так как издали понять происходящее было невозможно.

Постепенно картина прояснялась, заинтригованный и охваченный волнением, он продолжал свой путь.

Конь тоже, словно почувствовав какую-то странность, изменил свою походку. Старик видел, как животное, навострив уши, стучит копытами, фыркает и наотрез отказывается идти вперёд, словно опасаясь чего-то.

Наконец, подъехав ближе, Старик увидел, что цвет пустыни изменился из-за копошащегося бесчисленного количества змей. Он понял, почему лошадь боялась и не хотела идти вперёд. Обвивая друг друга, змеи представляли устрашающее зрелище. Змеиный ковер был настолько плотным, что между ними не было ни пяди свободного места, чтобы продолжить путь, Старик потянул поводья коня и остановился.

Сначала он вспомнил Конопатого дервиша, который предсказал ему встречу со змеиной стаей, а затем – свой вчерашний сон. Он очень обрадовался этому, так как в последнее время он по какой-то причине не мог вспоминать свои сны.

Ему приснилось, как его дух, отделившись от тела, покинул его. Он изо всех сил гнал коня, но догнать свой дух ему не удавалось. Дорога проходила через обрывистые скалы и ущелье, называемое Змеиным, и на самом деле змеи здесь были повсюду: на дорогах и маленьких тропах, на скалах, обвивали ветки деревьев.

Старик звал свой дух, но чувствовал, что тот его не слышит. Дух издали махал ему рукой, улыбался. Ему казалось, что дух радуется избавлению от его тела.

Чтобы догнать свой дух, Старику нужно было преодолеть ущелье, но это было невозможно из-за змей, заполонивших ущелье.

Он проснулся посреди ночи весь в поту, и не мог прийти в себя до самого утра.

Значит, вчерашний сон оказался вещим; держа поводья, он наблюдал за устрашающей змеиной стаей, пытаясь найти выход из этой ситуации. Но шипящее живое поле заполонило собой все вокруг, и куда бы он ни бросил взгляд, не было видно ни одной тропы, по которой можно было бы преодолеть эту опасность. А возвращение назад после столь долгого, изнурительного пути, не достигнув намеченной цели, было равнозначно поражению и смерти.

Шипение пресмыкающихся тварей становилось то громче, то сходило на тихий, почти неслышный звук. Он не решался двигаться вперёд, опасаясь спугнуть змей. Учуяв его присутствие, они бы легко разделались с ним и с его конем. Он слышал немало историй о змеях, которые живьём проглатывали животных намного крупнее себя. Для него не было ничего страшнее, чем стать жертвой змей.

На мгновение он представил себя в окружении этих рептилий. Змеи со всех сторон заползают на него, и он не может никак избавиться от них. Одна из змей обвилась вокруг его шеи и начала душить его. Он не может дышать, пытается крикнуть, позвать кого-то на помощь, но издать какой-нибудь звук ему не удается. Наконец, теряя равновесие, он падает на землю, как срубленное дерево. Обессилев, решает отдаться на произвол судьбы. Змеи, набросившись на него, принимаются драться за его зрачки. От представленной картины его охватил ужас, он задрожал.

Змеи зашевелились. Вначале он испугался, подумав, что змеи почувствовали его присутствие, но немного спустя понял, что эти движения связаны лишь с тем, что они пробуждались от сна, и успокоился. Змеи, сплетаясь друг с другом, то превращались в единое полотно, покрывающее пески, то расходились, а то все разом вставали в вертикальную стойку, меняя весь облик пустыни. Как будто ими кто-то управлял. Иногда ему казалось, что змеи исполняют какую-то церемонию, так как в их действиях ощущалась странная упорядоченность. В отдельных частях этого сплошного змеиного покрывала можно было заметить группу особей, исполняющих какой-то свой коллективный танец.

Наблюдая за этой сценой, Старик невольно вспомнил детство. Он до сих пор не смог забыть теперь уже оставшуюся в туманных горизонтах далёкого прошлого историю со змеей. Его детство прошло на равнине, опаляемой солнцем, где кишели змеи и скорпионы. В жаркие месяцы года, во время посевной или жатвы, люди в поля выходили со страхом перед огромным количеством змей, встречающихся на каждом шагу. Старое кладбище близ села превратилось в настоящее обиталище змей. Ходить меж старых могил нужно было с особой осторожностью, дабы не наступить на змей, иначе укуса не миновать.

Из города в село приезжали змееловы, с брезентовыми мешками на плечах. В детстве, невзирая на смертельную опасность, он часто ходил на кладбище и бродил среди родных и чужих могил, словно пытаясь найти разгадку какой-то тайны. Так что ещё с детства он не мог представить себе кладбище без змей.

Наряду с этим, среди детских воспоминаний, связанных со змеями, ему на всю жизнь запомнилась волшебная сказка, которую рассказывала бабушка. Позднее, когда он научился читать и писать, переворошил несметное количество книг, но так нигде и не нашел эту сказку. В ней рассказывалось о том, как один юноша спас от смерти змею, в благодарность она настояла на том, чтобы он отправился в Царство змей и встретился с правителем. В награду за спасение жизни его сына правитель вынул из-под языка перстень с чёрным алмазом и подарил его юноше, сказав, что человек, надевший этот перстень, обретёт необычайную силу и навсегда останется молодым.

Повзрослев, он, разумеется, понял, что рассказы бабушки – это всего лишь выдумки, но впечатление, созданное этой сказкой в его детском воображении, осталось навсегда, словно пережитое им самим событие его жизни, яркость которой ничуть не потускнела.

* * *

Старик провёл ночь в седле; возвратиться обратно он не мог, а ехать вперёд не решался. Проезжать через змеиное поле было очень опасно, и ему ничего не оставалось, кроме как ждать.

Уже к утру, когда показались первые лучи солнца, он огляделся и не поверил открывшейся его глазам картине. От змей, еще вчера покрывавших всю пустыню, не осталось и следа – ночью они куда-то уползли. На песке остались только разбросанные куски змеиной кожи.

На небе, над змеиным полем безмолвно кружили вороны. На мгновение ему показалось, что эти вороны, беспечно порхающие на небе, – не птицы, а те же змеи, обретшие крылья и устремившиеся ввысь.

Невзирая на ночную бессонницу, Старик поспешно пришпорил коня и с желанием поскорее покинуть это проклятое место поехал дальше.

Проехав немного, оглянулся назад – вороны всё ещё летали над тем местом. Он опустил поводья коня.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 5

По мере того, как тянулся этот долгий путь, и в его сознании такая же длинная борозда, покрытая теперь уже туманом воспоминаний, словно промывалась чистой водой, возвращалась былая свежесть. По мере того, как охладевшие с годами чувства обретали теплоту, он ощущал горечь пережитого. Из всего, что он видел, слышал и к чему прикасался, исходили странная боль и печаль. Иногда вспышка света в его душе ослепляла память, растворяя в свете все события его жизни, а затем все вновь возвращалось в своё русло.

Он шёл, ухватившись за время. Воспоминания волокли его за собой, и он чувствовал, как постепенно теряет силу воли. Тёплые, нежные чувства, пробуждающиеся в его памяти, порой заставляли забыть, где он находится. Он хотел избавиться от боли былых грёз, но эта непонятная боль не утихала, а наоборот, усиливалась. Сознание пройденного пути успокаивало, наполняя его душу живительной прохладой.

Годы, нагромоздившиеся друг на друга, высокими холмами возвышались позади. Может, поэтому он не решался оглядываться назад. Он двигался по долине времени, сквозь воспоминания, оставшиеся во мгле, испытывая тяжкие муки от былой нерешительности.

С тех пор, как он пустился в этот путь, он больше всего боялся заблудиться не в этой бескрайней пустыне, а в своей душе, потому что тогда все его размышления о его жизни и судьбе будут разрушены. Но он не осознавал, что уже давно сбился с пути.

В своем воображении он придавал всему деловую форму, думая, что тем самым направляет жизнь в правильное русло. Но при этом чувствовал, что ничто не меняется.

Дорога сделала его жестоким, убила присущее ему человеколюбие, превратив его в совершенно другого человека. А может, напротив, изменив его, вернула его себе, в его истинное состояние.

Он знал, что путь его лежит к одиночеству, и всем своим существом чувствовал тяжесть и невыносимость этого груза.

Пытаясь заполнить одиночество мечтами, он чувствовал, как воспоминания, освещающие его память, одно за другим угасают, окутывая всё в кромешную тьму.

Дорога все тянулась...

* * *

Вдали, на лоне серой пустыни, расстилающейся до самых горизонтов, он увидел силуэт, похожий на чёрное пятно, и остановился. Сложив ладонь козырьком, он долго вглядывался, но, так ничего и не разглядев, пустил коня рысью.

Издали разобрать было невозможно – человек это, деревья или скалы, из-за чего любопытство его только увеличивалось. По мере приближения силуэт то и дело менял форму, и нетерпение заставляло его лишь все больше пришпоривать коня. Наконец, очертания приняли отчетливые контуры, и он разглядел в нём какое-то строение.

Старик остановился возле старого разрушенного строения, стоящего посреди редких скал, – сбоку висели деревянные лопасти, значит, это была заброшенная мельница, построенная когда-то на реке, от которой теперь уже осталось узкое сухое, безводное русло. На дне реки белели рассохшиеся от засухи, рассыпавшиеся и оплавленные под палящим солнцем камни и мелкий гравий.

Дверь мельницы была заперта. Оконные проёмы, обрамлённые плоскими камнями, покрылись толстым слоем паутины. Округлые окна были расположены на одинаковом расстоянии по обе стороны стены, придавая мельнице странный облик. И хотя проёмы были округлыми, каждый из них имел свою форму.

Старик слез с коня и привязал его к одному из каменных поручней возле входа, затем, оглядываясь по сторонам, осторожно подошёл к двери, но открывать её не стал. Словно перед тем, как ее открыть, пытался что-то выяснить для себя.

Внимание Старика привлекла надпись над дверью на узкой длинной каменной доске с узорчатым обрамлением. Эта старинная надпись, выгравированная рукой искусного каллиграфа, состояла из странных кривых букв, переплетающихся с узором, что делало чтение этой надписи невозможным. Казалось, она была намеренно выгравирована таким образом, чтобы её невозможно было разобрать. Его стало разбирать любопытство, и перед тем, как открыть дверь и войти внутрь, ему захотелось прочесть то, что написано. Ему казалось, что в этой надписи кроется тайна, связанная с мельницей, находящейся в безлюдной пустыне; или же эта надпись адресована путникам, по какой-то причине очутившимся возле ее двери.

Внимательно осмотрев надпись вдоль и поперёк, старик, наконец, с огромным трудом сумел её прочесть. Надпись гласила: «Пожалеет всякий, кто войдёт внутрь, и всякий, кто не войдёт».

Он облегченно вздохнул, словно скинул с плеч тяжкий груз. «Что же теперь делать? Войти и пожалеть? Или пожалеть о том, что не вошёл? Какой же выбор мне сделать, чтобы не ошибиться? Или, может, у меня нет выбора?» Еще до того, как прочитать эту надпись, Старик чувствовал, что что-то в этом роде там должно быть, а, прочитав, он приятно удивился собственной прозорливости.

«Жаль, что я не расспросил во всех подробностях Конопатого дервиша... Раз он сказал, что на пути мне попадётся разрушенная мельница, где меня ждут тяжёлые испытания, то, скорее всего, знал, какая тайна кроется за всем этим. Если бы я немного настоял, то наверняка тот бы не отказался рассказать всё, что ему известно. Увы, я принял дервиша за обычного путника, не поняв, что он обладает тайными знаниями».

С тех пор, как себя помнил, он слышал столько страшных историй, связанных со старыми мельницами, что теперь боялся, а вдруг внутри кто-то есть, и его неизбежно ждёт какая-то опасность. Не прочитай он эту надпись на каменной плите, то, возможно, вошёл бы внутрь не колеблясь, без каких-либо опасений.

Но колебался Старик недолго; любопытство преодолело страх, и он, собрав волю в кулак, осторожно толкнул дверь. Она не поддалась. Замка не было, и он понял, что дверь заперта изнутри. Подобрав с земли камень, он осторожно постучался.

Ответа не последовало.

Странно, еще до того, как встретиться с Конопатым дервишем, он не раз думал о том, что на его пути обязательно встретится мельница. Может, поэтому, увидев издали темный силуэт, он сразу предположил, что, должно быть, это мельница, и невольно почувствовал волнение. Теперь, стоя у дверей, он вспоминал свои раздумья в пути и не мог скрыть изумления, осознавая, насколько эта мельница похожа на ту, которую он видел в своем воображении. Она точь-в-точь была такой, какую он себе представлял. Ему казалось, что когда-то – может, в детстве или даже раньше, в младенчестве, он бывал тут. Но как ни старался, не мог вспомнить, когда именно эта мельница запечатлелась в его памяти. Цвет, облик, форма мельницы казались ему неимоверно знакомыми. Теперь он удивлялся самому себе, и ему казалось, что всё это ему только снится или, ещё хуже, мерещится. Какую связь с его судьбой, прожитой жизнью могла иметь эта мельница? Может, это всего лишь мираж?

В детстве, близ его родного села находилась точно такая же водяная мельница. Она всегда была окружена лошадьми и верблюдами – люди приезжали сюда из далёких сёл, чтобы перемолоть пшеницу. В те годы он вместе со сверстниками крутился вокруг мельницы, любуясь животными. Порой они спускались на берег реки, чтобы посмотреть на крутящиеся в воде лопасти. Но никто не решался входить внутрь – лишь стоя в сторонке, через открытую дверь они наблюдали, что там творится. Мельница, перед которой он сейчас стоял, не была той, из его детства, но казалась ему такой же родной и знакомой.

«Кто там может быть? Кто и для кого мог построить мельницу в этой безлюдной пустыне? Кому в этом безлюдном месте могла она понадобиться»? Невольно эти мысли промелькнули в его сознании.

Он вновь постучался в дверь, но ответа не последовало. Очевидно, внутри никого нет. Ничего не оставалось, как взломать дверь. Какое-то время он стоял, раздумывая и не решаясь войти в мельницу.

Он обошёл мельницу со всех сторон, но, не найдя ни окна, ни щели, чтобы заглянуть внутрь, вернулся к двери.

Старик переживал странные, необъяснимые чувства. Дверь была заперта, но он отчётливо видел внутреннюю обстановку, а также догадывался, что внутри есть ещё одна дверь, и даже знал, в какой части она расположена.

Глупо думать, что в давно обезлюдевшей местности, в разрушенной мельнице может кто-то быть, но чтобы убедиться в этом, он толкнул плечом дверь. Сорвавшись с петель, дверь с грохотом рухнула оземь и подняла клуб пыли, за которым какое-то время ничего не было видно.

Немного подождав, пока осядет пыль, он переступил через упавшую деревянную дверь и вошёл внутрь. Мельница была пуста – стены покрыты грязной паутиной, а на полу лежал толстый слой пыли, что говорило о том, что сюда давно никто не входил.

Осторожно пройдя вперёд, словно опасаясь, что земля под ним вот-вот развернется, он подошёл к жерновам. Давно не используемые, они покрылись пылью, песком, птичьим помётом. Рядом с совком мельницы на полу лежал человеческий скелет, куски его истлевшей одежды валялись рядом. Старик понял, что это мельник. Какое-то время он стоял, глядя на останки.

* * *

Осматривая стены мельницы, прямо перед собой, справа от жерновов, он увидел маленькую узкую дверь. Эта была та самая дверь, о существовании которой он подсознательно знал, находясь ещё снаружи, еще до того, как войти в мельницу. Он с волнением направился к ней, желая узнать, что за ней кроется. Какая-то таинственная сила упрямо толкала его вперёд, призывая открыть эту дверь.

Когда он открыл дверь, оттуда неожиданно в окно вылетел чёрный, облезлый ворон, покружился над мельницей и, покаркав, улетел.

Старик растерялся, будто, внезапно очнувшись, очутился в горькой реальности. Словно оказавшись в незнакомом мире, он с изумлением разглядывал всё вокруг, пытаясь понять суть и смысл всех изменений действительности.

Провожая взглядом улетающего ворона, он заметил на стене странную картину. На выложенной по всей стене серой мозаике был изображен перекрёсток, на котором стоял старый всадник, пытаясь понять, по какой дороге ему следует ехать. Все четыре дороги выглядели одинаково тускло. В начале дорог были нарисованы ноги, а в конце – человеческие черепа.

Он оглянулся и замер, на противоположной стене было такая же картина с таким же перекрёстком. Он внимательно рассмотрел обе стены. Их отличие было лишь в том, что всадники на картинах смотрели в разных направлениях.

Осмотрев комнату, Старик убедился, что изображение перекрёстка и всадника повторялось на всех четырех стенах и разница состояла только в выборе им дороги.

Мозаики выглядели столь натурально и живо, что Старик засомневался, что это всего лишь картины. Узоры были выполнены столь изящно, что оставалось только восхищаться мастерством художника. Наряду с кажущейся простотой, здесь скрывалось и нечто таинственное, завораживающее человека. Каждая деталь обращала на себя внимание своей пропорциональностью, и глаз от них оторвать было невозможно.

Разглядывая всадника и дороги, лежащие перед ним, он в который уже раз подумал, что весь мир состоит из одних лишь тайн. Художник словно пытался показать необъятность и бесконечность Вселенной, а, возможно, и доказать бессмысленность поисков человеком счастья на пересечении времён. Но лишь это ли?..

Чтобы понять смысл этих картин, Старик разглядывал их со всех сторон, пытаясь выяснить связь между ними.

В полутёмной комнате, где невозможно было отличить пол, стены и потолок, вдоль стены были расположены в ряд человеческие скелеты. Перед ними стояли неглубокие глиняные чаши, в которых со странной симметрией разложены разноцветные, круглые гальки. Но расположение галек в глиняных горшках было неодинаковым – они заметно отличались друг от друга. Между двумя рядами скелетов в центре стоял еще один скелет – вероятно, глава собрания.

Старик в изумлении оглядывался по сторонам. Он пытался разъяснить для себя тайну и значение всего, что видел здесь.

«Интересно, открывал ли до меня кто-нибудь дверь этой мельницы, интересовался ли её тайной? Или я первый, кто вошёл сюда и столкнулся лицом к лицу с этой загадкой?»

Он долго рассматривал расположение камней в плоских глиняных чашах, пытаясь понять, почему они разложены именно в таком порядке. Камни выглядели настолько таинственно, что ему казалось, что в них и находится вся разгадка этого странного места.

Интересно, почему эти люди, сидящие вдоль стен за глиняными чашами, собрались на этой мельнице? Что их связывало с этим местом и вообще со всем тем, что здесь произошло? Какой вопрос обсуждали они и какое решение приняли? Успели ли они довести обсуждение до завершения? Или всё прервалось посередине? Что их вынудило собраться на обсуждение вокруг этих глиняных чаш? И по какой причине они одновременно покинули этот мир? О чём говорила истлевшая до ниток одежда этих скелетов? Наблюдая за этим таинственным зрелищем, Старику казалось, что он находится не на мельнице, а в каком-то заколдованном мире, где из увиденного он ничего не понимает. Прислонившись к стене, он смотрел на скелеты и глиняные чаши, чувствуя, как в душе поднимается, распространяясь по всему телу, страх.

Внезапно снаружи послышались необычные звуки, и он понял причину этого страха. Звуки были странными. Определить, откуда они доносятся, было невозможно, но от их нарастания он впадал в панику и ужас, дрожь пробирала его.

Он понял, что ему следует срочно покинуть мельницу и уехать отсюда как можно подальше.

Инстинктивно он чувствовал, что надо торопиться и побыстрее выйти наружу, но не решался, страшась, что это небезопасно. Выхода не было – нужно было, не теряя времени, уезжать отсюда прочь.

* * *

Дрожа всем телом, он вышел наружу.

Коня, которого он привязал к каменному поручню возле двери, не было видно. Взволнованный, он огляделся по сторонам, и увидел его, привязанного поодаль к стволу упавшего дерева. Он немного успокоился, но страх и волнение не убавились. «Ведь он же привязал лошадь к каменному поручню – кто перевязал её к дереву? Кто здесь мог быть? Ведь вокруг ни души».

Дрожа от страха, он побежал к коню, надо было как можно скорее покинуть это место. Но время текло так медленно, что ему показалось, что он целый год шел до нее. Казалось, кто-то держал его за ноги, мешая двигаться и желая сбить его с пути.

Стуча копытами, конь пытался освободить поводья. Он явно чуял беду и хотел предупредить хозяина об этой угрозе.

Тревога внутри нарастала, и какая-то сила требовала, чтобы он немедленно покинул это место, сигнализируя о том, что вот-вот произойдет что-то неожиданное; как будто какая-то непонятная и неизвестная ему зловещая тайна, связанная с мельницей, угрожала его жизни и судьбе.

Взобравшись в седло, он оглянулся напоследок на разрушенную мельницу. То ли ему померещилось, то ли это происходило наяву, но он увидел, как оттуда с воинственным видом встревоженно выходят какие-то тени. Словно они хотели во что бы то ни стало отомстить за то, что он нарушил их покой.

Силуэтов становилось всё больше и больше – окружив мельницу, они издавали какие-то странные звуки, не похожие на человеческие голоса. Было непонятно, откуда вдруг взялись эти силуэты.

Пришпорив коня, он пустился вскачь.

Впереди распростерлось безбрежное песчаное море.

* * *

Хотя он был уже довольно далеко от мельницы, волнение не утихало. Инстинкт говорил ему, что кто-то мчится за ним на невидимом, крылатом коне, и он ощущал на спине пронзающие взгляды таинственного преследователя.

Но оглядываться, оборачиваться назад не решался. Ему казалось, что стоит ему оглянуться, как от увиденного потеряет сознание и вообще лишится рассудка. Поэтому он что есть мочи хлестал лошадь, стремясь поскорее избавиться от этой напасти. На самом деле подгонять коня не было надобности – он сам, дрожа от страха, скакал, весь взмыленный, на пределе своей возможности.

С тех пор, как Старик пустился в путь, он впервые видел своего коня в таком состоянии. Он несся во весь опор, невзирая ни на камни, ни на препятствия, ни на палящую жару. Казалось, он обрел крылья. Но Старику казалось, что неведомые силы, которые гнались за ними, вот-вот ухватят его за копыта и свалят и его, и седока.

Вдруг старику показалось, что над ним крутится брошенный преследователями сетчатый аркан с тем, чтобы свалить его с лошади. Он пригнулся к гриве лошади и что есть силы начал хлестать лошадь.

* * *

Старик не помнил, сколько времени прошло. Открыв глаза, обнаружил себя лежащим на песке. Вначале он не понял, где находится, но, придя в себя, вспомнил всё, что видел на мельнице, и как ускакал оттуда что есть мочи в глубь пустыни. Но что произошло дальше, как ни старался, вспомнить не мог, словно всё было во сне.

Осторожно подняв голову, он с опаской осмотрелся. Все обесцветело. Всё вокруг казалось незнакомым. Пустыня изменилась, будто ее окутали каким-то новым и незнакомым покрывалом. Оглянувшись, недалеко обнаружил своего спокойно дремлющего коня.

Он встал и, подойдя к своему верному другу, обнял его и стоял так некоторое время. По мере того, как чувство страха и ужаса, охватившее все его тело, растворялось в странной тишине пустыни, тело вновь обретало былую силу, и постепенно прояснялась память.

Под тяжестью таинственности последних событий на мельнице, которые он никак не мог объяснить, он сел в седло и продолжил путь.

Дорога все тянулась...

По мере продвижения Старик чувствовал, как рассеянные мысли его возвращаются в своё русло, и это успокаивало его. И хотя места эти были не знакомы ему, топот копыт постепенно приводил его в себя.

ГЛАВА 6

Все дороги, проходящие сквозь пустыню, вели в прошлое, в глубь истории.

Колесо времени крутилось вспять, казалось, и солнце восходит не с востока, а с запада. Ему чудилось, что даже реки, встречающиеся на пути, текли не вниз, как и положено, а вверх по руслу, к своему истоку.

Наряду со временем, текущим в прошлое, изменилась и последовательность сезонов, нарушилось их чередование. После весны наступала зима, а зима, в свою очередь, переходила в осень.

Вместе с колесом времени в прошлое уходила и его память.

Он продолжал путь, ничему не удивляясь, понимая, что раскрыть тайну под названием Мир невозможно.

Дорога все тянулась...

* * *

Вобрав в себя все времена года, пустыня подчинила их своим законам. Всё, чего касался взгляд, было окрашено в цвет пустыни, подчиняясь ее гармонии.

Он ехал верхом по пустыне, единственным зрелищем в которой были только восходы и закаты солнца, он чувствовал, что прошлое, к которому он так упорно стремится, все больше отдаляется от него, и это не на шутку беспокоило его.

То, что дорога в прошлое вела через пустыню, порой угнетало его, наполняя его душу безнадёжностью. Будто за этим тоже скрывался какой-то особый смысл и причина. У пустыни, как и у истории, не было конца: они обе были беспредельными и не имели границ.

Он не знал, сможет ли когда-либо достичь конца этого пути – и есть ли у этого пути вообще какой-либо конец. Однако, будучи подсознательно уверенным, что всё в этом мире имеет начало и конец, не верил в бесконечность чего-либо.

Мысли о том, что всё вечно, тяготили его, разрушая все воспоминания, хранящиеся в его памяти.

«Если мир и время вечны, то почему человеческая жизнь столь коротка, преходяща? В чём секрет, причина ограниченности времени, отведенного для человеческой судьбы вопреки бескрайности, бесконечности этого мира?

Может, мир и сам не является вечным и бесконечным, может, он и сам ограничен, как человеческая жизнь, и когда-то ему самому тоже придёт конец?»

С тех пор, как Старик пустился в путь, он ни разу не видел на небе Луну, будто ее никогда и не было, отчего по ночам в пустыне была кромешная тьма. Вначале безлунность наводила на него тоску, но потом он привык к этому. Но порой память уводила его в прошлую жизнь, он вспоминал ночи, когда на небе светила луна, и его взгляды волей-неволей устремлялись в небо.

* * *

Бывало, он невольно вспоминал своё детство, и в его памяти, покрытой плотной завесой, оживали ранние годы его жизни. Он хотел окончательно избавиться от прошлого, терзающего его, но тщетно; былое уводило его за собой, возвращая его в давно пережитое.

Он и сам не понимал, почему эти воспоминания так подавляют его. Но стоило им нахлынуть, его охватывала такая тоска, что он чувствовал: еще немного, и душа покинет тело. Несмотря на то, что путь Старика лежал в прошлое, он не хотел возвращаться в свое детство и всеми силами старался стереть этот период своей жизни из памяти. Но, как бы он ни пытался гнать от себя картины прошлого, они с еще большим упорством проникали во все клетки его тела, заполняли каждый уголок его души, и он понимал, что вряд ли сможет когда-нибудь избавиться от них. Очень уж неизгладимы были эти следы.

Оживляя в своей памяти прошедшие годы своей жизни, он пытался вспомнить что-нибудь из юности, но ничего конкретного ему не вспоминалось. Даже свою первую любовь он не мог вспомнить. Словно его жизнь перепрыгнула из детства сразу в старость. Период молодости остался в его памяти белым пятном. Складывалось ощущение, что годы между детством и старостью, которые Старик никак не мог вспомнить, он прожил на каком-то острове, изолированно от всего мира и людей...

Теперь, раздумывая обо всём этом, Старик пытался понять, почему ему не удается избавиться от волшебства и очарования тех далеких лет. Но все было напрасно – воспоминания вновь перепрыгивали из детства в сегодняшний день.

* * *

Издали на него, как туча, неслось дикое огромное стадо, издавая странные звуки. Оно было настолько огромным, что заполонило всю пустыню. Густое облако пыли, поднятое до небес несущимися во весь опор животными, погрузило все в густую пелену, сквозь которую ничего невозможно было разглядеть. Казалось, часть мира, оторвавшись от земного шара, мчалась на него. Он остановился, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь.

Приглядевшись внимательно, он увидел, что это не животные, а огромная толпа голых людей, вооружённых деревянными копьями. Не желая сталкиваться с этой полудикой ордой, он отошел в сторону, опасаясь, что они сметут не только его вместе с конем, но и всё, что попадётся им на пути.

Впереди этого странного сборища шли мужчины, а за ними следовали женщины. Все они были рослые, сильные, в их действиях скрывалось устрашающее величие. И у женщин, и у мужчин были длинные, тёмные волосы, рассыпанные по плечам. Их загорелые бронзовые тела были полностью покрыты волосами. Босые и нагие, единственную их одежду составляли набедренные повязки. Только стражники с кнутами, окружившие этих людей, были одеты в какую-то рогожу без рукавов.

Почувствовав, как поменялся рёв, он понял, что его заметили. Вначале он хотел ускакать и спрятаться, но тут же понял, что спастись от этого огромного человеческого скопища будет невозможно, поэтому, не слезая с седла, стал ждать стражников, которые, отделившись от всех, направились к нему.

Вдруг его охватила дрожь: «Господи, помилуй, что это за стадо такое?! Где они набрали столько людей? Откуда они взялись, куда путь держат? Может, это и не люди вовсе, а какие-то другие живые существа? Если это всё же люди, то что за страшные звуки они издают?»

Стражники в мгновение ока окружили Старика и расступились, когда к нему начал подходить высокорослый главарь.

Шум и крики, издаваемые этим странным воинством, огласили всю пустыню. Вожак сделал движение рукой, и люди, помахав в воздухе копьями, опустили их и умолкли. Воцарилась гробовая тишина.

Двое стражников схватили Старика и, стащив его на землю, поставили перед вождем.

Из строя вышел бородатый хилый мужчина, с телом, покрытым тёмными волосами. По-видимому, это переводчик – он подошёл к вождю и поклонился. Тот молча, жестом указал на Старика, и переводчик, опустив приветствия, спросил:

– Вождь спрашивает, кто ты такой, и требует, чтобы ты ответил на все его вопросы.

Старик кивнул в знак согласия, и допрос начался:

– Кто ты и откуда?

Такая постановка вопроса немного озадачила Старика, он не сразу нашёлся, что ответить:

– Вы спрашиваете моё имя?

– Нет... Мы спрашиваем, кто ты такой.

– Я человек.

– Мы и так поняли, что ты человек. Мы и сами люди.

– ...

Старик промолчал, не сразу сообразив, что ответить. Эти существа, ростом, лицом, глазами и улыбками выглядели, как и он, и были такими же людьми. И все же он ужасался, глядя на это человеческое стадо, заполонившее всю пустыню, он жалел себя, человечество и весь мир.

Это зрелище полностью изменило его представления о предках. Мысли, когда-то занимающие его сознание и кажущиеся ему привлекательными, теперь были для него абсолютно бессмысленными.

– Куда путь держишь, Старик?

Повторный вопрос главаря вернул его к реальности. Голос раздавался словно из глубокого колодца, из самых недр земли.

– Я еду в прошлое, – ответил он.

– Откуда едешь? Из будущего?

– Да, я отрёкся от будущего.

– И какова твоя цель, Старик?

– Хочу вернуться в прошлое и своими глазами увидеть всё, что унаследовал человек.

Каждый раз, отвечая на вопрос, Старик невольно устремлял взгляды на вождя и видел, как с каждым его словом у того меняется мимика, лицо обретает странный цвет. Он с интересом ждал ответа Старика на свои вопросы.

– Ты думаешь, что человек что-то оставил в прошлом?

– Я хочу углубиться в историю, чтобы узнать, что это такое.

Вожак молчал; по его лицу было ясно, что ответы Старика не удовлетворили его. Он смерил Старика недоверчивым взглядом, словно его интересовали не столько слова, сколько мысли Старика, и он пытался прочесть его душу, выявить его тайные замыслы.

Старик пытался отвести глаза, но замер под пронзительным взглядом, в котором Старик увидел бездонную пустоту, и из которой разило холодом.

Воцарилась тишина.

Осмелившись возникшим молчанием, Старик спросил через переводчика у Вожака, куда они направляются.

– Мы идем в будущее.

– Неужели вы думаете, что сможете достичь будущее в таком состоянии? – иронично спросил Старик.

Вожак вздохнул.

– Не береди рану, Старик! – печально промолвил он.

Старик хотел ещё что-то сказать, но собеседник строго перебил его:

– Говорить легко... Но за все время мы не встретили никого, чтобы спросить, куда идти, и вообще, в правильном ли направлении идём...

– Если у вас есть вопросы и вы хотите что-то узнать, я могу вам ответить.

– И вопросов много, и много чего надо узнать, так сразу и не перечесть... Расскажи обо всём, что сейчас происходит в мире, о местах, которые ты покинул. Мы ничего не знаем, находимся в полном неведении... – он помолчал, затем добавил: – Наверно, весь мир ушел далеко вперед в своем развитии. Долго еще нам идти?

– Путь предстоит неблизкий…

– Можешь сказать, сколько, хотя бы приблизительно, Старик?

– Нет, не могу.

Вожак с сожалением покачал головой.

– А в какой части мира мы сейчас находимся, Старик? – спросил он.

Старик на мгновение задумался, но, не найдя ответа, просто ответил:

– Не знаю, не могу сказать...

– Значит, мы не прошли даже половины пути...

– Кажется, так...

Вожак с горечью оглянулся и уставился взглядом на горизонт, сливающийся вдалеке с небом, и, всматриваясь на пройденный ими путь, печально вздохнул:

– Уже тысячу лет мы в пути, но найти еще где-нибудь людей нам так и не удалось.

– Что же вы так отстали от всех?

– Когда другие развивались и совершенствовались, мы спали и ничего не ведали. Позднее свои же соплеменники, связавшись с чужаками, связали нас по рукам и ногам, перегородили нам путь и препятствовали развитию. Мы так долго находились в невежестве, что теперь денно и нощно находимся в пути, но не можем никуда выйти. Источник этих бедствий уходит в глубь тысячелетий...

Старик с изумлением слушал, не зная, что ответить.

– Во имя Всевышнего, укажи нам путь, Старик! – сказал главарь и, обернувшись, указал на стоящих позади него людей. – Пожалей этих несчастных! Они не выдерживают этой тяжелой дороги, это всё, что осталось от нашего большого племени. Ещё немного, и мы все погибнем, так и не достигнув намеченной цели.

В голосе и во всех движениях вождя сквозили отголоски былого величия. Сквозь морщины, залегшие на лице, как ножевые шрамы, блуждала вымученная, грустная, но все еще молодая улыбка. Весь его облик, взгляд, слова были полны безнадёжности и безысходности.

– Ваш язык кажется мне знакомым, к какому роду вы принадлежите?

– Наш род неизвестен.

– Как может человек быть без рода?

– Когда-то, очень давно, мы знали, кто мы, но за прошедшие века всё позабыли. Никто из этих горемык – он указал на своих людей, – не знает, к какому роду мы принадлежим.

– Как я могу вам помочь? – беспомощно промолвил Старик. – Как можно помочь тем, кто даже не знает, кто они?

– Ты прав, – ответил вожак, – трудно помочь массе, растерявшей свой род и свой путь. Поэтому нам нужен путеводитель, руководитель, советчик, чтобы достичь намеченной цели. Признаться, мы опоздали так сильно, что дальнейшая потеря времени для нас равносильна смерти.

– Нет, я не смогу быть вашим путеводителем.

– Смилуйся, Старик! – промолвил главарь жалобным голосом.

Старик покачал головой.

– Прошу тебя, возглавь нас, стань нашим вожаком, мы будем беспрекословно подчиняться тебе, и ты отведёшь нас в будущее! Спаси нас от этой беды!

– Нет, мой путь – в прошлое, и я не могу вернуться назад.

– Не упорствуй, Старик, соглашайся!

– Даже не уговаривайте – моё возвращение назад невозможно.

– Мы сделаем всё, что прикажешь! – уверенно произнёс вожак и, не дождавшись ответа, добавил: – Нет смысла отправляться в прошлое!

– Почему же? – с удивлением спросил Старик.

– Твоей жизни не хватит, чтобы достичь прошлого, – ответил главарь.

– ...

– В прошлом никого не осталось... Что ты там будешь делать в одиночестве?

– ...

– Чего молчишь, о чём думаешь? Что ж, дело твоё! – сказал строго вожак, увидев, что Старик не принимает его уговоров.

Главарь поднял руку и приказал стражникам готовить людей в путь. Размахивая кнутом, они подняли отдыхающих на песке людей.

По команде вождя племя начало движение и, издавая страшный рёв, стало постепенно удаляться. Сидя на коне, Старик долго смотрел им вслед, а затем, словно очнувшись от кошмарного сна, осторожно посмотрев по сторонам, поехал дальше.

Через какое-то время, оглянувшись, он увидел, что пыль, поднятая племенем, окончательно спала, и пустыня обрела свой былой вид. Лишь вдали, на линии горизонта виднелось чёрное пятно, похожее на родинку.

На мгновение Старику показалось, что путь, ведущий к прошлому, в глубь истории, начинается именно отсюда, с того места, где он встретил это таинственное, дикое человеческое племя, и он уже переступил его порог.

* * *

Старик не видел перед собой ни дороги, ни тропы, всё было укрыто волнами песчаных барханов, однако Старику казалось, что в этих песках все же существует дорога, известная лишь ему, и только он может преодолеть ее; Старик был настолько уверен в этом, что даже не думал останавливать коня – он безостановочно продолжал путь.

Дорога все тянулась – без конца, без края...

Чем дальше он продвигался в глубь пустыни, тем больше открывались, расширялись горизонты его души. Ощущая в глубине души эти изменения и какое-то отчуждение, он чувствовал себя в совершенно ином мире.

Старик ехал, раскидывая прожитое по дороге, и иногда, оглядываясь, искал следы прошлых лет. Но, как ни старался, ничего, напоминающее ему былое, он не видел. По мере его продвижения и пески, будто приветствуя его, расступаясь, открывали перед ним дорогу, а затем провожали его и снова укрывались песчаным одеялом. Это повторялось с такой упорядоченностью и естественностью, что он воспринимал все как должное. Бывало, он невольно начинал говорить с дорогой и находил утешение, делясь своим одиночеством.

Его одиночество словно впиталось в пустыню.

Дорога все тянулась…

ГЛАВА 7

Все это время Старик не мог забыть волнения того дня, когда он пустился в путь; всё думал, как решился на этот шаг, заново переживая смятение от мысли предстоящего путешествия в прошлое, навсегда отделившего его от будущего.

На протяжении всей своей жизни он хотел вырваться из среды, в которой жил, и вернуться в прошлое, и возвратить то, что он потерял когда-то. Хотя он не до конца понимал причину, но был уверен, что счастье его связано не с будущим, а с прошлым, которое он оставил далеко позади. Но шло время, годы сменяли годы, и время уводило его в неизвестное будущее.

Наконец, неожиданный поворот все изменил. Ему удалось осуществить это желание, с которым он жил всю жизнь, и теперь, несмотря на все тяготы странствия, чувствовал покой и таинственную свободу. Порой он удивлялся, как ему удалось преодолеть этот дальний путь. Ему казалось, что дорога, начавшаяся еще с младенчества и вплоть до настоящего мгновения, настолько длинна, что она не может вместиться в границы одной человеческой жизни, и конца ей нет.

«Но как же мне удалось преодолеть этот путь? Почему я не чувствовал его бесконечность? Мне всегда думалось, что время утекает незаметно, и я никогда толком ничего не знал о жизни. Колесо времени крутилось так быстро, что мне было некогда осуществить свои мысли, желания, мечты. Я всегда жаловался на краткость жизненного пути – так почему же этот путь тянется так долго, словно он бесконечен?»

Пустыня тихо дышала.

Дорога все тянулась...

* * *

В глубине души он понимал, что короткой человеческой жизни недостаточно для прохождения всего пути к истоку, к началу начал, ведь путь, пройденный человечеством к будущему, насчитывал тысячелетия, но ему ничего не оставалось, кроме как двигаться к намеченной цели, так как он пустился в этот пусть, отрекшись от будущего. Никакого выбора, кроме как идти в выбранном им направлении. Будущего для него более не существовало, и при всём желании он не смог бы вернуться к старой жизни, так что Старику оставалось только одно: крутить колесо времени обратно, смирившись с судьбой.

Сейчас он в одиночестве преодолевал путь, некогда пройденный всем человечеством. Он словно находился в парусной лодке без штурвала, и попутный ветер гнал его в прошлое. Колесо времени крутилось назад, переворачивая обратно страницы некогда прожитых жизней.

Интересно, что привлекательнее: будущее с неизвестным концом или прошлое, оставшееся за временем? Что ни говори, а прошлое уже пережито, и он пытается еще раз пройти уже пройденный путь. Будущее, в отличие от прошлого, было полно неизвестности, неожиданности. Казалось бы, будущее по сути должно обладать большей притягательностью, но, как ни странно, его тянуло не будущее, а прошлое, история. Несмотря на все трудности и препятствия, он хотел пройти путь, пройденный предками, еще раз исследовать уже окаменевший облик истории, понять суть создания. Ему казалось, что в отличие от будущего прошлое, надежно спрятавшись за легендами, хранит в себе тайны и секреты всего мира.

* * *

Иногда дорога несколько дней вела его между огромными крутыми скалами. Издалека эти скалы, похожие на маленькие островки в глубине песчаного моря, так странно меняли древний облик пустыни, что он забывался, ему казалось, что находится в совершенно ином, сказочном мире.

Подняв голову, Старик оглядывался по сторонам, чувствуя себя героем волшебной сказки, которому предстояло пройти трудные испытания, чтобы воссоединиться с любимой. Конь неспешно шагал через огромные скалы, и он старался быть сосредоточенным, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. Когда он пересекал участки пустыни со скалами, он чувствовал себя гораздо сильнее и увереннее, и безнадёжность, охватившая его душу, немного утихала.

Сейчас он достиг части пустыни, окруженной редкими скалами, стоящими в ряд, которые были вытесаны так искусно, что придать им такую форму было невозможно даже при помощи самых острых инструментов. Дорога, по которой он ехал, вела в огромную, каменную пещеру, находящуюся чуть поодаль.

Он остановился возле прохода, прорытого в пещере. Изнутри веяло прохладой, приятно остужающей тело, так долго томящееся под палящим солнцем. Старик осторожно слез с коня, вдыхая давно позабытую прохладу. Сероватый поток света, проникающий с другого конца, говорил о том, что проход не очень длинный.

Ведя коня за поводья, он осторожно, медленными шагами вошёл в туннель, который имел такой странный цвет и облик, что Старик на мгновение почувствовал себя как в сказке. Стены и потолок были настолько красочными и имели такую форму, что полностью его заворожили.

Ему показалось, что он идет через проход, соединяющий разные миры. С этими мыслями он, выйдя из туннеля, остановился и посмотрел назад, на пройденный путь. Но это длилось недолго – сев в седло, Старик продолжил путь.

Проходя через скалы, Старик изредка останавливался, чтобы полюбоваться этим невероятным чудом, созданным божественной рукой природы. Ему казалось, что эти скалы, рассыпанные по пустыне, живые, как люди, они всё видят, чувствуют, осознают. Он ощущал, как здесь, по эту сторону от прохода в пещере, в этой части, окружённой скалами, его душа настроена на совершенно иной лад.

И хотя каждая скала имела свой, только ей присущий вид, они создавали ансамбль, гармонично соединяющий их в единое целое. Словно в этом одиночестве мира скалы выстроились в ряд, готовясь исполнить какой-то танец. Некоторые из них, обветренные солёными ветрами, напоминали грибы, некоторые были похожи на окаменевших животных, а порой и на человеческие изваяния.

Старик не знал, как долго ещё предстоит ему ехать через скалы, раскиданные по пустыне. Но ему казалось, что скалы поддерживают его, и это придавало ему спокойствие.

* * *

Уже тысячу лет он был в пути, не делая остановок. Он ехал, не зная, куда держит путь, и когда достигнет намеченной цели. В каких-то уголках этого огромного неизвестного мира он слышал приятное благоухание, приносящее умиротворение, это придавало ему сил, и он продолжал путь.

Из бесконечной дали прошлого, проявляясь во весь рост, смотрел на него его дед. Сидя на большом камне, он гневно и с болью говорил о пережитом. Каждое воспоминание, все тяготы прожитой жизни причиняли ему страдание. Казалось, он смирился со всем, через что ему пришлось пройти. Теперь все было в прошлом, и это больше его не беспокоило.

Голос деда тянулся к нему сквозь пустоту времени, и Старик, уповая на этот такой знакомый и родной голос, старался избавиться от внутреннего одиночества.

Дед издали делал жесты, пытаясь что-то объяснить. Его далекий, едва различаемый голос исчезал среди шепотов, навеваемых ветром, и, смешиваясь с голосами мира, превращался в заунывный шум. Он изо всех сил пытался прислушаться, понять, что хочет сказать дед, но голос, дробясь и разбиваясь, рассыпался, как мираж, как воображение по земле, и исчезал, не достигая Старика.

Голоса всех близких, запечатлённые в его сознании и памяти, расталкивая друг друга, пытались ему что-то сказать, но среди этих бесчисленных голосов ему хотелось разобрать лишь голос деда. Ему казалось, что другие голоса, пытаясь перекричать друг друга, хотят только одного: приглушить голос деда.

«Интересно, что пытался дед сказать мне? Он прожил долгую жизнь, видел всякое на своём веку, преодолел немало трудностей, лишений… Может, он знал что-то, связанное с моим странствием и намеченной целью? Может, хотел предостеречь меня от какой-то надвигающейся опасности или сообщить что-то, имеющее для меня жизненно важное значение? Может, хотел раскрыть какую-то доселе неведанную тайну о мире?»

Ему хотелось услышать если не слова, то хотя бы голос деда. Казалось, если он его услышит, то поймёт хотя бы по звуку голоса, что тот хочет ему сказать.

Но голос деда был неслышен – это была немая картина. Его голос состарился, утратил былую силу, обрёл сероватый оттенок. В этом до боли знакомом голосе крылись безысходность, бессилие – он смог бы безошибочно узнать его среди сотни других человеческих голосов.

Старик, как-то исподволь, проник внутрь голоса деда и, плывя в нем, понял, что они с дедом сейчас ровесники…

Дорога все тянулась...

* * *

Над пустыней висели серые тучи, не похожие на дождевые, из этих туч, разгоняемых тёплым ветром, вместо дождя сыпалась пыль, а из-за невыносимой духоты становилось тяжело дышать. При взгляде на небо человека охватывали печаль, боль, безнадёжность и страх потери небом своего вечного неизменного облика.

Порой небо напоминало Старику покинутый пчелиный улей. Вся бурлящая и кипучая жизнь покинула это место, и осталась только огромная пустота, украшенная узорами бесконечных сот.

Этот плотный серый покров, под которым покоился весь мир, наводил тоску. Словно все цвета, кроме серого, на свете зачахли и исчезли. Возможно, если бы мир был окрашен в какой-либо иной, пусть даже чёрный цвет, то это не было бы так удручающе, так как даже чёрный цвет имеет определённую грань, после которой непременно наступает свет – но у серого граней нет. Этот цвет бесконечен, бескраен, и искать свет за этой серостью какой-то проблеск было делом напрасным…

...Топот копыт был для него пульсом жизни существующего мира. Всё прожитое он мерил не умом и сознанием, а стуком копыт своего коня. В моменты, когда этот стук останавливался, ему казалось, что останавливалось и его сердце, и тогда ему хотелось скакать, мчаться без остановки.

«Господи, неужели вся моя жизнь пройдёт вот так, в седле?! Неужели впредь мне не видать покоя? Разве я не рождён человеком, как все люди? Так что за участь выпала мне?»

Всё, что попадалось ему на глаза в пустыне, отличалось от доселе знакомого ему мира – причём отличалось настолько, что порой он чувствовал себя жителем иной планеты, ему казалось, что он проживает жизнь совсем другого человека.

…Внезапно до Старика донесся доселе незнакомый ему зловонный запах, и он сразу понял, что это зловоние исходит от человеческого трупа. Зловоние было настолько омерзительным, настолько проникало в каждую клетку всего его тела, что его просто выворачивало.

До этого он ни разу не слышал запаха человеческого трупа. Но сейчас он понял, насколько резко он отличается от всех других запахов, существующих в мире.

Невыносимый запах свидетельствовал об уже разложившемся трупе.

«…Куда же ведёт меня этот путь?.. Может, это зловоние – предостережение о том, что меня ждёт ещё более сложный, опасный путь?.. Может, мне вернуться?.. Возможно ли это, есть ли путь назад? Если есть, то почему я колеблюсь, не возвращаюсь, а продолжаю этот путь в никуда, в неизвестность?.. Почему же я избрал этот путь?»

Ему очень хотелось поскорее покинуть эти места, умчаться отсюда прочь…

Но дорога все длилась...

* * *

По ночам он слезал с лошади, чтобы отдохнуть, и, лёжа на песке, ворочался с боку на бок, так как заснуть не удавалось. Несмотря на это, утром он чувствовал невероятную бодрость, словно всю ночь спал глубоким сном. Не забывал и про коня – распрягал его, давая отдых. Этот конь был его попутчиком на протяжении многих лет, и он ничуть не сомневался в его верности, но в бескрайней пустыне он старался быть внимательным ко всему, так как остаться здесь без коня было равносильно смерти.

По ночам жара немного спадала, и лёгкое дуновение из глубин пустыни снимало его усталость и погружало его в дрему – это придавало ему облегчение, восстанавливало силы.

...Лёжа на песке, Старик прислушивался к оглушающей тишине пустыни. И хотя жара немного спала, дышать все же было тяжело. Он подложил под голову сумку, в которой были вода в деревянном бурдюке и черствый хлеб – его дорожные запасы, но сейчас ему не хотелось ни есть, ни пить.

Пускаясь в путь, он долго думал, что взять с собой на память о долгой жизни, но ничего не нашёл – честно говоря, ему не очень-то хотелось иметь при себе что-либо, напоминающее о прошлой жизни. Он отрёкся от будущего и направился к прошлому, и теперь воспоминания о прошедшей жизни в будущем не дали бы ему ничего, кроме грусти и печали. Поэтому он решил отказаться от всего, что напоминало бы о будущем, давалось это ему нелегко – прожитая жизнь преследовала его нескончаемыми воспоминаниями и нередко напоминала о себе в снах.

* * *

Некогда возвращение назад по пути, ведущему в будущее, пробуждало в его душе странные чувства. Пустившись в путь, он хотел собрать воедино свою прошлую жизнь, разбросанную на этом пути. Он все искал какие-то черты, признаки прожитой жизни и смотрел на всё, что встречалось ему, совершенно иным взглядом. Однако всё, что он видел на пути в прошлое, было ему незнакомо – ничто не было похоже на то, что было в его жизни. Словно и прошлое переменилось, превратившись в совершенно иной, чуждый для него мир.

Единственное, что было знакомо на этом пути – это его дальность, утомительность и нескончаемость.

Однако Старик прекрасно понимал, что никакого выхода, кроме как ехать дальше, нет и, смирившись с этой мыслью, продолжал путь.

Этот путь превратился в неотъемлемую часть его жизни, и впредь он не мог представить оставшуюся жизнь без него.

* * *

...Услышав звук, напоминающий звон колокольчиков верблюжьего каравана, Старик невольно поднял голову с горячего песка. Не веря своим ушам, он, затаив дыхание, начал прислушиваться к шёпоту кромешной тьмы.

Ночь погрузилась в таинственную тишину – словно мир вокруг замер, и время остановило свое течение.

Повторно услышав звон колокольчиков, Старик поднялся и сел. Несомненно, этот звон, доносящийся в тишине и ночной тьме пустыни, исходит от верблюжьего каравана.

«Что это за звон, нарушающий тишину ночи в пустыне? Почему этот звук манит меня за собой? Откуда взялся этот звон на пути, ведущем вглубь истории? Может, это мне снится или мерещится? Чудится звук в ночи?»

Он ни разу в жизни не видел верблюжий караван и представление о нем имел только лишь по книгам и рассказам. Хотя ему всегда хотелось вместе с караваном отправиться в дальний путь, после долгого дневного перехода переночевать в караван-сарае и, отдохнув, продолжить путь навстречу приключениям... Жаль, что эта мечта, так и не сбывшись, была похоронена в его душе.

Караван двигался по пустыне, нарушая дрему ночи. Мерный звук колокольчиков раздавался в ночи в унисон с тяжелыми шагами навьюченных верблюдов. От этого звука, доносящегося из глубины безбрежной пустыни и тающего в песках, так и не дождавшись отклика, его душу охватил трепет, его память всколыхнулась.

Звон бубенцов ласкал слух, приятно распространяясь по телу, мысль о том, что этот нежный перезвон свидетельствует о наличии где-то далеко жизни, придала ему сил, возвращая к жизни. Эти звуки, как колыбельная, успокаивали его, и, прислушиваясь к ним, ему хотелось вырваться из плена тела и бежать за этим звоном, догнать его и слиться с ним.

Если бы он увидел караван, то спросил бы у кого-нибудь, где он находится, и долго ли ему ещё ехать до намеченной цели – однако дойти до кого-нибудь или до чего-нибудь в эту кромешную ночную тьму было невозможно.

Старик стоял, замерев и затаив дыхание. Он хотел вырвать из своего сознания, памяти все запечатленные со дня рождения звуки, чтобы отчётливей услышать звон бубенцов.

А звон уже был слышен совсем близко – словно караван проходил недалеко от него. Теперь он слышал не только звон, но и хруст песка под верблюжьими копытами.

Он испугался, что караван удалится, и уже невозможно будет определить, в какую сторону направляется.

Как ни пытался Старик прислушиваться к этим звукам, определить, откуда все-таки они доносятся, ему не удалось. Казалось, звуки исходят не из какой-то части пустыни, а из неоткуда, неведения, бесконечности.

Звуки постепенно утихали, становясь едва слышимыми. Он чувствовал, что они оставляют после себя горе, печаль и разлуку, и ему никогда, даже если бы ему это захотелось, не удастся стереть их нежное благозвучие из своей памяти.

Старик вскочил, оседлал коня и помчался за уже утихающими звуками. Он скакал во весь опор, словно пытался догнать не пустынных путников, а караван всего человечества, и не догони он этот караван, лишится всех своих желаний и мечтаний.

Он был уверен, что выбрал верное направление и немного спустя догонит караван. Но он ошибался.

Через некоторое время поняв, что скачет не в ту сторону, остановился, прислушался к ночной тишине.

Звука бубенцов больше не было слышно, пустыня погрузилась в обычную для нее тишину.

Старик слез с коня и, ведя его под узду, направился к своей стоянке. Ему казалось, что там он вновь услышит звуки верблюжьего каравана.

Но это было не так.

Вокруг царила мёртвая тишина.

Пустыня тяжело дышала.

Ночь тянулась...

ГЛАВА 8

Воздух был раскален от зноя...

Пустыня нежилась под палящими лучами солнца.

Стая стервятников раздирала тушу какого-то животного, и голоса их распространялись по округе. Старик пытался проехать мимо этих, постоянно встречающихся ему птиц, но порой невольно останавливался, наблюдая эту страшную картину. Крики птиц, зловоние, исходящее от туши, помимо его воли занимали его мысли, словно предупреждая о больших трудностях, ожидающих его в пути к намеченной цели.

Но теперь, когда он, отрекшись от будущего, пустился в путь навстречу прошлому, все эти трудности и неопределённости не имели для него никакого значения. Он уже ничему не удивлялся, понимая, что всё, о чём отныне ему предстоит беспокоиться, будет связано лишь с путём, ведущим в прошлое, в глубь истории.

* * *

Утомительные, монотонные дни сменяли друг друга. Всё, что он встречал, было однотонным, однообразным, и это удручало его. Эта одноликость царила и в самой пустыне, в её утомляющей бесконечности. Порой ему казалось, что в мире не существует никакого другого цвета, кроме серого. «Как долго еще будут продолжаться эти бесцветные дни? До каких пор я буду томиться в этой серой бесконечности?» Он пытался пробудить самые далёкие уголки своей памяти, в надежде найти ответы на эти вопросы.

С каждым днем он всё сильнее ощущал, как серый цвет проникает во все его существо, как капля дождя проникает в землю. Он наблюдал, как постепенно все другие цвета покидают его. Никогда Старик не обращал внимания на то, насколько разнообразят цвета этот мир. Даже тогда, когда разноцветье радовало глаз и украшало его жизнь. Теперь, очутившись в этой серой пустыне, он вдруг понял невероятную, таинственную силу цветов. Отсутствие цветов, раскрашивающих мир и жизнь людей, давило, и эта пустота тяготила его.

Серый цвет расстилался по всей пустыне, покрывая собой все.

Цвета покидали и его сны, теряя живость и свежесть. Разноцветные страницы некогда прожитой жизни снились ему теперь в сером цвете.

По ночам он засыпал с надеждой на то, что утром всё изменится и встанет на свои места, и мир вновь наденет свой яркий наряд. Но шли дни, и ничего не менялось, в русле этой неизменности рушились все его надежды и мечты. С каждым днём этот серый мир все больше давил на него, и он никак не мог смириться с тем, что отныне никогда не избавится от этого состояния.

Серый цвет тёк, заполняя собой абсолютно все, и не было ему ни конца, ни края, что приводило его в полное отчаяние. При мысли, что за этим серым цветом, в заложника которого он превратился, существует бескрайний мир, безысходность и уныние одолевали его.

* * *

Старику казалось, что всё это он видит во сне – пройдёт время и, проснувшись, он избавится от этой бескрайней пустыни и её бесконечной пустоты. Но время шло незаметно, и ничего не менялось. Он пытался разобраться, во сне ли происходит это всё, или наяву – но ничего не мог понять.

Иногда ему казалось, что он родился здесь, в этой самой пустыне, и с самого рождения едет на этом коне по неизведанному пути к намеченной цели, до которой ему не суждено доехать. В такие минуты он думал, что это странствие – его участь, судьба, от которой ему никогда не уйти, не избавиться...

Дорога все тянулась, а время шло, сокращая его жизнь...

* * *

Небо, растеряв свою прозрачность, потемнело и создавало впечатление, что скоро настанет Судный день и мир рухнет. В воздухе висел своеобразный запах, возникающий перед ураганом. До сих пор Старик не слышал в пустыне подобного запаха и был охвачен беспокойством.

Внезапно подул сильный ветер, подняв и завертев клубы пыли, – старик быстро пригнулся к седлу. Началась песчаная буря. Постепенно увеличивающиеся песчаные столбы, кружась, исчезали за барханами. Возникая один за другим, они меняли облик пустыни до неузнаваемости. Песчинки, взлетающие ввысь, оседали на холмах, постепенно превращая их в непреодолимые вершины.

Неожиданный сильный толчок срезал песчаные холмы, при виде этого Старика охватила дрожь. Спасти его в данной ситуации могло только чудо.

Буря не утихала – наоборот, постепенно усилилась, раскачивая пустыню, как колыбель. Он чувствовал себя внутри этой колыбели, и от этой качки у него кружилась голова, его подташнивало.

Песчаные вихри кружились с диким воем, достигая неба, словно пытались подпереть небесный свод, но рушились, не выдерживая давления.

Сдавленный гул, доносящийся из глубины охваченной бурей пустыни, разбивался о песчаный покров и исчезал. В этом гуле ощущался дух нетерпимости и безысходности. Старику казалось, что этот гул проходит сквозь него и исчезает в пустыне.

Сероватый песчаный туман соединил небо с землёй, и разобрать что-либо вокруг стало совершенно невозможно. Всё было скрыто за песчаным покровом, и он потерял путь и направление.

Эта буря словно разбудила пустыню от вечного сна, и теперь пробуждение выражалось во всём, что попадалось на глаза.

Старик, левой рукой держась за узду, правой обхватил шею коня, который, чувствуя опасность, пригнув уши, подчинился воле хозяина.

Животное с трудом сохраняло равновесие, чувствуя, как песок стремительно уходит из-под копыт.

Старик не знал, когда наконец закончится это светопреставление, ему не оставалось ничего, кроме как переждать это время.

Несмотря на бушующий ветер, в воздухе не ощущались ни прохлада, ни влажность; в пустыне, как в обычные дни, стоял удушающий зной. Лишь усилился запах, который начал чувствоваться ещё до начала бури.

Старик задыхался. Ветер задувал песок прямо ему в рот и ноздри, что ещё больше затрудняло дыхание. Он снял рубашку и укутал голову, чтобы хоть как-то защититься от песка. Было ужасно жарко, но другого выхода у него не было; он мог погибнуть от удушья.

…Буря продолжилась всю ночь. Так, обняв шею своего друга, Старик переночевал в седле. Спешиться он не решился, боясь, что песок засыплет и похоронит его заживо. Уже к утру буря утихла, и вместе с ней исчез и таинственный гул, доносящийся из глубин пустыни.

Старик вдруг почувствовал усталость и изнеможение, силы покидали его.

Подняв голову, он прошёлся взглядом по горизонту.

После бури пустыня погрузилась в глубокий сон.

* * *

Неопределённость и безнадёжность, вызванные неведением о предстоящем пути, терзали его душу. Это странствие в никуда, без четкого пути и ориентиров тревожило, повергая его в полное смятение…

Вокруг лежали белеющие на желтом песке человеческие скелеты. Старику казалось, что Бог привёл его в эту пустыню не для осуществления какой-то мечты, неизвестной даже ему самому, а для того, чтобы он тут умер, попрощался с жизнью, смешался с этими когда-то давно уже покинувшими этот мир людьми и стал постоянным обитателем этого пустынного кладбища под открытым небом. Его тело разложится, смешается с песчинками и исчезнет в недрах бескрайней пустыни.

ГЛАВА 9

Конь, словно позабыв о сидевшем на нем хозяине, замедлил шаг, прислушиваясь к какому-то непонятному звуку, доносящемуся издалека. Звук этот был настолько приглушенным, что его могло услышать только животное, и оно двигалось, поддавшись манящей силе этого звучания. Конь не только замедлил шаги – он полностью переменился, и если бы сейчас Старик взглянул на него со стороны, то не узнал бы в нем своего верного спутника.

Но Старику сейчас было не до того – он был погружен в свои воспоминания, утратившие все краски. В этом покрытом плотным серым цветом мире он пытался отыскать былое, свое прошлое, пережитое. Постепенно его душу охватывало холодное безразличие, и ему хотелось бросить всё на самотек, на произвол судьбы.

«Будь что будет... Всё равно человек обречён на смерть… Какой смысл в волнениях, беспокойствах?!. Нет, нет! Меня страшит не смерть, а неопределённость жизни и судьбы…

Почему я появился на свет? С какой целью живу в этом мире – только чтобы когда-то покинуть его? Как можно объяснить причину временного существования в этом вечном мире? Имеет ли смысл в существовании, полном гнёта, печали и терзаний?

Куда движется этот мир? И насколько долог его путь? Правильно ли я поступил, пустившись в путь, ведущий в прошлое мира, и отрекшись от своего прошлого, оставшегося в будущем? Чего хочу достичь этим решением?»

Эти безответные вопросы сильно утомляли его, внося смятение в его мысли и сознание.

Конь неспешно продолжал путь, и стук его копыт вторил ритму и гармонии жизни, времени, всего мира. Словно с его остановкой остановилось бы и течение жизни.

Погруженный в свои нерадостные размышления, Старик сидел в седле, держа поводья, однако ему казалось, что конь ему сейчас не подвластен. Какая-то таинственная, невидимая сила тянула его спутника в каком-то неизвестном ему направлении, и как бы он ни старался, развернуть коня он бы не смог.

Старик хотел было натянуть поводья, чтобы убедиться, подчинится ли ему конь, но передумал, испугавшись, что его подозрения подтвердятся.

Пустыня тяжело дышала...

Дорога все тянулась...

* * *

...Услышав какой-то таинственный, едва различимый голос, Старик остановился. Кто-то упорно, но тихо, словно боясь быть услышанным, звал его.

Приставив руку к уху, Старик прислушался. «Что это за голос, сбивающий меня с пути? Откуда он? Что мне теперь делать – ехать дальше или подчиниться?»

Какая-то сила внутри него гнала его вслед за этим голосом. Ему хотелось догнать человека, которому принадлежал этот голос, прислушаться к сказанным ему словам; но, как он ни старался, догнать голос ему не удавалось. Чем сильнее он скакал, тем дальше тот отдалялся от него.

Старик боялся, что голос окончательно отдалится и исчезнет. Он чувствовал, что в этом порывистом голосе, доносящемся издалека, кроется какая-то тайна, адресованная лишь ему, и связана с его жизнью и судьбой, поэтому он старался во что бы то ни стало добраться до него.

Может, это страх одиночества гнал его за этим голосом? Он боялся, что больше не встретит никого, с кем можно будет посоветоваться, пообщаться, о чем-то расспросить. Ему хотелось, чтобы голос этот не прерывался, само его существование утешало Старика, указывая на то, что в этом мире есть еще кто-то, кроме него.

Голос нарушал и уносил с собой тишину пустыни.

Дорога все тянулась…

* * *

Голос все еще звучал, не отпуская и удерживая его на невидимой нити, не позволяя удалиться. Он никак не мог избавиться от его чар и все кружил в поисках места, откуда он раздавался. Голос пробуждал старые воспоминания, застывшие в туманных горизонтах его памяти, проясняя сознание. По мере того, как в этом голосе звучали отголоски старой, знакомой еще с детства и спрятанной в затаенных уголках памяти и давно не вспоминаемой песни, его обуревало невообразимое волнение.

«Что это за песня? Почему она вызывает такое волнение в моей душе? Почему я, ни с того ни с сего, посреди пустыни слышу ее? Какая связь между тем далеким голосом, будоражащим мою душу, и этой песней?»

По мере того, как песня всё глубже проникала в его память, голос становился всё слабее. Возможно, это ему только казалось. Порой ему становилось сложно разобрать, просто ли звук он слышит, или это песня звучит, так как звуки переливались в песню и потом вновь превращались в простые ничего не значащие звуки.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 10

Старик погрузился в свой мир, не обращая внимания на нескончаемую дорогу; его память всё ещё занимала песня, с позабытыми словами, ритмом, гармонией...

Он никак не мог вспомнить, где мог слышать эту песню. Эта музыка, запавшая в его память и душу, как волшебная таинственная легенда, уводила его в дальнюю даль, в чудесный мир, куда не доходили даже воспоминания.

«Отчего же моя память так притупилась? Не могу вспомнить даже самые простые вещи. Может, этой песни и отродясь не было, и это просто обман души?»

Рассуждая так, он невольно преображался, и самые прекрасные моменты его жизни возвращались на крыльях этой забытой мелодии.

Далёкие звуки позабытой им песни уводили его вдаль. Старику чудилось, что между этой мелодией и этой дальней дорогой, ведущей в прошлое, есть скрытая, непонятная связь, и она откроет ему какой-то секрет, связанный с его странствием. Он изо всех сил перебирал все в памяти, пытаясь во что бы то ни стало вспомнить эту песню.

Но память не поддавалась – он никак не мог ничего вспомнить и переживал странные чувства.

Дорога все тянулась…

* * *

Ему казалось, что он пустился в путь, который никогда не завершится, будет длиться вечно, и вся его жизнь пройдёт в этом путешествии, не имеющем конечного пункта.

Внезапно конь остановился, как пригвожденный. Вздрогнув от внезапной остановки, Старик оторвался от мыслей и, подняв голову, огляделся; не заметив ничего странного, стал понукать коня, чтобы продолжить путь. Однако животное стояло, навострив уши, словно чувствуя какую-то опасность, и било копытами по земле, словно пытаясь о чем-то предупредить хозяина.

Старик насторожился – конь явно чуял что-то неладное.

– Кто здесь? – крикнул старик, пытаясь определить, что так испугало его наперсника.

После недолгого затишья с земли стал подниматься песок, превращаясь в человеческий силуэт, и послышались какие-то звуки. Старик стоял перед песчаным силуэтом, пытаясь определить, откуда они доносятся. Когда силуэт говорил, он терял свою форму, рассыпался, и песчинки кружили в воздухе, а когда замолкал, они снова собирались в силуэт.

– Уйди с дороги! – сказал Старик.

– А я тебе дорогу не перерезал, чтобы уходить! – ответил силуэт.

– Если бы не пересёк, то конь бы не остановился, уйди! – настойчиво потребовал Старик.

Превратившись в песчаный столб, силуэт устремился к небу, а затем вновь обрёл былой облик.

– Мне нужно кое-что спросить, Старик! – сказал он.

– Спрашивай, я тебя слушаю!

– Я хочу узнать, почему ты едешь в прошлое? Ведь все люди стремятся в будущее...

Старик замер. «Действительно, а почему я еду в прошлое? С какой целью я предпринял такое необычное путешествие в прошлое?».

– Не знаю, – ответил он.

– Нет, знаешь, иначе не пустился бы в этот тяжёлый путь.

– ...

– Ты ищешь бессмертие...

– ...

– Поэтому и возвращаешься назад, в прошлое...

– Нет, бессмертие мне ни к чему...

– Тогда какова твоя цель? Что ты ищешь в прошлом?

– Не знаю, – повторил Старик.

Но слова силуэта заставили Старика задуматься.

«Может, действительно я ищу бессмертие? А на что мне оно? Ведь все люди, вместе с которыми я живу, общаюсь, привязывают меня к жизни, рано или поздно умрут – ради чего же мне жить после этого? Нет, бессмертие мне ни к чему, у меня и в мыслях не было искать его. Мне достаточно прожить столько, сколько мне предписал Господь. Никто не может обвинить меня в том, что я претендую на бессмертие. В прошлое меня влечёт совершенно иная цель...».

Но вряд ли кто-то мог теперь сказать, что это за цель... Его память, расколотая временем, на протяжении многих лет была полна боли.

* * *

Конь, будто безошибочно зная дорогу, шагал вперёд, не меняя направления. В душе Старика царило холодное безразличие, свойственное людям, безропотно смирившимся с судьбой. Езда верхом не утомляла его, наоборот, успокаивала, снимала усталость. Бесконечность пути больше его не пугала. Сидя верхом, он чувствовал неимоверную лёгкость. Он уже не думал о том, что ждет его в конце пути, однако в глубине души давила тяжким камнем тоска, от которой он никак не мог избавиться.

ГЛАВА 11

Его ноги практически срослись со стременами. Казалось, он отныне не сможет вытащить ноги из стремян, и сел он на коня для того, чтобы никогда с него не слезать, а продолжать путь до самого конца этого странствия.

Он чувствовал, как душа его стареет с каждым днем, и старость, наступающая в пути, наполняла его сознание странными, непонятными чувствами.

А конь, как ни в чём не бывало, продолжал путь, не обращая внимания на всадника.

В воздухе висел удушающий запах гари – словно что-то жгли, и от запаха гари его сильно тошнило.

* * *

Небо так низко висело над землей, что протяни руку – и можно дотронуться до облаков. На мгновение ему представилось, что пустыня – это огромный котёл смерти, а небо – крышка этого котла, которая скоро захлопнется, и котёл смерти начнёт кипеть.

* * *

Это долгое путешествие Старик проживал не только разумом и сознанием, но и всей душой и телом. И хотя в начале пути он сомневался в успехе своего предприятия, то теперь всем своим существом чувствовал, как одна за другой проходят страницы былого. Это придавало особое волнение, его душа была наполнена странными и ни с чем не сравнимыми ощущениями. Он чувствовал, как оживает душа, словно на ветвях его памяти начинало зацветать всё, что было погребено временем за прошедшие тысячелетия. Старик никогда и не подозревал, что может совершить путешествие во времени. Но, как ни странно, ему это удалось.

История была настолько полна жизни, что не ощущать её существования было невозможно.

* * *

Все чаще на пути попадались стаи стервятников. Чем дальше он двигался в глубь пустыни, тем чаще ему встречались тела простившихся навсегда с этим миром. Словно для того, чтобы попрощаться с жизнью, нужно было добраться до этих труднодоступных частей пустыни.

«Может, и меня привела в эту пустынную глушь рука смерти? Когда же она наступит? Сколько мне ещё нужно ехать, чтобы встретиться со смертью?»

...Отталкивая друг друга и издавая крики, стервятники раздирали человеческие трупы. Крики птиц, их борьба за место у туши вызывали отвращение и страх.

Раньше Старик наблюдал за стервятниками издали и обходил их стороной, не желая видеть их жуткий пир. Но сейчас у него неожиданно возникло желание поглядеть на трапезу этих птиц вблизи.

В детстве, когда на животноводческой ферме, находящейся неподалёку от его родного села, погибали животные, пастухи волокли их туши подальше от пастбища, на непригодный участок. Поедатели мертвечины, учуяв запах, сразу же прилетали и начинали раздирать разлагающуюся тушу. Детвора, вооружившись палками, подбегала к птицам, и те разлетались. Детям не удавалось разглядеть стервятников с близкого расстояния, и, бегая вокруг туши животного, им оставалось только наблюдать за полётом этих птиц.

Все воспоминания о стервятниках были связаны с детством, он не помнил, что когда-нибудь позже он их видел. Теперь же, в этом странствии во времени, он встречал стервятников чуть ли не на каждом шагу.

Так Старик, погруженный в воспоминания, направил своего коня в сторону стервятников. Вблизи крики птиц были слышны громче. И вид был страшен не меньше их криков. Птицы продолжали свое дело, не обращая на всадника никакого внимания. Он подъехал ближе. Почувствовав чужое присутствие, стервятники подняли голову. Старик остановил коня. Птицы с удивлением глядели на этого странного человека, нарушившего их трапезу в этой безлюдной пустыне.

Приглядевшись, Старик с изумлением заметил, что эти птицы очень похожи на людей. На их маленьких, округлённых головах, напоминающих лица близких людей, одновременно скрывались черты младенчества и старости. Наблюдение за птицами вызывало странное ощущение. Он чувствовал на себе взгляды птиц, и это ещё больше усиливало его беспокойство.

Он думал о том, в чем заключается секрет пугающего сходства стервятников, поедающих человеческие трупы, с людьми, и пришел к выводу, что корни этого страха уходят в далекое детство.

Во взглядах уставившихся на него птиц он видел жажду крови и желание растерзать стоящего перед ними человека. На мгновение ему показалось, что стервятники готовы наброситься и на него и разорвать его вместе с конем.

Один из стервятников взлетел и, сделав круг, опустился на землю. Но к туше не пошёл, словно хотел дать Старику понять, что он тут нежеланный гость и мешает их трапезе.

Ужасный вид изувеченного трупа выглядел пугающе. Птицы стояли, развернувшись и заслонив собой свою добычу от возможного посягательства, и с явным нетерпением ждали, когда Старик наконец уйдет.

Но Старику не хотелось уезжать. Наблюдая за стервятниками, он чувствовал, что эти хищники, которых он всю свою сознательную жизнь тщетно пытался увидеть вблизи, пробуждают к себе в его памяти какие-то теплые проникновенные чувства, природу которых он и сам понять не мог. Он понимал, что это связано с далекими детскими воспоминаниями, но, видя их вымазанные в крови клювы, не решался подойти к ним еще ближе. Во взглядах и движениях стервятников отчетливо чувствовалось явное беспокойство.

Глаза хищников глядели холодно и отчужденно, давая понять, что между ними нет ничего общего, и они хотят, чтобы Старик оставил их в покое. Отчего глаза хищников столь безучастны и отстранены? Ответ на этот вопрос он найти не мог.

* * *

Посреди ночи его разбудили странные звуки: по всей пустыне раздавались стоны и вопли. От царящей тишины, в которой он поздно ночью ложился спать, не осталось и следа.

Он открыл глаза, но, всё ещё не скинув с себя остатки сна, не мог понять, откуда по всей пустыне исходят эти крики.

Он был в растерянности, не зная, как поступить от оглушающего ужаса, наводимого этими криками, которые, то усиливаясь, то ослабевая, распространялись по всей пустыне, тяжело оседая на песках, и никак не согласовывались с гармонией ночи. Из-за кромешной тьмы он не мог разобрать, откуда доносятся эти стоны.

Изредка среди стонов и воплей слышались непонятные слова, звучащие на каком-то незнакомом ему языке; но и не понимая их значения, он отчётливо слышал в них мольбу. Что-то ему говорило, что этот голос из ночного мрака пустыни какими-то невидимыми нитями связан с ним, их связывает какая-то тайна, имеющая отношение к его судьбе, и эти мысли сильно будоражили его сознание. Старик изо всех сил пытался подавить охватившее его волнение, но это ему не удавалось. Ему казалось, что когда-то, в какой-то момент своей жизни, который он уже не мог вспомнить, он пережил всю боль, вызывающую эти стоны и крики.

В какую бы сторону он ни поворачивался, к нему текли монотонно звучащие звуки и, словно прося помощи, обвивали собой его тело, пытаясь проникнуть в каждую клеточку его сознания и существа. Проникая в его мозг, они притупляли его сознание. Стоны и вопли приглушали все другие звуки, годами осевшие в его памяти. В этих голосах скрывалось нечто, привязывающее его к себе, теребящее его душу и сознание. Как ни старался, Старик не мог понять или вспомнить тайну и причину этой связи. Голоса, окружившие Старика, причиняли ему страдания, он начинал терять терпение, и, хотя в кромешной тьме никого не было видно, он отчётливо видел эти голоса. Эти стоны и крики тяжелой занавесью опустились на огромную пустыню, скрыв под собой все. Не осталось ничего, кроме стонов. Звуки, постепенно усиливаясь, сотрясали пустыню. Он хотел избавиться от них, но никак не мог решить, куда идти – голоса были повсюду. Голоса окружили его, и он боялся, что освободиться от этого жуткого окружения будет невозможно. Стоны разбивались, каждая часть, в свою очередь, тоже дробилась, создавая многоголосие, распространяющееся по всей пустыне.

Махая руками в темноте, Старик наугад положил руку на один из голосов, стонущих перед ним, и начал осторожно гладить его пальцами. Почувствовав ласку, голос немного успокоился, но это длилось всего мгновение. Молчание голоса испугало Старика, пальцы обмякли, и он остановился. Старик почувствовал, как из голоса, который он ласкал, в его душу льётся какой-то теплый поток.

Стоны полностью заполонили пустыню, как муравьиный рой; Старик ощущал на себе тяжесть впившихся в него в темноте взглядов и опасался, как бы кружащие вокруг него голоса не придушили его.

Голоса то нарастали, то утихали, погружаясь в темноту и раскалывая ее. Сильные голоса подавляли слабые, и их последние стоны поднимались к небу. Иногда крики доходили до такой степени, что казалось, будто кого-то живьем четвертуют.

Старик изо всех сил пытался защититься от нападающих, размахивая руками и ногами, но противник упорно продолжал нападать, словно пытаясь отомстить за какой-то грех, содеянный в прошлом.

Веками подавляемые стоны, в одно мгновение пробудившись, присоединились к тысячам других голосов и сотрясали небо и землю. Стоны волнами расходились по всей пустыне, постепенно увеличиваясь и всё поглощая. Они кричали о боли, о разрушенных судьбах, уничтоженных жизнях. Все эти люди давно умерли, но их муки и страдания не исчезли вместе с ними, а продолжали жить.

Старик понимал, что эти стоны – память о тех, кто когда-то жил на этом свете, испив горькую полную страданий чашу бытия. Он с горечью подумал о том, что история – это цепь нескончаемых стонов.

Ему вдруг показалось, что эти стоны, наполнившие пустыню, хотят вернуться в когда-то покинутые тела, или, по крайней мере, ищут душу, в которую они могли бы поселиться. Старик испугался. Испугался, как бы эта огромная армия, проникнув, не захватила его душу.

Неожиданно поднялся ветер. Дуновение ветра, проходя сквозь пустыню и кромешную ночную тьму, обдало его приятной прохладой.

Глаза его слипались, очень хотелось спать.

Старик лёг на песок и тут же заснул.

* * *

Он не почувствовал, как погрузился в глубокий сон.

Голоса не оставляли его в покое даже во сне – стоило ему закрыть глаза, как он вновь очутился в их окружении. Однако голос, который он слышал во сне, не был похож на человеческий – и это был крик, издаваемый от нестерпимой боли. Словно небеса, опустившись на землю, давили всей своей тяжестью на мир, время, историю.

И земля, томящаяся под этой тяжестью, пыталась избавиться от этого бремени. Но сопротивление было бесполезным. Приглушенный стон, словно кто-то пытался заткнуть кричащему рот, раздавался из бездонной глубины земли и, подавляемый, гас внутри, рассыпаясь и вновь опускаясь в глубокие недра…

...Он не помнил, сколько времени прошло.

Когда он открыл глаза, горизонты обрели уже золотистый оттенок.

Пустыня, сверкающая в блеске зари, как обычно, тяжело дышала.

Вокруг царила абсолютная тишина – от стонов и воплей, раздающихся ночью по всей пустыне, не было и следа.

Старик подошёл к дремлющему коню, стоящему чуть поодаль.

Впереди расстилалась нескончаемая дорога.

* * *

Чем дальше он ехал по пустыне, тем больше встречались ему разбросанные человеческие черепа, которые, что-то бормоча, катились за ним. Старик хоть и не понимал, о чём они говорят, но полагал, что они просят его остановить-ся и выслушать печальную историю горькой судьбы.

Старик не решался общаться с черепами или слушать их рассказы. Ему думалось, что стоит ему заговорить с ними, как они раскроют ему доселе неведомую, страшную тайну. Это пугало его, и он продолжал путь, стараясь не обращать внимания на своих временных попутчиков.

Но однажды любопытство одержало верх. Остановив коня рядом с одним из них, Старик принялся разглядывать его. Окончательно обессилевший череп полностью покорился перед силой бесконечной пустыни и волей ветра.

Перекатываемый ветром по песку то вправо, то влево, череп рассказывал о мучениях и горестях, выпавших на его долю.

Уступив капризу горячего песчаного моря и смирившись с судьбой, он говорил о том, что тайны мира так и остались для него нераскрытыми. Он говорил не на человеческом, а на каком-то другом, непонятном, неизведанном языке, из-за чего разобрать его слова было невозможно. Его челюсть замерла в улыбке, и он пытался пустыми глазницами поведать свою историю. Улыбка черепа пропиталась в его кости, и он пытался поведать окостенелыми взглядами обо всей своей жизни.

По тембру голоса можно было понять, что всё в его памяти смешалось. Казалось, он искал на лице, в глазах и движениях стоящего перед ним человека знакомые черты далёких лет, прожитых в теперь уже недоступном прошлом, в детстве, когда он любил и был любим, когда у него была семья и дети, когда он переживал разлуку, волнения и мучения. Он пытался найти в этих глазах что-либо связанное с теми годами, но, ничего не находя, метался в отчаянии.

Череп расспрашивал о том, что произошло в мире после его ухода, интересовался судьбой покинутых им родных и близких. Но упорядочить в сознании вопросы, связанные с далёким прошлым, ему не удавалось, и он продолжал кружиться, гонимый ветром.

Старик, глядя на него, пытался представить себе жизнь, которую тот прожил.. Возможно, когда-то он был всемогущим властелином, правящим целым миром и вершащим судьбы тысячи людей. Но однажды он, как и все другие люди, завершил свой жизненный путь, пройденный в мучениях, заботах, страданиях и прочих перипетиях бренного мира. И от всемогущего властелина нынче остался лишь череп, отданный во власть пустынного ветра, дующего сквозь времена.

Пустыня колыхалась…

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 12

С тех пор, как Старик пустился в путь, мысли о смерти ни на мгновение не покидали его. На самом деле он боялся не самой смерти, а мучений, связанных с ней, и этот страх пропитал его душу и тело, заставляя забыть о спасительном избавлении, которое нес с собой уход из жизни.

Старик явственно видел и чувствовал руки смерти, протянутые к нему. Единственное, чего он не знал, где проходит грань между жизнью и смертью.

Он боялся умереть, не достигнув намеченной цели. Старику казалось, что если ему удастся претворить в жизнь задуманное, в его душе не останется больше никаких желаний, никакой мечты, и он с лёгкостью покинет этот мир. Но чем дольше длилась дорога, тем больший страх умереть, не достигнув желаемого, охватывал его.

К тому же его пугала неизбежность встречи со смертью лицом к лицу. Возможно, поэтому в последнее время он всё больше думал об одиночестве. «Почему одиночество так сильно пугает меня? Разве я не нахожусь в одиночестве среди окружающего меня общества на протяжении всей своей сознательной жизни? Или, пускаясь в этот путь, я не думал, что отныне вся моя жизнь пройдёт в одиночестве? Так что же страшит меня?»

А может, его беспокоил не страх одиночества, а обыденность смерти. Если жизнь полностью потеряла смысл, человек превратился в ненужное существо, и ничьи заслуги и благодеяния более не вызывают уважения, по-другому, наверное, и быть не должно… Равнодушие к смерти вызвано тривиальностью жизни. Безразличие к смерти естественно во времена, когда жизнь обессмысливается. Если жизнь пуста и бесполезна, то кого волнует потеря чего-то бесполезного...

Серый туман опустился на пустыню.

Дорога все тянулась...

* * *

Иногда, оглядываясь назад, все события в потоке времени виделись ему звеньями единой цепи. В глубине веков чернели редкие кольца временной цепи: его прадед, дед, отец... жизнь каждого из них была отмечена могилой. Но цепь на этом не заканчивалась – он и сам, покинув мир, станет одним из звеньев этой цепи. В этих звеньях, соединенных цепью времен и порой переплетающихся друг с другом, нет ни начала, ни конца. И за каждым звеном стоит человеческая жизнь со своими радостями и горестями.

Но время разъест их, и в будущем, оглядываясь назад, он не увидит более ничего, кроме пустоты.

Пустившись в это странствие, он чувствовал, как время постепенно разрывает и уничтожает эти звенья.

Время текло безостановочно.

* * *

Полностью потеряв надежду на завершение этого заворожившего его путешествия, Старик уже относился ко всему с полным равнодушием. Эта бесконечно длящаяся дорога, которой не было видно ни конца, ни края, была похожа на сражение человека с самим собой, продолжительность и условия которого были неизвестны. Но это было сражение, отказаться от которого, отступить и сдаться было невозможно.

Продолжая этот бесконечный путь, он забыл обо всём на свете, монотонный топот конных копыт звучал в его ушах и во сне, и наяву.

Он чувствовал, как с каждым днем в нем поднимается боевой дух, и он слышит рёв этого боя. Этот рёв был настолько призывным, что он не мог думать ни о чём другом, кроме как отдаться этой борьбе. Старик знал, что страсть борьбы, бушующая в

его душе, так же бесконечна, как и эта дорога. Но что это за сражение, почему мысль о нём так сильно занимала его?

Старик до сих пор никогда не переживал такого сильного желания борьбы с самим собой. Этот огонь, горящий в его душе и сжигающий тело, звал его в прошлое, полное тайн, противоречий и странностей. Именно эта битва придавала ему сил.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 13

Услышав слабое журчание воды, Старик остановил коня и стал всматриваться в расстилающуюся перед ним пустыню, но, ничего не заметив, продолжил путь. Немного спустя звук журчащей воды усилился, и вдали он заметил нечто, напоминающее речную долину. Подъехав поближе, он увидел текущую посреди пустыни широкую реку.

Давно не видел Старик ни рек, ни морей, ни родников – и теперь журчание реки вызвало в его душе необычайное волнение, словно он вспомнил что-то давно позабытое.

Но в реке текла не вода, а серая, густая, илистая жидкость. Это была не обычная река, несущая глинозём и горные породы – в реке тихо, почти беззвучно, текли грязь и помои веков. В густой жиже тут и там, то исчезая, то появляясь на поверхности, проплывали человеческие черепа, вымазанные в иле, и черты их лиц было не разобрать.

Стоя на берегу реки, Старик глядел на течение и плывущие по нему человеческие черепа.

«Неужели мне предстоит перейти эту реку?!» – спросил он у себя.

«Нет, перейти эту реку будет нелегко!» –тут же ответил он на свой вопрос.

«А что же мне делать? Может, где-то есть мост?»

«Какой мост в пустыне, где нет ни души?».

«Может, это очередное испытание? До каких пор судьба будет испытывать меня?»

Не найдя ответа на собственные вопросы, он поехал вдоль реки в надежде найти мост, чтобы переправиться через это водное препятствие. Проехав немного, он остановился и оглянулся. «Может, поехать в обратном направлении?» – подумал он про себя. Ему казалось, что если проехать к истоку реки, то перейти её будет легче, так как в устье реки русло становится шире и глубже.

«Где мне теперь найти мост посреди пустыни? Может, именно здесь заканчивается путь в прошлое? Ведь проложить мост через такую реку просто невозможно... Даже если бы это было возможным – кто бы занимался этим, для кого? Может, я попусту обманываю, мучаю себя?»

Но другого выхода у него не было, если бы он повернул и решил вернуться назад, туда, где он отрёкся от будущего и отправился в прошлое, то доехать обратно не хватило бы жизни. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как продолжить путь к истоку.

Дорога была по-прежнему длинной, тяжёлой, утомительной. Ему казалось, что, хоть и нет моста, чтобы переправиться на ту сторону, он обязательно должен встретить что-то, на чем можно будет переплыть на другой берег. В противном случае придётся ехать к истоку реки.

С тех пор, как он вышел к реке, все его представления изменились, словно приобрели какой-то иной покров. Теперь, когда он ехал по берегу, он размышлял о том, где берёт свой исток эта широкая река, как она вмещается в своё русло и куда течёт, но найти ответы на эти вопросы он не мог.

Он не помнил, какое расстояние он преодолел.

Так же как и во время своего путешествия по пустыне, и здесь он делал дневные переходы, а по ночам отдыхал. Однако выйти к истоку реки или к какому-либо мосточку, чтобы переправиться через нее, пока не удавалось.

Река мерно текла по пустыне, с каким-то тихим шуршанием.

Время крутилось вспять.

* * *

После нескольких дней путешествия, встретив наконец узкий, белый подвесной мост, Старик вздохнул с облегчением. Вопреки его ожиданиям, дороги, ведущие в прошлое, были открыты, и он мог перебраться на ту сторону реки по этому мосту и продолжить свой путь. Он хоть и отчаялся, когда дорогу ему пересекла эта река, все же, встретив этот мост, он в одно мгновение позабыл обо всех своих сомнениях.

Подъехав к мосту, Старик увидел, что его основание и поручни полностью сделаны из человеческих костей. Он слез с коня и, привязав его к поручню моста, начал с изумлением разглядывать эту странную постройку.

«Здесь точно кроется какая-то тайна... Иначе, как можно построить мост из человеческих костей? Как может этот хрупкий мост выдержать мой вес вместе с конем?»

Старик ещё раз оглянулся, дабы выяснить, что к чему; вдоль всей реки простиралась лишь песчаная пустыня. Он понял, почему этот мост построен из человеческих костей. Проезжая по пустыне, он часто видел на песке человеческие кости. Видимо, строителям, не нашедшим в пустыне никакого другого материала, пришлось построить мост из того, что они могли найти здесь.

Этот костяной мост был единственной возможностью для переправы. После долгих колебаний он осторожно подошёл к мосту и, взяв коня за уздечку, с опаской вступил на мост. Мост был ненадёжен, но так как другого выбора у него не было, терять время зря ему не хотелось. Конь, испугавшись, попятился назад, но затем, подчинившись воле хозяина, осторожно пошел вперед.

Кости под ногами хрустели, создавая жуткое впечатление, и Старик всё сильнее тянул коня, желая как можно быстрее оказаться на другом берегу. Но животное, напуганное не меньше его, шагало медленно.

Старик боялся, что напуганный конь бросится в илистую реку, и он, оставшись в пустыне совсем один, погибнет. Поэтому он пытался бодриться, чтобы придать силы и своему товарищу.

Но самое ужасное было то, что мост под ними сильно качался, казалось, вот-вот он обрушится и упадет в реку. Хрупкие кости рассыпались под ногами, издавая неприятный хруст.

Лошадь в ужасе заржала и, чтобы не потерять равновесия, упёрлась копытами, отказываясь двигаться дальше.

Старик растерялся, не зная, что делать. Мост был настолько узок, что развернуться назад не было возможности, а двигаться вперёд конь не хотел.

Старик изо всех сил потянул коня за уздечку, но животное уперлось, боясь сделать хотя бы один шаг.

Мост качался, вызывая тошноту и головокружение.

Старик обратил внимание на следы, оставленные на мосту. Все следы вели в обратную сторону. Это еще больше напугало его – он решил, что одна из причин такого сильного качания моста заключается именно в этом.

* * *

Вскоре Старик почувствовал, что качание моста постепенно ослабевает – он осторожно потянул коня за уздечку, надо было двигаться вперёд и выбраться на противоположный берег. Конь нерешительно сделал шаг в его сторону и медленно пошел за ним. Видимо, и конь понимал сложность ситуации и хотел поскорее сойти на берег.

А мост медленно качался, вызывая у Старика тошноту и головокружение.

Старик закрыл глаза, чтобы немного унять головокружение и отвлечься от течения реки. Он боялся потерять равновесие и упасть вниз, поэтому изо всех сил пытался удержаться на мосту, ведя за собой коня мягко, не торопясь, чтобы животное не пугалось, не упрямилось и не вырывалось.

Переход через мост показался ему таким длинным, словно не у него за плечами был долгий путь через пустыню. Сойдя с моста, он облегченно вздохнул, как будто избежал страшной опасности.

Оглянулся. Золотистые лучи заходящего солнца утекали, смешиваясь с илом реки. Стреножив коня, он лёг на горячий песок, чтобы отдохнуть и прийти в себя после пережитых сильных волнений, и тут же заснул.

* * *

И сны ему снились серые, такие же, как и его нынешняя реальность, стоило закрыть глаза, как всё покрывалось серым туманным покровом.

Во сне всё виделось ему в тесноте, он словно был заточен в клетку. Возможно, именно из-за этого он, сколько бы ни спал, не мог избавиться от усталости и каждое утро просыпался вялым и изможденным.

По утрам, когда он просыпался, он не знал, как долго спал и какое сейчас время суток, так как потерял чувство времени. Вначале это раздражало, но потом он привык к этому.

Двигаясь в глубь истории, он чувствовал, как стало обыденным все, что раньше его удивляло. Он и представить не мог, насколько жизнь заурядна. Мир изменился для него, обрел совершенно иной оттенок, спутав мысли и память…

Он уже не торопился…

И больше не будет никогда торопиться…

Однако это не приносило ему успокоения, – наоборот, усиливало его волнение.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 14

Вдали он заметил мутное пространство, напоминающее толпу людей, и понял, что это царство духов, о котором говорил Светлый дервиш.

Светлый дервиш досконально объяснил ему, сколько будет длиться дорога в царство духов, подробно описал ему это царство и строго поручил разыскать Белого дервиша, вручить ему узелок и дальше действовать исключительно по наставлению старца.

«Помни, что едешь в царство духов. Попасть в это царство суждено не каждому», – говорил Светлый дервиш, давая понять, что путь в царство духов отнюдь не лёгок; ворота в это царство открываются для посетителей лишь раз в тысячу лет, и если он не успеет или же по какой-либо причине упустит эту возможность, то все его старания пойдут насмарку.

Старик попытался вспомнить и другие подробности, сказанные Светлым дервишем о царстве духов, но ничего больше вспомнить не мог, время постепенно стерло многое из сказанного им.

Дабы удостовериться в правильности направления, он спросил у прохожего:

– Мне нужно в царство духов – я правильно еду?

В ответ прохожий странно улыбнулся, но тут же посерьезнев, вытянул руку вперед.

– Правильно едете… Царство духов вон там, – ответил он.

Поблагодарив, Старик продолжил путь.

Издали он увидел каменный щит, на котором было выгравировано «Царство духов», и вздохнул с облегчением.

И именно здесь, у ворот царства духов он почувствовал усталость, накопившуюся от дальней дороги, потеряв ощущение времени, он не знал толком, как долго ехал к этому царству.

У ворот царства было так много людей, что яблоку негде было упасть. Поэтому он сначала нашёл подходящее место, чтобы привязать коня. Затем, нащупав узелок, переданный Светлым дервишем, направился к входу в город.

Он растерялся, увидев, как несколько человек бегут к нему.

– Что вам нужно? Вы продаёте или покупаете дух? – спросил один из них.

Другой схватил его за руку:

– Пойдём со мной! – сказал он. – Я сделаю все, что вам нужно.

– Оставьте его в покое, это мой клиент! – громко промолвил низкорослый мужчина. – Я заметил его раньше всех...

Эти люди начали тянуть его, расталкивая друг друга, в то время, как Старик пытался избавиться от них. Поняв, что ни от кого вокруг помощи он не дождётся, он начал осторожно пятиться назад.

Но тут неожиданно появился высокорослый мужчина с кнутом в руке и, разогнав дерущихся за него мужчин, обратился к старику:

– Не обращайте внимания, – сказал он, – это спекулянты духа.

Увидев у городских ворот охранников в форме, контролирующих входящих и выходящих людей, он почувствовал нечто вроде страха. Охранники проверяли всех входящих, некоторых допрашивали, кто они и зачем явились сюда; подозрительных, по их мнению, посылали к представителям службы безопасности, наблюдающим за их работой издали. Но его не остановили, и он свободно прошёл через ворота в город.

За воротами какой-то незнакомец, вероятно, признав в нем чужеземца, тихо шепнул ему:

– Будь осторожен, твой дух могут украсть!

– Как это?

– На этом рынке полно воров и грабителей...

– На каком рынке? Это разве не царство духов? – разволновался Старик, подумав, что ошибся дорогой.

– Ты что, с луны свалился? – рассмеялся его собеседник, увидев, как Старик разволновался. – Когда это было-то… Уже много лет, как царство превратилось в рынок.

Старик хотел что-то сказать, но промолчал, опасаясь, как бы разговор не ушёл в ненужное русло. Не успел он сделать пару шагов, как услышал за спиной шёпот и обернулся:

– Если тебе нужна помощь, скажи, не стесняйся!

– Мне нужно встретиться с Белым дервишем, – поспешно заявил Старик, словно ожидая это предложение. – Вы не могли бы сказать, где я могу его найти?

Собеседник смерил Старика взглядом.

– Не утруждайся, – ответил он. – Встретиться с Белым дервишем нелегко.

– Почему? В чём причина?

– Тысячи, десятки тысяч людей, так же, как и ты, стоят в очереди, чтобы встретиться с ним…

– Мне нужно увидеться с ним во что бы то ни стало, – ответил Старик с непоколебимой решительностью. – Иначе я не уеду отсюда! Мне нужно ему кое-что передать, из рук в руки.

Услышав эти слова, собеседник позвал стоящего неподалёку юношу:

– Сынок, проводи гостя к Белому дервишу, – поручил он ему.

Старик последовал за юношей.

Дорога, ведущая к дому Белого дервиша, шла через узкие кривые улочки. Юноша быстро шёл впереди, порой замедляя шаги, чтобы гость догнал его. Старику было нелегко поспевать за юношей, но он молча следовал за ним.

Узелок, переданный Светлым дервишем, Старик держал, сильно прижав к груди, словно боясь, что потеряет его или кто-то его украдёт. Он знал, что без этого узелка его встреча с Белым дервишем станет невозможна, и долгий путь, который он совершил, чтобы добраться сюда, будет бесполезен.

Внимательно разглядывая всё, что попадалось в пути, Старик даже не почувствовал, как они прибыли к дому Белого дервиша.

Жилище дервиша было окружено камышовым забором. У дверей стояла огромная толпа. Людей, желающих встретиться с Белым дервишем, было так много, что они окружили резиденцию многослойным кольцом. Большинство людей, стоящих в очереди, были больны и обессилены и ожидали своей очереди, лёжа на земле.

Юноша указал на большой шатёр с куполом, окружённый забором:

– Белый дервиш живёт вот в этом шатре, – сказал он и, попрощавшись со Стариком, удалился.

Но к старцу Старика пропустили не сразу. У дверей его остановили два привратника.

– Без очереди нельзя, – сказал один из них.

– Этот узелок передал Светлый дервиш, – сказал Старик, – и поручил мне лично вручить его Белому дервишу.

Услышав про Светлого дервиша, один из охранников отошёл и скрылся среди шатров. Вернувшись через некоторое время, он сообщил, что Белый дервиш сейчас общается с духами, и, попросив подождать окончания этой церемонии, указал ему место на белом, плоском камне. Старик повиновался.

Вскоре охранник вновь вошёл в шатёр и, вернувшись, попросил Старика последовать за ним. Они прошли между палатками, выстроенными дугой, и остановились возле шатра с куполом.

Белый дервиш встретил Старика очень приветливо.

– Этот узелок передал вам Светлый дервиш, – сказал старик.

– Вчера у меня было видение, что будет весточка от Светлого дервиша, – ответил Белый дервиш.

Эти слова удивили Старика, но он, ничего не сказав, протянул узелок дервишу. Не взглянув на узелок, Белый дервиш передал его костлявому мужчине с бородой до колен, который стоял рядом с ним в ожидании поручений.

– Я отрёкся от будущего и еду навстречу к прошлому, – заявил старик.

– Знаю, не нужно ничего рассказывать, – ответил дервиш и, смерив взглядом старика, продолжил: – В твоём теле живёт мёртвый дух. Его нужно воскресить!

– Разве такое возможно?

– Заранее не скажешь…

– Как по-вашему, долго ли это займёт?

– Это тоже неизвестно.

– ...

– Сперва мне нужно вызволить твой дух из тела и осмотреть – и только после этого могу назвать точный срок.

Перед началом церемонии Старику хотелось осмотреть город, ему было интересно, как могло царство духов превратиться в рынок.

– У меня к вам просьба, – обратился он к старцу, – если вы не против, мне бы хотелось погулять пару часов по рынку…

– Пожалеешь, – ответил Белый дервиш.

Но Старика разбирало любопытство, и он продолжал настаивать:

– Я проделал долгий тяжёлый путь и не могу уехать, не увидев рынок духов. Очень вас прошу, позвольте мне увидеть рынок.

– Ну, если ты так настаиваешь, я не могу отказать тебе, – согласился дервиш.

Старик улыбнулся.

Дервиш вошёл в шатёр и, вернувшись с серебряным подносом, протянул старику миску, наполненную какой-то жидкостью.

– Сначала выпей это, – сказал он.

– Что это? – глядя удивленно на дервиша, спросил Старик.

– Не бойся, пей, – ответил дервиш. – Это эликсир, я приготовил его собственными руками.

Старик сделал пару глотков, жидкость была безвкусной, но тошнотворной, Старик остановился в нерешительности.

– Пей до конца! – потребовал дервиш.

– Не могу, меня воротит от этого напитка.

– Если не выпьешь, то ходить на рынок не имеет смысла.

– Почему?

– Не выпив этот эликсир, невозможно увидеть духов…

Слова дервиша подбодрили Старика, и тот, собрав волю в кулак, выпил содержимое миски до дна.

Не успел Старик поставить пустую миску на поднос, как тело его начало резко ослабевать, что-то покидало его тело, он становился невесомым, словно в безвоздушном пространстве. Его тело обрело такую лёгкость, что вот-вот ноги оторвутся от земли, и он взлетит. Голова его закружилась, он закрыл глаза, чтобы удержать равновесие.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Белый дервиш.

– Земля уходит из-под ног, хочется взлететь.

– Вот теперь можешь идти на рынок.

Белый дервиш позвал одного из охранников, стоявших вокруг шатра, и сказал ему:

– Отведи гостя на рынок, пусть погуляет. Не торопи его, пусть пройдётся по рынку. Но не оставляй его одного, не спускай с него глаз.

Когда он зашел на рынок, душа его начала сжиматься и трястись. Он не мог узнать себя – словно стал совершенно другим человеком. Очутившись в окружении духов, он был в полной растерянности.

Этот рынок отличался от всех, где он когда-то бывал, даже от рынка времени, который он посетил сравнительно недавно. Рынок времени хоть и выглядел довольно странно, но там он такого сильного волнения не ощущал. Рынок духов же бурлил, как огромный муравейник, он был настолько огромным, что обойти его полностью было невозможно даже за несколько дней.

Осторожно, не торопясь, Старик следовал за охранником, оглядываясь вокруг и пытаясь вникнуть в тонкости этого огромного рынка. На рынке кто-то продавал, кто-то покупал, а кто-то просто прогуливался, словно выбирая и не решаясь что-либо купить. Но выражение лиц людей, находящихся здесь, казалось ему очень странным. Людей с подобным выражением лиц он доселе нигде не видел.

На рынке было отдельное место, где в ряд стояли клетки. Старик спросил у охранника, для чего они предназначены.

– Это пленные духи, – сказал он.

– Пленные?

Охранник кивнул.

Старик остановился возле старой, ржавой клетки. Его обитатель тихо сидел в углу клетки, смирившись с неволей, уставившись в одну точку холодным, безразличным взглядом.

В одной из клеток дух бился, метался, пытаясь освободиться из заточения. Он явно не хотел покориться своей участи.

Чуть в стороне от пленных духов продавались кастрированные духи. В отличие от пленников, кастраты были более чувственны, оптимистичны. В их действиях ощущалась игривость – уродство их сообщества стало для них обычным образом жизни, они осматривали прохожих наглыми взглядами и беспечно улыбались.

Старик всё больше поражался всему, что он тут видел. К нему подошёл какой-то человек.

– Вам нужен живой дух? – спросил он. – Я могу помочь вам. Клянусь душой, я не лгу!

Старик ничего не ответил.

Усталый, обессиленный человек бродил по рынку, бормоча:

– Я годами ношу в себе мёртвый дух и никак не могу избавиться от него. Ради Всевышнего, помогите мне! – увидев Старика, он остановился, внимательно разглядывая его, затем продолжил путь.

Другой человек жаловался на утерю духа:

– Я не знаю, где потерял свой дух. Весь мир переворошил, но его нигде нет – словно под землю провалился. Жизнь без души невыносима, бездушность сильно угнетает меня. Не знаю, что и делать...

На рынке встречались и бесхозные духи, желающие продать самих себя. Но торговля была скудной, и они лишь попусту скитались по рынку. Увидев покупателя, они приставали к нему как банный лист и буквально дрались между собой ради клиента.

Несколько духов, увидев и словно поняв, что эти двое оказались на рынке совсем недавно, направились к ним. Подойдя, они протянули Старику руки. Растерявшись, Старик остановился.

– Что вам нужно? – спросил он едва слышным голосом.

– Не связывайтесь с ними, – сказал охранник. – Это духи-попрошайки, только позорят нас.

Один из попрошаек обратился к Старику:

– Откуда ты прибыл?

Не успел Старик ответить, как охранник прикрикнул на попрошаек:

– Уйдите прочь – не то сейчас службу безопасности позову!

Услышав это, духи бросились врассыпную.

В углу, в тени тонкой, как занавеска, стены сидели старушки с морщинистыми лицами, напоминающие живых трупов, и перебирали чётки. Вокруг них собралась толпа. Увидев удивлённые взгляды Старика, охранник сказал:

– Они вызывают духов.

– Неужели им действительно удаётся вызвать духов? – спросил Старик с явно заметным любопытством.

Охранник озадаченно покачал головой:

– Не могу сказать... Если честно, я не верю, чтобы в этом царстве кто-то, кроме Белого дервиша, мог бы общаться с духами. Но что поделать – их торговля никак не оскудевает, а даже наоборот, расширяется изо дня в день.

С рынка они вернулись уже под вечер. Солнце уже зашло, но в воздухе по-прежнему было душно. Тени облаков, образовавших на небе необычные узоры, создавали странное зрелище. Гуляя по рынку, Старик не заметил, как пролетело время, только сейчас он понял, как сильно устал. Белый дервиш встретил Старика у дверей:

– Нагулялись?

– Благодарю вас, почтенный дервиш, – кивнул Старик в ответ.

– Я был против того, чтобы ты ходил на рынок, – сказал дервиш. – Но, увидев, как ты настаиваешь, решил не мешать тебе. Уверен, ты уже жалеешь о том, что побывал на рынке. Можешь ничего не говорить – по твоему лицу и так все видно.

– Надо было последовать вашему совету, – ответил Старик. – Такого потрясения я никогда в жизни не переживал.

– А я и не сомневался в этом... – улыбнулся дервиш...

– Дух и рынок – понятия несовместимые. Если духи выставлены на продажу, то какой смысл в этой жизни, почтенный дервиш?

– Наверно, ты уже слышал, что до рынка здесь было царство. – Белый дервиш глубоко вздохнул. – Рынком оно стало позже. Ни один человек не сможет объяснить, почему и как это случилось. Честно говоря, и я тоже…

– Я был сильно удивлен, услышав об этом, – ответил Старик.

– Не мучай себя, – сказал дервиш. – Сейчас я воскрешу твой дух.

– А что значит воскрешение духа, почтенный дервиш?

– Это возвращение духа к себе, к своему истоку...

Старик ничего не ответил. Белый дервиш извинился и пошёл переодеваться в комнату, расположенную в другом конце шатра. Вскоре он вернулся, но Старик не узнал его: тело дервиша исчезло, остался один лишь дух.

Растерянный и пораженный, Старик осторожно огляделся по сторонам и увидел, что не только Белый дервиш, но и всё остальное вокруг обрело совершенно иной вид, все материальное исчезло, остались только духи. Старик с изумлением глядел на происходящее, не зная, что ему делать.

Раздался негромкий звук бубна, и дух дервиша начал вполголоса напевать. Его голос был таким мелодичным, что дурманил сознание, лишая его разума. Старик, позабыв обо всём, даже о своём существовании, был околдован этим голосом, который манил, увлекая за собой. В этом голосе всплывали и тут же растворялись в потоке бесконечного времени скрытые и неизвестные тайны истории. Голос притягивал и поглощал всё, что хранили его память и сознание…

Вскоре Старик погрузился в глубокий сон, а очнувшись, увидел Белого дервиша у изголовья.

– Ну что, пришёл в себя? – спросил дервиш.

– Кажется, я заснул, – ответил старик.

Дервиш улыбнулся:

– Нет, ты не заснул. Я хотел оживить твой дух, а для этого нужно было усыпить твоё тело.

– Значит, всё уже закончилось?

– Нет, я не смог, – ответил дервиш, с сожалением качая головой. – Мне не удалось вызволить твой дух из тела.

– Почему?

– Понятия не имею... Такое ощущение, что твой дух заблудился в теле.

– Как это? Как может дух заблудиться?

– Я тоже удивлен. На самом деле по твоему телу бродит нечто, похожее на дух, и я пытался поймать его, но мне это не удалось.

Старик внимательно следил за движением губ дервиша, словно опасаясь пропустить какую-то важную информацию.

– На мой взгляд, это не дух, а нечто в облике духа, – сказал, немного подумав, дервиш.

– Я вас не понимаю, почтенный!

– Сожалею, но я и сам ничего не могу понять. За всю свою жизнь я впервые сталкиваюсь с подобным, – признался дервиш.

– ...

– Ты прибыл сюда из края, где царствуют злые духи?

– Не знаю...

– Говори, не стесняйся...

Старик молча кивнул.

– Я так и думал, – промолвил дервиш.

– ...

– Твой дух находится под невероятной угрозой. Скорее всего, отчуждение твоего духа связано с тем, что ты долгие годы обитал в царстве злых духов. Другого предположения у меня нет.

– И что же теперь будет, почтенный дервиш?

– Это нечто, обитающее в твоём теле, настолько отдалилось от своего истока, что его возвращение никак невозможно.

– ...

– Ты не жил своей жизнью.

– Может быть, я вообще не жил, почтенный дервиш...

– Может быть...

Белый дервиш подошёл и встал перед Стариком. Не выдержав взгляда дервиша, Старик отвёл глаза.

– Не печалься, – сказал дервиш, – я не вижу серьёзного препятствия на твоём дальнейшем пути.

Сказав это, дервиш обнял Старика. Они долго молча стояли так. Старик чувствовал, как по телу разливается тепло.

– Ложись, поспи, отдохни немного, – сказал Белый дервиш. – Впереди тебя ждёт долгое странствие.

– Благодарю вас, почтенный дервиш, – ответил Старик едва слышно.

Белый дервиш ласково улыбнулся.

Немного спустя, помощник дервиша постелил Старику постель в дальнем конце шатра.

Старик лёг, не раздеваясь. Спать он не хотел, опасался, если уснёт, то, проснувшись, не увидит вокруг ни души, как это случилось после встречи со Светлым дервишем. Но сон безжалостно одолевал его, веки невольно смыкались; немного спустя Старик провалился в глубокий сон.

Проснулся он под утро; встал, огляделся. Вокруг не было ни Белого дервиша, ни купольного шатра, ни толпы, окружившей город. Глазами поискал своего коня; животное стояло именно там, где его привязал хозяин, когда отправлялся в Царство духов. Ни от Царства духов, превратившегося в рынок, по которому он бродил вместе с охранником Белого дервиша, ни от людского муравейника не осталось и следа.

Впереди расстилалась бескрайняя песчаная пустыня.

ГЛАВА 15

Перед Стариком простиралась пустыня с ужасающей картиной: несметное количество человеческих скелетов, сложенных в кучи. Всюду, куда ни брось взгляд – кости, так плотно покрывающие землю, что песка под ними и не видно.

Старик невольно остановил коня, оглядываясь по сторонам. Ему казалось, что пустыня уже закончилась и перед ним теперь лежало развороченное кладбище.

Это обилие костей поменяло цвет и дух всей пустыни, создавая страшное зрелище, которого он себе не мог и представить.

«Двигаться вперёд или вернуться назад?» – в который уже раз за время своего путешествия задал он себе вопрос, так и не находя на него ответа.

Старику хотелось двинуться дальше, но мысли о том, что ему придется преодолеть территорию, покрытую костями, вызвали у него нерешительность.

Он почувствовал, как его душу покрывает мрак, который давит не только на сознание, но и на мысли.

«Может, это поле кровавого сражения, случившегося на каком-то отрезке истории?»

Раздумывая об этом, Старик остановил коня, чтобы оглядеть это поле боя, растянувшееся на всю пустыню. О подобных войнах он когда-то слышал, но воочию видел впервые.

Это зрелище свидетельствовало о жестокости некогда произошедшей битвы, которая, скорее всего, велась не на жизнь, а на смерть. Вокруг скелетов вразброс лежали остроконечные камни различных размеров. В некоторых местах человеческие скелеты смешались с лошадиными, и было невозможно отличить их друг от друга.

Но, несмотря на многовековое расстояние, глядя на скелеты, можно было отчётливо прочесть горькую, печальную участь человеческого рода, жаждущего крови и готового сражаться до самой смерти.

В воздухе висел запах крови, который заглушал в сознании Старика все другие запахи. Он постепенно усиливался и пропитывал всё окружающее. Старика тошнило. Он огляделся по сторонам, пытаясь определить источник этого зловония; но в пустыне, окутанной серым туманом, не было никаких признаков жизни, от чего мог бы исходить этот запах.

Не находя источника запаха, Старик раздражённо оглядывался, сознавая, что окружающая его, покрытая серой пеленой пустыня и кровь никак не соответствуют друг другу. Где-то в душе он понимал, что этот запах стоит тут со времен той страшной битвы. Земля, пропитанная кровью враждующих сторон, словно пробудилась с его, Старика, появлением.

Он думал, эта древняя битва ведётся между человеком и миром, обладающим какой-то невидимой, неведомой силой. Может, это война между жизнью и смертью?! Словно людей привели сюда, вырвав из привычного мира, и поставили перед фактом: жизнь отныне невозможна, она обречена на уничтожение. Всё было завершено именно здесь, здесь вся красота жизни превратилась в кладбище.

Эта страшная битва длится веками, и все попытки приостановить её безуспешны – ещё никто не смог положить им конец. Никто не мог преуспеть в этом деле. Сколько войн было на земле? И теперь, двигаясь в глубь истории, он становился невольным свидетелем всего этого.

Наблюдая за сменяющими друг друга войнами, он думал, что именно в них упираются истоки истории, и люди в конечном счете приговорены уничтожить всё, что окажется на их пути, ведущем в будущее. Устранение препятствий, возникающих на пути человечества, путём войн привело к зависимости справедливости от насилия во всём мире, и никто не задумывался о том, как найти способ избавления от этой напасти.

Старик, с горечью оглядывающий лежащее перед ним поле, вдруг заметил, что ни на одном из скелетов не было головы.

Не веря своим глазам, Старик пригляделся внимательнее, да, он не ошибся, ни у одного скелета не было головы.

* * *

По мере того, как Старик разглядывал расколотые части своей жизни, ему постепенно открывались тайны, магия и очарование мира, и он признавал, что на земле нет ничего абсолютного и вечного; всё материальное обречено на уничтожение, а творения под названием духовных ценностей – на забвение. Смерть и забвение были условиями, определяющими истинную природу мира, и их переплетение и взаимосвязь придают облику мира завершенность.

Осматривая остатки уничтоженной предками цивилизации, Старик думал: «Это ли называется историей? Этими ли веками хвастается, гордится человечество? Это ли оно считает уроком, этим ли оно руководствуется, устраивая своё будущее?»

Увиденное им свидетельствовало о том, что все войны, произошедшие за всю историю человечества, ничего не поменяли, и человечество от этих войн ничего не приобрело. Теперь, осматривая поле битвы, ему казалось, что в той войне не было ни победителей, ни побеждённых; обе армии уничтожили друг друга до последнего человека, никто не выжил, не вернулся…

Старик пытался отогнать от себя тяжкие мысли. Его дух, бродящий по руинам истории, напоминал ему о чём-то родном и близком, заставляя хоть ненадолго забыть об одиночестве в этой безлюдной пустыне.

ГЛАВА 16

Старик всё ещё глядел на это удручающее зрелище. Это были его предки, а это страшное поле осталось в наследство для будущего от древней истории.

Ничто, увиденное им доселе – ни рынок времени, ни стая змей, ни разрушенная мельница, ни мост, построенный из человеческих костей над илистой рекой, ни царство духов, превратившееся в рынок, – не потрясало его так сильно, как это поле битвы.

Осматривая эти руины истории, он представлял себе всех этих людей, превратившихся теперь в скелетов, живыми, воскрешая в воображении некогда произошедшую здесь кровавую битву. Порой ему слышались топот копыт и ржание лошадей, а иногда откуда-то звучали порывистые человеческие голоса, напоминающие стоны и мольбу о помощи. Эти голоса, не дающие ему покоя, говорили о величии эпохи, в которой они жили. Иногда голоса обрывались, словно исчезая куда-то; затем возвращались и были слышны очень отчётливо, словно находились в шаге от него. «История превратилась в руины – так почему же эти голоса так и не исчезли? Может, это именно они и увековечивают историю и ведут её в будущее?»

Прислушиваясь к этим, то звучащим, то исчезающим голосам, у Старика раскрывалось внутреннее зрение, и ему казалось, что он путешествует не во времени, а среди духов, утерянных человечеством...

* * *

Старик слез с коня и зашагал по костям, устилающим пустыню. Ему казалось, что он ходит внутри самой смерти.

Он вел за собой коня, но животное было напугано, кости, касающиеся его копыт, заставляли его каждый раз вздрагивать.

Старик осторожно двигался вперёд, такую страшную картину он никогда прежде не видел.

Положение костей, несмотря на то, что они высохли под знойным солнцем за прошедшие века, свидетельствовало о том, что битва была рукопашной. Эти враждующие при жизни люди, покинув мир, позабыли о своей вражде и теперь лежали рядом. Спустя столько веков было невозможно определить, кто из них был виноват; всё было искусно перемешано в вечном котле истории.

Передвигаться по полю становилось всё сложнее. Порой ступить было некуда, и он очищал дорогу, раскидывая кости по сторонам. Поле, усеянное костями, все тянулось, и Старик не знал, как долго ему ещё придется по нему идти. Кто знает, может, вся предстоящая дорога будет только такой.

Конь, привыкнув к окружающей картине, больше не вздрагивал, а спокойно следовал за хозяином, полностью подчинившись его воле.

По мере того, как он рассматривал груду скелетов, тело и дух Старика пробуждались, возвращая его к далеким воспоминаниям о войне. Он ощущал себя в совершенно ином мире и не узнавал себя, в его жилах словно вновь забурлила застывшая за прожитые годы кровь.

Впереди Старик увидел круглую площадку, на которой, чуть вдали друг от друга, лежали два скелета, и невольно остановился. Рядом не было никаких других скелетов, и Старику стало ясно, что после того, как вражеские войска перебили друг друга, остались эти двое и, сражаясь до последнего, завершили эту страшную сечу.

Рядом с ними лежали металлические короны, железные доспехи и орудия, украшенные узорами, что свидетельствовало о том, что их обладатели были полководцами или правителями. Возможно, зачинщиками этой кровавой битвы были именно они, и битва завершилась их гибелью или же была направлена в иное русло – во всяком случае, определить это спустя тысячелетия было невозможно…

Рука одного из них была отрублена до локтя, а у другого насквозь пробит череп. По расположению скелетов было отчётливо видно, что они бились до последнего.

* * *

Уже несколько дней Старик продолжал путь, расчищая себе путь от скелетов, что сильно утомило его. А ночной отдых вообще превратился в пытку. Он освобождал себе место для ночлега, но заснуть не мог – в окружении костей чувствовал себя, как в аду. Кроме того, он был вынужден весь день идти пешком, и боль в ногах мучила его всю ночь, прогоняя сон. Но пути назад не было – и ему ничего не оставалось, кроме как продолжить свое путешествие.

Скелеты постепенно редели, и Старик понимал, что поле битвы скоро закончится. Но что ждет его потом – было неизвестно; возможно, впереди лежало ещё большее кладбище скелетов...

Из-за костей, усеявших пустыню, он позабыл цвет и облик пустыни. Теперь, видя даже небольшие песчаные островки, он радовался, с нетерпением ожидая появления открытых участков.

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 17

Глубокой ночью он проснулся от запаха, принесенного ветром вместе с пылью и песком. «Что это за запах? Почему он нарушил мой сон этой кромешной ночью?».

Подняв голову, Старик вдохнул этот странный запах. Он шел из глубин пустыни, помогая ему забыть зловоние от мертвечины и крови, пропитавшее все его тело и одежду. Этот запах чем-то напоминал запах молока; в нём ощущалось нечто волшебное, таинственное, напоминающее ему его детство, первые годы его жизни, но он никак не мог вспомнить, в какую именно пору впервые ощутил этот столь знакомый теплый запах, пробуждающий трогательные воспоминания.

Старик ощущал этот запах всем телом: лицом, глазами, щеками, всей кожей, и никак не мог насладиться им. Смешиваясь с ночью, мраком и бесконечностью пустыни, этот запах менял благоухание всего мира, создавая доселе невиданное очарование.

* * *

Он очутился в бесконечном сером мире. Этот серый покров, укутавший все вокруг, притупил его чувства, перемешал его память.

Дикий гул, раздающийся из глубин пустыни, словно тоже был серым. В этом гуле крылась безмерность и бесконечность, как смерть, как мир... Серый цвет блуждал по его душе и телу, как перекатывающаяся боль, вбирая и впитывая в себя всё, что встречалось на пути. Он видел, как в серый цвет укутываются не только видимые предметы, но и его чувства, при мысли о невозможности убежать от этой серости смятение охватывало его.

Серость проникала в его тело, память, заполняя его душу и увеличиваясь внутри, выходила и расходилась по всему миру. Он тщетно пытался избавиться от двигающейся на него серости и с волнением наблюдал за исчезновением благоухания и цветов мира. За серостью, укутавшей все видимое и невидимое, виделась пустота. Это слияние серости и пустоты пугало его больше всего. Возможно, поэтому он представлял пустоту серой.

Цвета мира, смешиваясь с серым цветом, растворялись в нем и исчезали.

* * *

Теперь в пустыне ему посюду встречались черепа. Они катились за конем, преследуя его, пытаясь догнать, словно боясь, что он ускачет от них, и они не смогут сказать ему что-то важное. Черепа, катящиеся по горячему песку, создавали жуткое зрелище. Испуганный конь скакал быстрее, пытаясь оторваться от них.

Но все было напрасно – встречные черепа присоединялись к преследующей его группе, и тоже включались в эту гонку. Перебивая и перекрикивая друг друга, черепа пытались что-то рассказать ему, издавая странные звуки, чтобы привлечь внимание и остановить Старика. Тот не понимал, чего хотят от него преследователи, да и вид такого сопровождения ничего, кроме страха не вызывал.

Сколько он ни смотрел, понять, откуда раздаются их голоса, не мог.

Несмотря на то, что Старик всячески пытался избавиться от черепов, он чувствовал беспокойство в их голосах, полагая, что тому должны быть веские причины. Может, они хотели о чём-то предупредить, раскрыть ему какую-то неведомую, ужасную тайну. Может, хотели остановить его, сообщить, что в конце этого пути его ждёт мрак, или же рассказать, чем закончится это странствие. Но слова звучали неразборчиво, и Старик не останавливался, опасаясь узнать эту тайну. Он изо всех сил пришпоривал коня, пытаясь поскорее ускакать от преследующих его черепов.

В моменты, когда ему удавалось оторваться от черепов, его душа обретала спокойствие – напряжение спадало, он немного приходил в себя. На следующий день всё начиналось сначала. С тех пор, как ему начали встречаться черепа, он окончательно потерял сон. Даже не видя их, он чувствовал их присутствие.

Один из черепов заметно отличался от остальных. Его костяные скулы словно излучали странную мягкость и добродушие, отдалившись от своих сородичей, он катился, не издавая ни звука. Странный свет, исходящий из глазных отверстий, постепенно увеличивался и превращался в проникновенный взгляд.

У этого черепа не было ни толики того беспокойства, что чувствовалось в голосах и движениях его товарищей. Он просто катился за Стариком, пытаясь не отставать от своих шумных сородичей.

Старик исподтишка наблюдал за ним, стараясь понять причину, по которой тот демонстративно держался особняком.

* * *

Глубокой ночью он проснулся от слабого, еле слышимого шепота. Не понимая, что происходит, Старик привстал и полусонным взглядом осмотрелся вокруг. Небо было тускло-сероватого цвета, не пробивался даже лучик света. Прохладное дуновение, исходящее из глубины пустыни, немного охлаждало душный воздух, принося приятную, освежающую прохладу.

На душе у него было неспокойно, будто кто-то следил за ним со стороны и, крадучись, наблюдал за его действиями. Он знал, что беспокойство в его душе должно иметь какую-то причину, и пытался найти источник этого тихого шёпота.

Ночь тяжелым пологом лежала над пустыней. Он вновь прошёлся взглядом по кромешной тьме, но ничего не заметил; подумав, что этот звук ему приснился, он вновь подложил сумку под голову и лёг на спину, но услышал этот шёпот снова.

«Кто это может быть в столь позднюю ночь? Может, кто-то следует за мной, преследуя меня? Как мне определить это в такой кромешной тьме?».

Он встал и, оглянувшись, увидел неподалёку череп, белеющий в ночном мраке. Старик вздрогнул, попятился назад.

– Чёрт побери! – буркнул Старик.

– Не бойся, – промолвил череп шёпотом.

Старик понял, что ночной гость – это череп, за которым он наблюдал, к тому же, он говорил на понятном ему языке, это его успокоило. Он огляделся – нет ли рядом других черепов? Гость был один.

– Что ты от меня хочешь? – воскликнул Старик. – Из-за вас мне нет покоя ни днём, ни ночью! Уходи, я спать хочу...

– Мне нужно сказать тебе кое-что, – заявил череп.

– Я слушаю тебя!

– Даже не знаю, с чего начать...

– Уже начни с чего-нибудь... – раздражённо сказал Старик.

– Не нервничай, пожалуйста!

Эти слова ещё больше вывели Старика из себя:

– Какого чёрта ты не даёшь мне спать в столь позднее время?

– В другое время невозможно, и ты это прекрасно знаешь...

– Скажи честно: это они тебя прислали ко мне, чтобы допросить меня?

– Нет, нет, я пришёл тайно, о моём приходе никто не знает, – ответил череп. – Мне нужно сказать тебе что-то очень важное!

– Ну так скажи, чего тянешь-то? – уже с любопытством спросил Старик.

– Я уже давно ищу возможность встретиться с тобой наедине, но это никак не удавалось. Честно говоря, немного остерегался тебя и именно из-за этого откладывал нашу встречу. Наконец, решился прийти – подумал, что потом может быть поздно. Я видел, что ты отличаешь меня от других черепов, и это придало мне смелости.

За всё время их общения Старик не обратил внимания, что они говорят на одном языке. Внезапно осознав это, он улыбнулся – впервые за время странствия он понимал язык встретившихся ему черепов и спокойно общался с ним.

– А откуда ты знаешь мой язык?..

– А ты всё ещё не понял?

– Нет, объясни...

– Именно поэтому я и встретился с тобой в столь позднее время.

– Не понял...

– Я – твоя первая жизнь.

– …

– Поэтому-то мы понимаем друг друга.

Старик с удивлением глядел на череп, взгляды которого были наполнены призывами взять себя в руки, успокоиться, не нервничать, но сделать это он никак не мог.

– Ты родился гораздо позже меня. После моей смерти мой дух перекочевал в твоё тело. Сейчас в тебе живёт мой дух.

– ...

– Я был твоей первой жизнью, ты понимаешь?

– ...

– Я знал, что ты приедешь. Жду тебя уже тысячу лет. Не знал точно, когда ты придешь, но был уверен, что в один прекрасный день ты обязательно появишься. И вот ты здесь! Впервые, когда я издали услышал конный топот, у меня аж сердце зашлось. Почувствовал, что ко мне едет мой дух.

– ...

– С тех пор я наблюдаю за тобой, идя вместе с другими черепами. Но я опасался, что ты уедешь без моего ведома, и я не успею тебя оповестить обо всём.

– ...

– Сначала я думал, что ты, увидев меня, сразу узнаешь. Но вскоре понял, что это не так.

Череп продолжал говорить, но Старик его уже не слышал – его сознание словно было околдовано. Он и представить себе не мог, что когда-то может встретиться со своей первой жизнью.

«Значит, этот череп, преследующий меня всё это время и издали наблюдающий за мной, – моя первая жизнь, первая судьба. Интересно, сколькими веками исчисляется расстояние между нами? Но как это возможно? Как ему удалось преодолеть это расстояние? Может, судьба повела меня по этому пути для того, чтобы я встретился со своей первой жизнью?»

Старик стоял, ошарашенный от неожиданности и невероятности услышанного, его глаза всё ещё уставились на белеющий в темноте череп. Он никак не мог принять, что его дух когда-то жил в этом черепе, что у его духа было когда-то и другое тело. Он рисовал в мыслях его облик, рост, фигуру, то, какой силой тот обладал. Но это длилось лишь одно мгновение, его внимание вновь возвращалась к черепу.

Старику стало не по себе при мысли о том, что его первая жизнь превратилась в череп, который нынче блуждает по бескрайней пустыне, отданный во власть ветров. У него было много вопросов к черепу, и эти вопросы он пронёс в своей душе через долгие годы и теперь, наконец, надеялся найти на них ответ. Вопросов было так много, что ему никак не удавалось упорядочить их в голове, чтобы последовательно их задать. Он чувствовал, что и у самого черепа имеются вопросы к нему.

Глядя на череп, Старик видел в нём одновременно своё прошлое и будущее. Он знал, что рано или поздно он тоже превратится в такой же череп – всё закончится, и он навсегда останется в этой пустыне. Постичь, как могут две его жизни вот так вот столкнуться в этом мире, ему было трудно.

– Я знаю, куда ты держись путь, знаю обо всех твоих намерениях, чувствую твою душу, твои мысли как собственные. Не нужно ничего говорить – я знаю обо всём даже без твоих слов. Ничто в тебе не является тайной для меня.

– ...

Старик всё ещё находился под впечатлением слов черепа. Явление черепа беспокоило его, но сейчас ему не хотелось расставаться с ним. Старик чувствовал, что череп опасается своих сородичей, поэтому хочет уйти.

– Я хочу увезти тебя с собой, – сказал Старик, чувствуя теплоту, исходящую из черепа, – останься, рано утром поедем.

– Другие черепа не должны знать о наших отношениях и связи, – ответил череп. – Это опасно для нас обоих.

– Почему? – удивился старик.

– Тебя хотят убить. Боюсь, они не отстанут от тебя, пока не навредят... Они потеряли свой язык, поэтому не могут понять друг друга, найти общий язык. В отдельности им с тобой не справиться, но, сговорившись, они могут уничтожить тебя. Будь осторожен, берегись их...

– А за что они хотят убить меня?

– Сейчас объясню...

Внезапно из темноты, со стороны сборища черепов раздались странные голоса, и череп сразу замолчал.

– Уже поздно... Завтра всё объясню, – сказал череп после некоторого раздумья и, покатившись в темноту, исчез так же внезапно, как и явился.

Старик долго стоял, глядя в том направлении, куда укатился череп.

* * *

После того, как череп исчез, Старик подложил сумку под голову, лёг на песок, но долго не мог заснуть. Услышанное не вмещалось ни в его сознание, ни в его душу. Слова разбудившего его ночью черепа полностью изменили его представления о жизни, смерти, обо всём мире. Пустыня, по которой он ехал уже долгое время, тоже обрела в его глазах совершенно иной облик. Старику казалось, что черепа катятся на него с различных сторон пустыни, и вскоре они окружат и уничтожат его.

Заснуть он смог только под утро. Но сон длился недолго; вскоре он открыл глаза, услышав внезапные крики и стоны. Он был уверен, что эти крики издаёт сборище черепов; они громко спорили, пытаясь в чём-то разобраться. Но в это время черепа обычно спали, и Старик впервые слышал, чтобы в такое время они бодрствовали.

Больше криков Старика беспокоил чей-то сдавленный стон, раздающийся среди этих криков.

Старик замер, не зная, что предпринять. Кое-как придя в себя, он прошёлся взглядом по предутреннему мраку, но не смог понять, откуда исходит этот звук. Но он точно знал, что этот стон – голос черепа, с которым он общался ночью.

Когда стон раздался ещё раз, его тело охватила дрожь. На этот раз стон звучал слабо, обессиленно. Словно этот голос вложили в сосуд и запечатали. Через краткое мгновение голос окончательно ослаб и утих.

С наступлением утра стоянка черепов стала видна. Старик направился туда, чтобы выяснить, что там произошло. Увидев его издали, черепа, расталкивая друг друга, разбежались. Пройдя вперёд, он увидел, что посетивший его череп – его первая жизнь раздроблена, разбита вдребезги.

Старик остановился возле уничтоженного черепа. Присел и начал гладить кости, рассыпанные по песку. От теплоты и ласки, исходящей от черепа ночью, не осталось и следа.

На душе вдруг стало пусто, и эта пустота, распирая его, вырвавшись наружу, разлетелась по всей пустыне.

Словно на песке лежали не раздробленные кости черепа, а его дух.

Старик долго глядел на рассыпанные кости черепа, затем быстрыми шагами направился к коню, сел в седло. Он не сразу понял, куда направиться – поворачивал коня то направо, то налево, пытаясь найти правильное направление. В конце концов, конь сам нашел дорогу, и они отправились дальше в путь.

Но ехать дальше у него уже не было желания; то и дело он останавливал коня и, оборачиваясь, глядел в сторону, где казнили череп. Он был ошеломлён жестокой расправой над ним.

Дорога все тянулась...

Но черепов, преследующих его каждый день, уже нигде не было.

«Интересно, за что черепа хотели убить меня? Почему я ночью не расспросил череп об этом? Возможно, если бы я настоял, то он рассказал бы. И потом – откуда мне было знать, что всё закончится так трагически... Мне о многом надо было расспросить, узнать – но всё было уничтожено в одно мгновение».

Теперь, продолжая путь, он пытался выяснить для себя причину желания черепов убить его: «Может, своим появлением я разрушил их мир? Может, они хотели отомстить мне за то, что я вернулся в прошлое? Или, может, они хотели убить меня, не осознавая тайну, скрывающуюся за этим возвращением? Мало ли, с чем могло быть связано это их желание...»

Предположений было так много, что Старик никак не мог остановиться на каком-либо из них, придумывая новые причины.

* * *

Его одиночество нарушала только смерть, и он всем своим существом ощущал ее присутствие.

Небо было по-прежнему тёмным, и он слышал, как в этой кромешной тьме смерть ближе и ближе подходит к нему. Она была невидима, но, почувствовав у себя на лице её ледяное дыхание, он поднялся и присел.

В пустыне веяло смертью, и это дуновение наполняло его душу странным холодом.

На самом деле он думал о смерти годами, и эти мысли никогда не покидали его. Но с тех пор, как он пустился в этот путь, он никогда не ощущал смерть так близко, как сейчас. Странно, на протяжении всего путешествия он не думал о смерти и даже не представлял, что рано или поздно встретится с ней. Страшные картины, встретившиеся ему на пути: усеянное костями поле битвы, преследовавшие его черепа, подвесной мост, построенный из человеческих костей, – держали его в напряжении, не давая ему возможности хоть на мгновение забыться. Но сейчас он был близок к смерти, как никогда.

Он вдруг понял, что смерть уже давно шагает рядом с ним, пытаясь идти вровень с его конем; а по ночам, дабы не упустить его из виду, ложится рядом с ним, и как бы он ни старался избавиться от преследующей его смерти, ему это не удастся. Именно смерть торопит его...

Некогда смерть ему казалась вечным сном, человек ложится в постель и больше не просыпается. А иногда он думал, что смерть – это важный и обязательный обряд, пропустить который не дано никому.

Сейчас он думал, что если почувствует дух смерти, то слезет с коня, выроет в пустыне могилу, ляжет в неё и будет ждать своего конца. А после смерти лёгкое ночное дуновение укроет его тело песком, и постепенно его могила окончательно исчезнет. Утром в этой бесконечной песчаной пустыне от его существования не останется ни следа. Возможно, смерть настигнет его так внезапно, что он не успеет и могилу вырыть себе, и его тело, оставшееся на песке, будет растерзано стервятниками. Ветры новой жизни раздробят его скелет, и он присоединится к черепам, что преследовали его по всей пустыне, ища кого-нибудь, с кем можно было бы пообщаться, поделиться мыслями. Его осиротевший конь некоторое время останется в пустыне сторожить его тело, а потом хищные птицы растерзают и его.

Ночь тянулась.

Внезапно пустыня, по которой он уже долгое время ехал в неизвестном направлении, показалась ему пустой, безлюдной. Он осознал, что пустыня, которая до сих пор казалась ему пустой и безлюдной, на самом деле не так и пустынна, его, хоть и единственное, присутствие обеспечивало ей жизнь, и настоящая безлюдность начнётся, когда его уже не будет, после его смерти.

Он и раньше ощущал близость смерти, но это не беспокоило его столь сильно. Теперь он чувствовал не только близость смерти, но и ее неизбежность. Смерть была настолько близка, что невозможно было не чувствовать её, не ощутить её существования.

Он не понимал, как, но внутреннее чутье говорило ему, что он стоит на краю смерти. Сможет ли он победить смерть? Или наоборот, он сдастся смерти без борьбы и сопротивления?

Ведь его жизнь, как и у всех живых существ, имела завершение. Всему есть начало и конец, и это неизбежно. Жизнь не вечна, и человеку не суждено рождаться вновь. Человек рождается и живёт всего один раз, переживает печали и радости, наслаждения и мучения и, в конце концов, прощается с этой обителью скорби.

Теперь, думая обо всем этом, Старик чувствовал, что мир, в котором он живёт, тоже меняется в его глазах, меняя покров.

Смерть, как змея, обвилась вокруг его тела, и избавиться от её объятий уже невозможно. Он чувствовал, что смерть, проникнув в тело и смешавшись с кровью, течёт по жилам – от этого руки и ноги его охладевали, тело обмякало.

Его мысли резко изменили свое направление, он больше не думал о том, куда ведёт этот путь, в каком направлении ему следовать и когда он достигнет конечного пункта; всё это его уже не волновало. Мысли о смерти перевернули в нём всё, направив в совершенно иное русло. Они положили конец всем делам, которые он не успел сделать, или, начав, не успел завершить. Они убедили его в бессмысленности всего и вся; переворошив все его чувства, выявили их ошибочность и тщетность. Они позволили ему оглянуться и заново, более трезво взглянуть на прожитую жизнь, напомнив ему о невозможности впредь исправить что-либо, свернуть с когда-то неверно выбранного пути.

Он чувствовал, что за мыслями о смерти скрываются и более серьёзные вопросы, вникать в которые его сознание не в состоянии.

...Кромешный ночной мрак распространялся по всей пустыне. Но этот мрак не был похож на обычную, привычную темноту; пустыня словно покрылась копотью.

Мысли о смерти гнали сон прочь, лишь ближе к утру ему удалось ненадолго вздремнуть.

ГЛАВА 18

Ему приснилось, что седовласый, седобородый Лекарь смазывает бальзамом раны Истории.

Раны были настолько глубокие, что Лекарь не мог вынести их тяжесть, то и дело терял сознание, затем вновь приходил в себя и продолжал лечить Историю.

История истекала кровью, и Лекарь, как ни старался, не мог остановить кровотечение. Кровь текла, образуя лужу у ног Истории. Из-за колоссальной потери крови История бледнела, раны обессилили её, но она всячески старалась не показывать своих страданий, не желая выставлять их напоказ.

Лекарь наносил бальзам и с изумлением разглядывал это огромное умирающее существо, мысль о будущем без прошлого приводила его в ужас.

Раны были застарелыми, но они не покрывались коркой, а в тех редких местах, где она образовалась, была отодрана, и на ране выступали капли крови. На некоторые раны неопытными руками были наложены грубые швы, которые гноились, и с них бахромой свисали гнилые нитки. Тело Истории гнило, сгнившие раны сыпались хлопьями, оставляя вместо себя страшные оспины. Лекарь продолжал мазать раны бальзамом, пытаясь унять волнение.

Раны, наносимые на протяжении веков, окончательно изнурили и истрепали больную. Несмотря на это, История подвергалась все новым и новым агрессиям; на ее теле не было живого места, и удары наносились поверх старых, толком не зажив-ших ран.

Лекарь пораженный смотрел, как люди, желающие избежать неизбежности логической последовательности исторических событий, не извлекая уроков из прошлого, вновь и вновь наносят ей удары, и, не понимая причины этой мести, огорчался этому безумию и жестокости самого разумного существа на свете – человека.

Дух Истории был сломлен – и она, тяжело дыша, окрашивалась в алый цвет собственной крови, хлынувшей из ран. Глядя на раны, Лекаря охватывало глубокое разочарование, и он постепенно терял надежду на выздоровление больной, но все же продолжал наносить лекарство на раны.

Лекарь изредка делал паузу, проводя общий осмотр, и изумлялся тому, как это огромное тело, изменившееся до неузнаваемости, давно потерявшее свой первичный облик, так стойко держится, продолжая жить дальше.

Врач гладил дух Истории; его длинные пальцы с заросшими седыми волосами скользили по духу, словно расчёсывая длинные пряди, успокаивая ее. Он, и сам того не сознавая, нежными прикосновениями пытался спасти и оживить ее.

Невзирая на всё это, дух Истории умирал. Лекарь боялся, что дух полностью изведет себя, в таком случае надеяться на заживление ран было бы наивностью. А в чём была причина этого самобичевания, жестокого самоистязания?

Возможно ли заживление, если дух не желает вернуться в больное тело Истории? Не наивно ли верить в это? Если дух покидает тело, то не значит ли это, что жить в этом теле более невозможно? Теперь дух умирал сам, он был на последнем издыхании. Возможно, именно с этим и была связана неэффективность лечения, и бальзам был напрасен.

Наблюдая за тем, как дух Истории, который некогда смело противостоял всем обвинениям мира, нынче, потеряв равновесие, безмолвно лежит на земле, Лекарь ясно осознавал, чем чревата эта ужасная смерть, но не знал, что предпринять, чтобы вызволить страдающий дух Истории из пасти смерти.

Голос, раздающийся из неоткуда, допрашивал его:

– Что ты делаешь, Старик?

– Я не понимаю тебя...

– Я спрашиваю, что ты делаешь!

– Разве не видишь? Древняя История погибает на наших глазах...

– То, что погибает, я вижу, но никак не могу понять, что ты делаешь.

– Я мажу бальзамом раны Истории.

– Бальзамом? Ты сказал бальзамом?

– Да.

– А ты не видишь, что у тебя с руками?

–...

– Посмотри на свои руки!

Лекарь невольно поворачивал руки, внимательно рассматривая их и пытаясь понять, что имеет в виду этот голос.

– Конечно, бальзам...

– Посмотри внимательно!

Ничего не понимая, лекарь растерянно осматривал свои руки...

– На твоих руках – не бальзам, Старик! Гляди-ка – у тебя руки все в грязи. Разве не видишь?

– ...

– Я с тобой разговариваю, слышишь меня?

–...

– Ты вздумал лечить раны Истории грязью своих рук, Старик?

От этого вопроса Старик невольно впал в раздумья; он надеялся вылечить лекарством раны, нанесённые временем духу Истории, но оказалось, что это было не лекарство, а грязь его рук... А спасти гниющее тело Истории грязью рук невозможно...

* * *

Он долго не мог отойти от тяжелого сновидения. У него перед глазами всё время стояли безуспешные попытки старого Лекаря вылечить тело Истории грязью рук, которую он принял за исцеляющее снадобье. Куда бы он ни оглядывался, всё казалось ему больным, израненным телом Истории. Старику казалось, что пустыня, по которой он странствует, – одна из частей огромного тела умирающей Истории. Он опасался наступать на землю, боясь, что с каждым шагом больное тело Истории ещё больше обессилит...

Дорога все тянулась...

ГЛАВА 19

Двигаясь в глубь истории, Старик чувствовал, что теряет своё будущее, все мысли о нем и опыт жизни, оставшийся ему в наследство от прожитых лет жизни. Он видел, что в его душе и теле постепенно ослабевает притягательность будущего, так волновавшего его всю его сознательную жизнь, и это успокаивало его. Будущее больше не занимало его, как прежде, не привлекало. Повторно листая прожитые дни, он подсознательно осознавал, что когда-то и будущее превратится в историю и разрушится, и утешал себя тем, что оторвался, отдалился от его очарования.

Теперь всё для него осталось в прошлом.

На самом деле отрекшись от будущего и двигаясь в направлении к прошлому, он сам невольно превратил своё будущее в прошлое. Подобная рокировка времени ослабила его и без того рассеянную память. Единственное, что могло упорядочить его память, – это дорога, которая бесконечно длилась по бескрайней пустыне.

А дорога всё тянулась – без конца, без края...

* * *

Старик так и не понял сущности и смысла мира, в котором он прожил всю жизнь. Почему человек рождается на свет, противостоит бедам, переживает бесконечные терзания, неся на себе такое тяжёлое бремя? В чём тайна этого мира, этого созидания, полного загадок и неопределённости?

Люди рождаются, живут и умирают, и эта неизменная цепочка тянется до бесконечности... Вновь рождённые не хотят принимать опыт тех, кто прошел этот путь до них. Каждый человек видит себя как первого жителя планеты и в силу дальности смерти считает себя бессмертным, забывая о бренности мира. И лишь на закате жизни, при неизбежном приближении последних её ступеней человек начинает осознавать себя и свою сущность, но данное осознание остаётся тщетным и вместе с человеком уходит в загробный мир.

Старику казалось, что жизнь – это бесконечный путь, остановками на котором являются рассыпанные по ее обочине могилы, как свидетельства прожитых человеческих судеб. Со временем, спустя годы или века, эти кладбища и могилы сравняются с землей, и память об этих людях полностью исчезнет с лица земли. Но этот путь будет длиться, и люди будут продолжать следовать по нему в направлении к смерти...

Одной из величайших трагедий человечества Старик считал забвение; человек не мог сохранить в своей памяти свою родословную, отмеченную могилами. Не задумываясь о судьбе предков, человек не сознавал, что он и сам является всего лишь одним из тех, кто следует по этому пути, не чувствуя ответственности за судьбу всего мира, рождался на этот свет и покидал его.

Ничего не зная о том, что создавалось и завещалось его предками на протяжении многих тысяч лет, человек продолжал жить без памяти, прошлого, истории...

«И если это так, то каким образом можно оправдать мысли и суждения человека? Это забвение непременно должно иметь какую-либо причину, так как всё в этом мире основано на разуме, логике и закономерности. Так в чём же эта причина?»

* * *

Он вдруг заметил, что солнце теряет свой золотистый цвет, сереет, и за этой серостью начинается совершенно иной мир. Не веря своим глазам, он поморгал, чтобы удостовериться в реальности того, что видит, солнце таяло и, растворяясь в небе, окрашивало все вокруг в серый цвет. Серый цвет передвигался по всему миру, и всё видимое в нём безвозвратно скрывалось в этой серости.

С недоумением смотрел Старик на мир, приходя в смятение от зловещего зрелища. «Господи, что это такое? Почему мир обрёл такой чудовищный цвет? Неужели солнце, освещающее весь мир, угасает? Может, это конец всему? Что же мне теперь делать, куда идти?» От шока и переживаемого страха и паники невольно ладони сжались в кулак, снова разжались, он расстегнул ворот рубашки, но облегчения это не принесло: мир окончательно облачился в серый цвет, растворив в себе все существующее, более ничего не было видно.

Стервятники, дико перекрикивая друг друга, с прежним энтузиазмом и аппетитом, раздирали труп, словно и не замечая произошедшего изменения. Странно, но почему-то в птичьих голосах он не заметил никакого беспокойства.

Конь, не сбавляя темпа, двигался в прежнем направлении; казалось, и он не заметил, что солнце изменило цвет, а мир полностью поглотил серый цвет.

Старик жмурился, с такой силой начал тереть глаза, что выпали ресницы, давил на зрачки, словно желая выдавить их, но всё это было бессмысленно.

...Он пришёл в ужас, по телу пробежали мурашки, волосы встали дыбом. Невольно из него вырвался душераздирающий крик. Конь, не привыкший к таким истошным крикам, вздрогнул и пустился вскачь.

Старик крепко схватился за поводья; теперь он скакал не к намеченной цели, к которой стремился столь долгое время, а пытался убежать от этой страшной пустоты мира. Он надеялся, что где-то впереди он достигнет границы этой густой серости, обретёт свет и ясность, и все эти кошмары останутся позади.

– Открой мне глаза, Господи, открой, открой! – молился он, все сильнее пришпоривая коня. – Умоляю тебя, ты милостив, лиши меня всего, чего хочешь, но только не зрения! Верни мне его!..

Конь мчался, не разбирая дороги, мольба Старика, как ветер, проходя сквозь тишину пустоты, таяла в безвременье.

– Верни мне зрение, Господи, открой мне глаза! – умолял Старик. – Уповаю на тебя, Творец, ты милостив! Не лишай меня зрения!

Дорога все тянулась...

* * *

Все утончалось и скручивалось в спираль, проходя сквозь время. А время текло, оставаясь равнодушным ко всему происходящему, хоть оно и казалось неизменным, оно также менялось, протекая в неизвестном, таинственном на-правлении.

«И потом, на каком основании определялось направление и течение времени? Может, и время меняет свое направление, как ветер... Если время невидимо, то чем можно доказать его существование? Неужели время гонится за мной – может, это я сам скачу за временем?»

Вопросов, мучивших его сознание и волю, было так много, что у него не хватало терпения не только для того, чтобы попытаться найти ответ на них, но и просто поразмыслить.

Порой он задавался странными вопросами о том, что значит время, и нередко сомневался в его существовании. «Существует ли время? Если да, то в чём это выражается? Где начинается грань между временем и безвременностью? И есть ли эта грань вообще? Почему эти мысли о времени вновь мучают меня, смущая мой ум?»

Дорога все тянулась...

Конь мчался в глубь пустыни, не сбавляя бега. Старику казалось, что стук его копыт раздаётся из дальней дали, из недоступных глубин истории и времени. Ему виделось, что он находится в сладком, глубоком сне, вот-вот проснётся, и всё произошедшее останется в этом таинственном, волшебном сне; только время течет по-прежнему, и ничего не меняется.

Однако, поняв, что всё это происходит наяву, Старику захотелось крикнуть, что есть сил, но вместо крика у него вырвался вой, вой волка-одиночки. Дикие стервятники, испугавшись этого страшного воя, впервые услышанного в безлюдной пустыне, разлетелись от туши. Конь встал на дыбы и пустился в галоп.

Угасали последние лучи солнца; скоро наступит темнота, и пустыня покроется кромешным мраком; но отныне для него не было разницы между светлым и тёмным временем суток.

Пустыня, ведущая его вот уже долгое время в небытие и бесконечность, окуталась в необычайный покров. Видя все эти перемены, он никак не мог представить, что пустыня снова вернется в прежнее состояние. И так как он не имел представления о причинах и тайнах этого внезапного изменения, он стоял на распутье и не знал, куда держать путь.

Единственное, что он сейчас чувствовал, было сердцебиение песчаной пустыни, по которой скакал его конь. Пустыня, дыша, тяжело поднималась и опускалась, напоминая ему, что он все еще жив, и путь, в который он пустился давным-давно, всё ещё не окончен.

ЭПИЛОГ

Серые холмики, образованные в бескрайней пустыне внезапными бурями, значительно изменили облик пустыни и усложнили путь.

Вечернее солнце, угасая, освещало горизонт. Скоро с закатом солнца пустыню накроет тёмная завеса, и она погрузится в ночную тьму.

Всадник, не видя всего этого, по-прежнему ехал на коне, передвигаясь в неизвестном направлении. Его не пугали ни жестокие волны песчаной пустыни, ни ужасы предстоящей пустынной ночи, ни старость, ни голод, ни жажда – скоро он должен был скрыться за песчаными холмами.

Неожиданно раздавшийся страшный грохот сотряс Старика. Гром был таким ужасающим, что казалось, небесный свод, не выдержав, низвергнется на землю. Словно Всевышний решил разрушить, превратить в руины в мгновение ока всё то, что он создавал на протяжении миллиардов лет. Старик с трудом удерживал равновесие в седле.

Однако, как ни странно, коня этот звук не напугал, он шел по-прежнему, словно вовсе ничего и не слышал.

Старик изо всех сил пытался вспомнить, где и когда он слышал этот грохот, который отозвался во всем его существе. От страха и безнадёжности, которыми был пропитан этот гул, цепенела душа, звук проник в самые отдалённые уголки его сознания.

Старик обнаружил, что всё его тело – с ног до головы – обросло седыми волосами. Сквозь звуки раздающегося грохота он слышал, как шевелятся волосы, покрывающие всё его тело.

Старик нащупал глаза...

Его зрачки обросли мелким нежным пухом...

2002-2010,
Глазго-Белфаст-Лондон-Баку

ИБРАГИМ МЕЛИКОВ

«КТО ПРИ ЖИЗНИ РАЯ НЕ ОБРЕЛ, И ПОСЛЕ СМЕРТИ ВХОЖ ТУДА НЕ БУДЕТ»

(О романе в стихах Сахиба Мамедова «За место в раю»)

Поэт – «небес избранник». Но почему именно поэт? Поэт через красоту слов стремится к красоте, а стремление к красоте – это любовь к этому миру. В поэзии красота и любовь, как правило, переплетаясь, соединяются. Любовь – это высшее чувство, высшее переживание для человека вообще, а для поэта – это естественное состояние. Быть поэтом – значит, постоянно находиться в состоянии влюбленности. Подобно всякому влюбленному, он восхищается, и объектом восхищения для него является весь мир. В отличие от разума революционера, у которого «кипит разум возмущенный», разум поэта – это разум восхищенный. Не случайно известный азербайджанский поэт Самед Вургун выбрал себе псевдоним «Вургун», означающий «влюбленный».

Истинный поэт не изменяет себе, он всегда честен перед самим собой. И, соответственно, несет ответственность за каждую свою строчку, за каждое слово.

Не умаляя всех безусловных достоинств философии, необходимо признать, что порой в философии абсолютизация интеллектуально-рационального начала и логического подхода вытесняет чувства и эмоции, а вместе с ними – гуманистическую (этическую) основу самого человеческого начала, отчего уровень доверия и эмпатии к ней резко снижается.

Особенно наглядно это видно на примере науки, представляющей собой исключительно рационально-логическое царство. В науке есть разум, но нет любви. И тогда возникает вполне резонный вопрос: стоит ли доверять науке?

Философия в любом случае начинается с сомнения, т.е. с неприятия мира. Вместо существующего мира она стремится создать свой идеальный мир. Наука стремится изменить мир, следовательно, исходит из несовершенства мира и неудовлетворенности им. Поэзия принимает мир таким, как он есть, углубляясь в его тайны.

Итак, сама жизнь и история человека утверждают безусловную веру в поэзию. Все научные истины рано или поздно, как говорят сами ученые, опровергаются. Философы критикуют друг друга, доказывая свою правоту и, как минимум, заблуждения своих оппонентов. Но в истории человеческой культуры не был опровергнут ни один поэт, ни один не был обвинен в заблуждениях и ложности взглядов. Ни про одного поэта еще не было сказано, что он ошибался!

Да, поэты не ошибаются. Но есть разные уровни поэзии. Есть высокая поэзия, и есть не очень. Есть в поэзии мастерство, ремесло, и есть глубина. Как ни странно будет звучать, глубина обеспечивает высоту. Видимо, здесь срабатывает принцип диалектики: противоположности обнаруживают единство. Большой поэт – это большой философ, большой мыслитель!

Возвышенность поэзии обеспечивается одухотворенностью, а та в свою очередь основывается на вере, отделяя себя от религии.

И особый случай – когда поэт ставит перед собой цель раскрыть суть религиозной концепции. Именно эту цель преследовал Сахиб Мамедов в своем романе в стихах «За место в раю».

В названии емко заявлен смысл и цель жизни в одной из мировых авраамических религий – исламе. Зачем человек приходит в этот мир, в чем заключается его предназначение, и в чем суть религии? Оказывается, все просто – в конечном счете заслужить место в раю! Это универсальный показатель, цель и смысл религиозной концепции жизни. Если эта цель достигается, значит, жизнь наполняется религиозным (одухотворенным) смыслом, а рай становится заслуженным состоянием и желанным итогом жизни.

Да, рай находится за пределами привычной обыденной жизни, для которой он недосягаем. Поэтому для многих наших современников он перестал быть ценностью. Они хотели бы рая при жизни, причем совсем в ином смысле. Исходя из этого, они не принимают и не хотят принимать того, что жизнь – это только возможность достичь рая, причем не материального и социального, а духовного. Для того, чтобы обрести рай, надо работать, трудиться над собой, над своей душой. А стимулом должна быть вера в Бога:

Всевышний в Милость даровал нам труд.
Труд подливает масло в лампу жизни,
А Вера зажигает... Только люд
Чуждается порою этой мысли. (с. 72)

Человек должен быть активен, трудиться и совершенствоваться. В этом ракурсе весьма примечательна утонченно-остроумная ирония автора:

– Ужель решил не заходить ты в воду,
Пока не станешь удалым пловцом? (с. 268)

Видимо, она связана с отношением автора к нередко встречающейся позиции, согласно которой человек всё должен делать либо хорошо, либо вообще ничего не делать. Получается, что можно оправдать бездействие и лень человека тем, что он не может делать что-то хорошо. Логичное рассуждение, представляющее собой чистую софистику, на самом деле не порождающую ничего, кроме усмешки.

Наш современник, как правило, убежден, что внешний комфорт может обеспечить комфорт душевный. Но это глубочайшее заблуждение не только в контексте религии, но и самой простой прагматичной психологии. Рай – это наслаждение, которое невозможно понять, находясь на низком уровне душевного и духовного развития. А мирское счастье, которое жаждет обыватель, рай не предлагает. Это – как восприятие высокого искусства: чтобы насладиться им, надо дорасти до его уровня, взрастить и воспитать в себе чувство прекрасного.

Итак рай – это высший смысл жизни человека, как в сугубо религиозном, так и в духовно-философском смысле этого слова. Поэтому человек всегда стремится к раю. Обыватели стремятся достичь рая в материальном и социальном плане, возвышенные – в духовном смысле. Если человек достигает одухотворенности, он уже при жизни оказывается в раю. Более того, чтобы попасть в рай после смерти, надо найти рай в душе еще при жизни.

Как говорит С.Мамедов в своем романе:

Ведь кто при жизни Рая не обрел,
И после смерти вхож туда не будет… (с. 206)

Рай – это цель и смысл жизни. Но как к нему прийти? Все вопросы в религии, в частности, в исламе, так или иначе связаны с достижением этой цели.

Жизнь человека в этом контексте – это путь, путь к раю. А рай – это истинное, подлинное бытие. Соответственно, человек – это путник, идущий в рай. Так или иначе человек, идя по дороге жизни, насколько может, ищет свой рай – своё счастье в жизни, дающее надежду на посмертное блаженство.

Весь роман в стихах Сахиба Мамедова посвящен этому нелегкому и противоречивому пути. Этим, видимо, объясняется его большой объем – 279 страниц и довольно длительный срок его написания – 11 лет.

Это не просто художественное произведение. В нем раскрываются непростые вопросы духовной жизни. Масштабы романа, круг поднятых религиозно-философских проблем и глубина их решения, мастерство художественного выражения исламской доктрины не могут не впечатлять. Учитывая все это, его можно назвать художественным представлением и без преувеличения – катехизисом ислама, подобно «Шахнаме» Фирдоуси или «Сокровищнице тайн» Н.Гянджеви. Мне думается, что эту книгу можно адресовать также и тем, кто хотел бы постичь глубины не только исламской доктрины, но и всякой религии вообще.

Автор очень глубоко проник в непростые вопросы. Редко в художественном произведении, особенно в современном, художественный план так удачно сочетается с духовно-философским. Это не только большой труд, но и показатель глубокой трансформации самого автора. Почему так долго создавалось это произведение? Не только потому, что оно имеет такой большой объем. Думаю, что главной причиной является то, что и для самого автора это стало временем духовных поисков. Произведение – это зеркало, в котором отражается внутреннее состояние самого автора, это часть его жизни. Автор и произведение пребывают всегда на одном уровне бытия. Произведение таково, каков и автор. И в данном случае роман в стихах «За место в раю» – прежде всего личное достижение и результат интеллектуального, физического и духовного труда Сахиба Мамедова.

Главный герой романа – визирь Джаваншир, являющийся олицетворением и носителем мудрости и религиозности. В начале романа он – обычный пастух. Но в силу глубины своей духовности он становится визирем кагана Самура. Невольно напрашиваются параллели с произведением классика азербайджанской литературы М.Ф.Ахундова «Визирь Ленкоранского хана». Однако если у Ахундова визирь – явно отрицательный персонаж, то у С.Мамедова – олицетворение мудрости. Джаваншир, подобно герою Ахундова, сменяет своего предшественника визиря Саттара. У Ахундова визирь – лицо сугубо светское, а потому властолюбивое и бездуховное, у Мамедова – это человек праведный, благочестивый и одухотворенный. От его имени преподносятся все религиозные истины и умозаключения, к которым пришел автор в результате своих духовных исканий.

Визирь С.Мамедова представляет собой человека, стоящего на пересечении духовного и социального миров. А взаимодействие этих миров и есть главная проблема жизни человека. Почему? Человек должен решать проблемы духовного мира, проживая в социальном. Гораздо легче было бы, если духовный и социальный миры были разделены и существовали параллельно. В духовном мире человек следовал бы духовным принципам, в социальном – социальным. Но в том-то и дело, что человеческий мир един. А социальный и духовный миры существуют не параллельно, а смешиваются и переплетаются. Человек должен одно подчинить другому: либо духовный мир социальному, существенно искажая принципы духовности, либо же социальный – духовному, ценой упорных усилий, позволяющих преодолеть искушения земного бытия.

Социальный мир не соответствует духовным принципам. Социальный (общественный) мир – это внешнее бытие человека, стремящееся утвердить свою самодостаточность, вытесняя из своего пространства духовность, а вместе с ней и собственно отдельного человека. Этот мир, хотя и является человеческим, однако

сам человек в буквальном смысле в нем отсутствует. Для социальности важны все, а не каждый, однако только индивидуальность каждого несет в себе подлинно гуманистические и духовные ценности. Все противоречащие человеческой природе стороны социальности обнажаются в политике.

Чтобы обострить проблему взаимодействия социального и духовного, автор возносит мудреца Джаваншира в высшие слои властных структур общества и, сталкивая их, указывает на противоположность духовного и социально-политического миров. Решение социально-политических проблем, как правило, противоречит духовным принципам. В романе демонстрируется, как решение этих проблем на религиозно-нравственной основе не только имеет соответствующую религиозную ценность, но и оказывается продуктивным и выигрышным с точки зрения прагматичной политики.

Социальная жизнь, оторванная от духовно-религиозных принципов, формирует свои нормы, преподносит свои уроки. На первый взгляд они отражают глубинные стороны жизни, даже выглядят вполне здравыми. Вот наглядный жизненный опыт правителя, о котором говорится в романе.

Об отношении к народу:

Но так устроен мир суровый наш,
Путь власти был всегда тернист и труден.
Чем больше воли ты народу дашь,
Ее тем больше требовать он будет. (с. 135)

Образ верующих и представление о религии:

Они, скорей, похожи на собак,
Дерущихся за лакомый кусочек.
Проводят в челобитье дни и ночи.
Какой же это беспросветный мрак!
Религии народы разделяют
И порождают ненависть в сердцах.
Я не позволю, чтоб чума такая
На наших разгулялась берегах. (с. 189)

О тактике поведения в политическом и в целом в социальном мире:

Коль ты желаешь обрести победу,
Смотри на друга, словно на врага.
Готовыми должны мы быть с тобою
Сейчас к любым превратностям судьбы. (с. 200)

Представление о войне – она рассматривается как столкновение сил, в ней нет места религии, молитве и милости. Здесь все решают сила, грубость, решительность. Война оказывается вне религиозных и духовных принципов:

В войне средства любые хороши!
И сколько ты молитвы ни верши,
Молитвой пасть шакалу не закроешь.
Ты кротким на родном будь берегу,
А на чужом уверен и успешен.
Кто милость проявляет ко врагу,
Отказывает этим в ней себе же. (с. 237)

Поэтому всё, что связано с войной, погружается в царство обмана:

Что для того и курят трубку мира,
Чтоб затуманить зрение врагу. (с. 240)

Конечно, можно сказать, что эти представления отражают менталитет правителя. Однако соответствующие воззрения и стереотипы присущи и всему народу.

Нельзя сказать, что в этих словах нет своей правды. Но это правда сугубо человеческого мира, это правда ограниченная. Она отражает только плоскость бытия, а не ее пространство. Сам социальный мир – это своего рода капля. Мы можем в ней видеть только саму каплю, но можем – отражение океана. Только преломление общественной жизни через призму духовности позволяет представить весь объем социальности, увидеть многообразие граней и весь богатый спектр существования:

Наглядно нам Всевышний показал,
В каком убытке пребывает каждый,
Кто душу миру этому продал
И приобрел удел пустой и страшный. (с. 63)

Духовность утверждается через абсолютные ценности, через призму нравственности, которая имеет абсолютные основы. А носителем абсолютных ценностей является религия и прежде всего – вера и поклонение Богу

Наша жизнь не ограничена только тем, что мы воспринимаем:

Нас жизнь земная связывает с Вечной,
Как с завтрашним сегодняшний наш день. (с. 67)

Поэтому человек должен смотреть на свою земную жизнь во времени с высоты вечного, небесного бытия:

Нам эта жизнь дана для испытаний.
Здесь есть деянья, а расчета нет. (с. 67)

Поэт приводит свой убедительный аргумент, являющийся итогом глубоких и долгих размышлений:

Но если был бы создан человек
Для этой жизни, то он жил бы вечно
И не покинул бы ее вовек.
Испытывает здесь нас Превеликий,
Пока сокрыт незримый мир от нас.
Ведь если б мир тот ясно видел глаз,
То не было б ни веры, ни религий. (с. 179)

Не только вера, но и понимание Бога отличает действительно верующего человека:

Кто с Богом единения постиг,
Тот понимает жизнь, тот благодарен
За свет бесценный, что ему подарен
И до земли пред Ним склоняет лик... (с. 83)

Вера в Бога не имеет смысла, если имеет показной, демонстративный характер. Вера достигает своей цели, только если строится на искренности. Путь к Высшей Истине осуществляется прежде всего в душе, а видимой его частью являются поступки, основывающиеся на высшей справедливости. Причем наградой за это выступают не столько признание и оценка других, а сколько то удовлетворение, которое человек переживает в глубинах своей души:

Ты посмакуй душою сладость веры,
Испробуй же скорей целебный мед.
Ведь сладость эту ощутит лишь тот,
Кто искренен душой, без лицемерья.
Но кто чумой неверья поражен,
Испытывает к вере отвращенье,
Недугом в этой жизни болен он,
А после смерти вкусит сожаленье... (с. 148)

Более того:

Ты прав, тому, кто с искренностью просит,
Аллах дарует радостные дни. (с. 81)

Любая праведность начинается с искренности. Именно лицемерие составляет основу большей доли творимого зла. Отсутствие честности, лицемерие – одно из самых сильных средств, обеспечивающих устойчивость зла в нашем мире. Если бы люди творили добро с такой же искренностью, как и зло, то зла в этом мире было бы значительно меньше.

Один из самых изощренных способов сотворения зла – это его свойство маскироваться под добро. Поэтому так сложно отделить добро от зла. Фальшь и ложь являются щитами зла. Мир зла полон лжи, мир добра – простоты и искренности. Без искренности человек не может попасть в совершенный мир. Поэтому поэт говорит:

Да только и прекрасные дела
Теряют смысл без искренности веры. (с. 194)

Главное в жизни человека – то как он ее проживает, важна не конечная цель, а путь.

Философ молвил: – Цель существованья
Не столь важна, сколь путь, ведущий к ней.
Он быть свободен должен от страданья
И к просветленью приводить людей.
От суеты очистить нужно мысли,
Служить Вселенной с добротой в груди.
Тогда лишь можно счастье обрести
И слиться с божеством ещё при жизни.
А главное, пока вольны мы жить,
Людей любить бы надо без сомнений
И не по убежденьям их судить,
А только по плодам их убеждений. (с. 215)

«Бог Всевышний – есть сама любовь» (с. 214), – утверждается в романе. Поэтому вера в Бога невозможна без любви. Любовь – это и есть вера в действии, реализация веры:

Сердца подобны птицам, шахиншах.
Их крылья – упование и страх,
Несущие в полет к довольству Бога.
Ну а любовь, скорее, – голова.
Попробуй обезглавить же ты птицу,
И будет птица чудная мертва
И в высоту уже не устремится. (с. 193)

Любить – значит, уподобляться Богу. Любовь – это сопереживание, сострадание, вживание друг в друга, единение душ. Любовь *«объединяет светлые сердца»* (с. 211). В любви важно самому любить, быть ее субъектом, а не объектом. В качестве объекта любви человек остается обычным смертным, но когда сам любит – приближается к Богу. Любовь – это особое состояние, дарующее вдохновение и счастье. Любовь – это жизнь сердца, подчиняющая себе весь мир. Когда человек не любит, то сердце находится во власти тела. Когда же любит – тело подчиняется сердцу.

Поистине, уж лучше быть незрячим,
Чем с сердцем беспросветным и слепым.
Лишенный зренья быстро путь находит,
Коль должен он идти путем прямым.
А с сердцем запечатанным, слепым
С прямой дороги даже зрячий сходит. (с. 55)

Через любовь утверждается нравственность, поскольку она подразумевает сочувствие, сострадание, милость. Любовь – это духовное возвеличивание себя и снисходительное, великодушное отношение к миру и другим людям. Любовь – это прощение, это умение видеть в человеке человека. Человека – как сотворенное Богом существо, подобное ему самому. Это и есть сущность человечности, одухотворенной гуманности. Любовь – духовный принцип бытия людей в мире. Она – одухотворяющее начало мира. Поэтому она является эталоном отношения всех людей друг к другу, и, конечно же, отношений между мужчиной и женщиной, которые зачастую лишены одухотворены. Далеко не всегда это действительно любовь. Часто за любовь принимают влюбленность, а ведь она должна еще перерасти в любовь.

Отношения между мужчиной и женщиной могут определяться страстью, влечением, симпатией – когда человек просто нравится, и даже сочувствием, сопереживанием, жалостью. Но без Бога в душе эти *«две души в одной»* всё равно не достигают подлинной любви.

Из любви, в которой нет Бога, можно потакать порокам человека и даже поощрять их. Может быть греховная любовь. Она может строиться на основе зла и порока. Подлинная любовь – это не только страсть, сочувствие, жалость, но и очищение. Настоящая любовь духовна и нравственна. Она возвышает и очищает. Присутствие Бога в любви делает зло и порок непривлекательным. Поэтому настоящая любовь встречается на земле редко:

Любовь – она, как истинный гурман,
Смакует только избранные блюда. (с. 213)

Исходя из этого, в романе следует однозначный вывод:

Пусть в унисон сердца влюблённых бьются
И служат лишь Аллаху одному! (с. 275)

И особая духовная миссия в любви возлагается на женщину:

Хотя мужчину вывела из Рая
Никто иной, как женщина его.
Поэтому помочь туда вернуться
Она же и должна теперь ему. (с. 275)

Как известно, в христианстве и исламе человек называется рабом божьим. За пределами религии это понятие вызывает определенные возражения: если человек, согласно религии, создан по образу и подобию Бога, то почему он становится рабом? Не есть ли это унижение человека? Вступая в заочную полемику с подобными взглядами, Сахиб Мамедов пишет:

Ведь человек – раб Бога, но от века
Он почему-то хочет стать рабом
Законов и указов человека,
Чтоб верою служить ему потом... (с. 180)

Да, религия провозглашает свободу человека, однако именно человек выдвигает идею своего рабства – несвободы и зависимости от правовых законов, которые сам и придумывает. Надо помнить, что рабство – явление социальное. Но если говорить о зависимости человека, то тогда в первую очередь надо признать его подчиненность Богу. Коль он раб, то в первую очередь он раб божий. Это дает основание главному герою открыто заявить самому кагану:

Что может быть нелепей и сквернее,
Чем в этой жизни быть рабом раба?
Не обессудь, владыка венценосный,
Но ты всего лишь – смертный человек,
Который также отживет свой век
И будет, как и все, подвержен спросу. (с. 180)

Наряду с понятием раба божьего объектом критики стало понятие страха божьего. Аргументы против него автор романа вкладывает в уста кагана Симура:

Зачем бояться Господа миров?
Его любить бы надобно душою.
Зачем нам жить с тревогою такою,
Коль сущность Бога – Милость да Любовь?
Ужели страх благое порождает
И побуждает нас творить добро?
Страх человеку – враг, и ближе к Раю
Еще он не подвинул никого! (с. 193)

На это у мудреца Джаваншира есть свой ответ:

Конечно, страх к добру не побуждает,
Зато способен удержать от зла,
В тот час, когда вершим свои дела,
Боясь, что Бог за нами наблюдает.
В том и отличье страха перед Ним
От трепета перед Его созданьем:
Страшась творенья, мы уйти спешим,
Страшась Творца, прийти к Нему желаем. (с. 194)

Надо признать, что страх присущ человеку от природы. Это, как утверждал датский философ Сёрен Кьеркегор, – экзистенциальное чувство человека. Оно возникает у человека, когда он начинает чувствовать существование некоей силы, имеющей потустороннюю природу и обладающей какими-то неведомыми возможностями. Но что обычно вызывает у человека страх? Явления природы и всего лишь закономерные, но нежелательные повороты судьбы. Страх перед ними является на самом деле признаком отсутствия веры в Бога: бояться – значит, не верить в Бога. Этот страх, с точки зрения автора, отдаляет от Бога, но страх божий приближает к Богу.

Каждая религия утверждает свою истину не только в полемике с критиками её идей и принципов, но и с представителями других конфессий. В романе наглядно представлено весьма поучительное и актуальное в наше время соответствующее противопоставление ислама и индуизма. Можно согласиться с доводами индийского мудреца о том, что разные религии – это разные пути к одному единому Богу:

Пришел я сразу к выводу тому,
Что мы с тобою оба верим в Бога,
Иначе только служим мы Ему. (с. 218)

У каждого своя к Нему дорога,
Вопрос лишь в том, кто до Него дойдёт. (с. 219)

Однако, раскрывая сущность конкретной религии, важно рассмотреть ее отличие от другой. Позицию индуизма отстаивает индийский мудрец, как представитель политеизма и монолатрии (система представлений в политеизме, основанных на вере во множество богов с одним богом-лидером):

Я верю в то, что в разных воплощеньях Себя
Он проявляет на земле.
Вот потому-то боле близко мне
Свершать пред изваяньем поклоненье.
Господь везде, куда ты ни взгляни,
Пропитана Им каждая частица.
Он наполняет жизнью наши дни
И в сердце чистой верою искрится.
А это значит, что Творец и в нас!
И путь к Нему разумное созданье
Лишь может обрести в самопознанье,
Духовную с Ним укрепляя связь.
Поэтому служу я Абсолюту,
В лице различных обликов и форм,
Чту благочестье и не сею смуту,
Идя по жизни праведным путем. (с. 218-219)

Но эти аргументы несостоятельны с позиции Джаваншира:

Советник вопросил в недоуменье:
– Зачем же рукотворному служить,
Когда всецело можно посвятить
Лишь одному Аллаху поклоненье?
Неравен ведь Животворящий Бог
Бездушному немому изваянью.
Мольба твоя статуям невдомек,
Глухи они к прошеньям и взываньям.

Как представитель аврамической религии, Джаваншир недоумевает:

Зачем себе придумывать богов
И придавать людское им обличье?
Ведь Бог неподражаем, а
Величье Его не описать и сотней слов.
Да..., если б рисовать умела лошадь,
Держу пари, что божество ее,
Наверно, было б на коня похоже...

В индуизме и исламе по-разному трактуется идея подобия человека Богу:

Мудрец индийский ликом стал мрачней,
Промолвив речь с нахмуренною бровью:
– Творец не воплощается в зверей,
Он создал нас по Своему подобью!
…

Ответил Джаваншир без промедленья:
– Всевышний по подобью Своему
Создал не тело бренного творенья,
А дух, который Он вдохнул ему.
Ведь плоть пройдет отмеренную веху
И превратится неизбежно в прах,
Так как же может Всеблагой Аллах
Быть смертному подобен человеку?
Не подобает Сущности Творца
Вселяться в облик тленного созданья.
Поэтому мольбу на небеса
Кумир твой донести не в состоянье. (с. 219)

Чтобы быть действенными, религиозные идеи должны быть соответствующим образом оформлены. Иначе они не будут привлекательны. Такая форма обеспечивается афористичностью. В афоризме духовная идея получает своё завершение. Она воспринимается не только на уровне разума, но и побуждает вживаться и переживать ее на эмоциональном уровне.

Как подтверждают реальная история и вся человеческая культура, афоризм – это то, благодаря чему человеческая мудрость обретают силу, мощь и свою действенность. Значимость афоризма для подлинной философии и мудрости настолько велика, что вне его существование философии лишается своего положительного смысла.

Перефразировав известное изречение, можно было бы сказать: «Хочешь быть философом – пиши афоризмы». Благодаря своей красоте и завершенности афоризм доставляет человеку удовольствие, побуждает вникать, осознавать и понимать глубинный смысл высказывания.

Мир подчинен принципу красоты, она становится не только средством, но и целью осмысления мира.

В поэзии Слово выступает во всей свой красоте. Философия же показывает свою ценность в афоризмах. В слиянии поэзии и философии человек демонстрирует уровень своего духовного развития.

В своем романе в стихах Сахиб Мамедов выступает не только как поэт и теолог, постигающий глубины исламской веры, но и как большой философ. Роман в стихах «За место в раю» – это кладезь духовно-религиозных изречений, афоризмов. Можно привести в качестве примера некоторые.

Лишь в дерево, несущее плоды,
Летят обычно палки и каменья. (с. 98)

Не в уксусе, а именно в меду
Прельстившиеся мухи часто тонут. (с. 119)

Ведь воспитанье – лучшее наследство. (с. 132)

Как много тех, кто делает ошибки,
Как мало тех, кто может их признать... (с. 197)

Детей своих мы учим говорить,
А дети учат нас хранить молчанье. (с. 243)

Смерть как стрела. И следовать за нею
Гораздо лучше, чем когда она
Тебя уже преследует сама,
Охотясь жадно за душой твоею. (с. 277)

Ведь участь нашей старости зависит
Лишь от того, как молодость прошла. (с. 278)

В романе в стихах «За место в раю» много религиозного и философского контента, немало интересных идей и поворотов мысли, значительное количество поучительных афоризмов. Но вместе с тем роман является художественно-поэтическим произведением с изысканной образностью, красотой и силой слова, гармонично сочетающимися с вдохновенным ритмом изложения, вводящий читателя в свой переживаемый мир. Автор подкупает своей искренностью и открытостью, как всякий человек, занимающийся подлинным творчеством. Чисто художественные достоинства романа в стихах Сахиба Мамедова особенно ярко проявляются в поэтическом описании привычных явлений природного и человеческого миров.

Вот как описывается закат на море:

Подняло знамя солнце огневое,
Дневные завершив свои труды,
Одев жемчужной россыпью все море
И пряча пурпур за каймой воды.
Стоят в тиши недвижимые горы,
Облитые сиропом золотым.
А ветерок, гуляющий по ним,
Наполнил чистой свежестью просторы.
На желтый берег, уходящий вдаль,
И мантию небесного покрова
Накинул вечер легкую вуаль
Под легкий плеск волнения морского. (с. 83)

Интересно поэтическое восприятие дождя:

А дождь все лил и плотной пеленой
Ложился на мощеные дороги.
По ним текли стремительно потоки
И мыли землю бурною рекой.
В земном поклоне замерли все травы,
Лишь дождевым шуршаньем пленены,
Дышали мокрой свежестью дубравы
И были чистотой осенены. (с. 157)

Переживания ночного расставания и следующий за ним рассвет предстали в словах поэта в следующем виде:

И вновь в тумане растворился стан,
Объятый непомерною тоскою.
Луною озарялась высота,
И сонмы звезд алмазами мерцали,
И всюду голоса уже стихали,
И все сильней сгущалась темнота.
Ласкала землю тихая погода,
Смотрел визирь на маревный простор.
И глаз сомкнуть не мог он до восхода,
Лелея в сердце этот разговор.
И мысль терзала, что уже, быть может,
Ее он не увидит никогда...
И, как слеза, скатилась вдруг звезда
По небосклону в глубь ночного ложа.
Ну, а когда растаяла парча
Мечтательной и многозвездной ночи,
Рассвет сияньем яркого луча
Зажег небес проснувшиеся очи. (с. 185)

Сахиб Мамедов завершает свое замечательное произведение «За место в раю» следующими полными философского смысла словами:

И что бы там ни ждало за чертой,
Постигну я ту тайну без остатка.
Но для живых она, как за стеной,
Все также и останется загадкой... (с. 279)

Действительно, жизнь человека, ее сокровенный смысл – это постижение тайн мира и высшей духовной реальности. По сути человек живет ради этой высшей цели. И это касается как конца жизни, так и каждого переживаемого мгновения.

Э.МЕДИНА

М И Н И А Т Ю Р Ы

ПОДОБИЕ ЗИМЫ

В нашем теплом южном городе суровых снежных зим, конечно, не бывает. Холодно, ветрено, промозгло. Но случается, объявят снег на пару дней или неделю. Зима швырнет нам горсть снежинок, что будут виться в свете фонаря, развесит на ночь хлипкие сосульки, под утро подморозит, гололед и вот – у нас подобие зимы. Мы все охотно подыграем. Теплые одежды, мелкие шажки, дворники с лопатами, стежки-дорожки, дети – в снежки, непременно морковку из дома для снеговика, горячая еда, машины на дорогах едут шагом, как в пустыне верблюжий караван. А поутру – к окну, как там, намело или уж всё подтаяло? Те, кто постарше, тихонечко ворчат, мол, нам снега, морозы ни к чему, другой уклад, другой расклад, южане мы. Всё верно, но где-то в глубине души зимою хочется зимы.

ЗВЕЗДЫ – СОЛНЦА В ТРАУРНУЮ НОЧЬ

Родился день и умер. И снова – траурная ночь, по дню помины.

Уходит день за днем. Их век так короток, так быстротечна жизнь. Но ведь целая жизнь... По-разному она складывается у каждого дня, как и наша. Одному – жизнь легкая, светлая, погожая, другому – грозовые ливни, третьему – серые будни. Почему? Неведомо из нас никому. То ли судьба так складывается, то ли характер сказывается, Божья милость нисходит или обрушивается кара небес. Так день за днем рождает солнце, за жизнью жизнь выводит в свет. Есть солнце – жизнь, а нет его – ни дня, ни жизни нет.

Родился день и умер. И снова – траурная ночь.

Но сколько звезд на черном небе, что ни ночь! Далеких ярких солнц...

ТЕНИ И ОБЛАКА

Когда тени решили стать облаками, все живое и неживое на земле само обратилось в тени. Мир стал серым и бесцветным.

А тени, поднявшись к небу, превратились в подобие смога, плотно и низко нависшего над землей. До облаков им было не подняться: тень тяжела, тянет ее к себе земля.

И зависли тени между небом и землей: от теней отстали, к облакам не пристали, только грязью пообрастали. Повисели, поскучнели, обратно на землю захотели. Высшие силы мешать им не стали, терпеливо ждали, потому что каждый при желании имеет право проверить, на что способен.

Смог тот развеялся очень быстро. Знал, наверное, что не стоит испытывать ничьего терпения и делать долгим любое ожидание.

Тени вернулись на землю и стали самими собою, облака остались облаками.

Мир стал прежним, наполнившись красками и светом, где облака, проплывая по небу, иногда милостиво отбрасывают на землю тени, а тени с земли лишь робко карабкаются вверх по стенам да заборам, но выше – никогда, будто забыли дорогу туда навсегда.

НОЧНОЙ РЕЙС

Если вылет в ночь, всё как-то тревожно. С вечера сборы, темнота за окном, все отдыхают, а ты напряжен, чемоданы, дорожный костюм, ничего не забудь, сквозь город ночной в неближний путь. Всё круто меняется в здании аэропорта. Здесь оживление, яркий свет, толпа, особая атмосфера, другая жизнь и ритм другой, другой посыл, другой настрой. В основном, со знаком плюс, всё живо, энергично и оптимистично. Внимание, забота, приятный голос что-то объявляет, напоминает, всё здесь размеренно и упорядочено, службы к твоим услугам, справки, кофе, сувениры, провожают, отправляют, встречают. Все внимательны, доброжелательны. Возможно, это наш личный опыт, и нам в этом плане просто везло. В такой приятной атмосфере, холе и неге ждём посадки. Где-то там снаружи осталась ночь со спящим городом, предотъездной суетой, тревожной темнотой. А здесь так ярко и светло, ручная кладь, родное плечо. Без лишних слов, вдвоём, уютно, хорошо, и объявления так к месту, без них никак, вот-вот уже твоё и всё. Мы над землёй, летим, чудесный отдых начался. Прощай, аэропорт, прощай на время, нам было хорошо, и мы ещё вернёмся…счастливые моменты, им нет числа.

БЕЗ СНА

Не спится, лезет в голову прошедший день, туда же «завтра» громоздится. Заботы, обрывки разговоров, планы, лица. Зануда-беспокойство о том о сём зудит. Смешное что-то промелькнет, беззвучным смехом всколыхнет, потом взгрустнется непременно, слеза, бывает, набежит. И быль, и небыль, без разбору, все тащат мысли в голову без сна. То в прошлое скользнут, то в будущее просочиться норовят, до настоящего им дела нет. Тогда как нет уже «вчера», еще нет «завтра», есть лишь сегодня и сейчас, но всё мешается, сбивается, кружится, пока тебе не спится.

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО

Годами, глядя на нас, молчат деревья. Веками, слушая нас, молчат камни. Интересно, что они скажут о нас, если когда-нибудь заговорят. Молчание – золото, пусть лучше молчат. Тем более что молчание не всегда – признак мудрости и ума.

МИХАИЛ СМИРНОВ

Россия

И падал серый снег

Рассказ

Зима запаздывала. Беспрестанно сыпала морось, но бывало, редкий раз летел снег, но не зимний – пушистый и искристый, а какой-то тусклый, как бы грязный, словно испачкался еще в полете, задевая за низкие неповоротливые облака, что нависли над городом от края и до края, и казалось, что многоэтажки удерживают облака, цепляясь верхними этажами за них, и жителям думалось, что облака так и останутся над ними, над улицами и домами, над городом. Да что там говорить, сейчас над всей округой мерзкая серая погода, серые тучи и такой же мерзкий и мокрый снег не сыплет, а словно капает на землю, пропитанный всякой атмосферной грязью, пачкая всё вокруг и окрашивая окрестности в серо-грязные тона.

Уж сколько недель, а может, месяцев, как казалось, стояла мерзкая погода. Серое утро незаметно перетекало в такой же серый тусклый день, а следом подкрадывался вечер, ничем не отличающийся от серой дневной мерзкой погоды. Нет, все же вечер отличался, когда зажигался свет в окнах домов да фонари тускло светили вдоль дорог. Фонари не рассеивали серость. Она как бы еще гуще становилась, смешиваясь с вонючим смогом, который тоже навис над улицами, прижимая к земле запахи бензина и выхлопных газов с дороги, и казалось, машина проехала, а шлейф газа остался, висит в воздухе, пока другая машина его не разгонит и не оставит свой след на этой улице. Вдобавок из подворотен тянуло испражнениями, стойким запахом перегара, пивом и самогонкой, а еще запахом дешевых сигарет, которые продавались на каждом углу предприимчивыми бабками, которые с авоськами и сумками расположились повсюду, занимаясь бизнесом, как они говорили, и предлагали выпить водочки или самогонки, а можно и вина – этого добра хватало на любой вкус, а к ним приложится соленый огурчик или кусочек плавленого сырка или простенькая карамелька «Плодово-ягодная», а в народе прозванная «Хреново-ягодная», а для курящих выбор небольшой: «Прима» с «Памиром», «Солнце» и «Астра», даже «Беломор» бывал, но реже, потому что цена высокая, а табаку – кот наплакал. Сейчас время такое, что основная часть населения живет по деньгам, а не по потребностям…

И люди были под стать погоде. Такие же серые и невзрачные. Они тенями брели по городским улицам, не зная, куда и непонятно зачем. Словно сквозь вату серого смога и серой погоды доносились глухие шаркающие шаги и редкий невнятный говор, вязнущий в серой мгле. Вроде сыплет сверху, а прохожие не прибавляют шаг. Медленно шагают, угрюмо прикрываясь намокшими зонтами, укутавшись в промокшие плащи, а кто-то в насквозь промокших, а поэтому тяжелых и бесформенных осенних пальто, а там едва переступает прохожий в зимней одежде, хотя до зимы еще – ой, как далеко, да и будет ли она – никто не знал… Одежда разная на прохожих, а присмотреться, все они на одно лицо – уставшие и безразличные, серые и невзрачные от сегодняшней жизни – эти существа с унылыми вытянутыми лицами, больше похожие на тени, чем на людей. Они мерно шагали, никого и ничего не замечая вокруг. Задевали друг друга. Не извиняясь, шли дальше, лишь сильнее горбились и прятали головы в плечи, словно хотели скрыться от постороннего взгляда или укрыться от серой мороси, от которой никакого спасения не было.

Редкий раз прошумит машина, оставляя за собой вонючее облако, которое никак не хотело подниматься или рассеиваться, а оставалось над дорогой, колыхалось, словно живое существо. Опять машина, и еще один шлейф повис над дорогой, словно слоеный пирог, а там третий и пятый, за ним седьмой и десятый, и таких шлейфов из выхлопных газов становилось все больше и больше, заставляя прохожих жаться к домам. И они жались. Не роптали, а продолжали шагать, отбрасывая черные тени, больше похожие на расплывчатые пятна, чем на человеческую фигуру. Не люди, а бесплотные существа…

Матово светились витрины магазинов, фонари едва проглядывали в мутной серой мороси, даже не освещая улицы, а всего лишь выхватывая из серости кусочек столба в расплывчатом свете. Разнокалиберные дома вдоль улицы. Одноэтажные за высокими заборами, откуда доносится замедленный лай собак. Бедняги, и на них действует погодная серость, когда ничего не хочется делать, а лаять на прохожих — тем более. Рядом с этими домишками скрываются в серой промозглости высотки, где на первых этажах еще видны освещенные окна, а выше они растворяются в туманных моросных небесах. Тротуары словно подсвечены освещенными витринами магазинов. Морось летит беспрестанно. Вроде ее не видно, а вокруг всё сырое, и прохожие тоже сырые. Идут, прячась под зонтами, скользят тенями по улицам, скрываются в подворотнях, хлопают двери в подъездах, и словно не было их…

Вадим Носков тоже брел по улице, не замечая серую промозглость, а может, привык за это время. Казалось, эта погода была всегда. И весна была слякотная, промозглая и затяжная, лето дождливое, редкий раз ненадолго выглядывало солнце и тут же скрывалось за плотными тяжелыми темно-серыми облаками. Думали, осень с бабьим летом порадует людей, но вместо этого снова зарядили дожди, скрывая округу в туманной мгле. И не успели оглянуться, зима на носу. И пора бы закружить бесноватым метелям и трескучим морозам, но вместо этого снова низкое серое небо над головой, и сыплет и сыплет нудная морось. Видать, в природе осталось всего лишь одно время года – это осень: серая и невзрачная, плачущая и тоскливая, которая всю округу на свой лад перекроила и людей – тоже…

Сегодня Вадим, в который уж раз ходил устраиваться на работу. И неудачно. Он уже привык к этим неудачам и никого в них не винил, кроме себя и своего характера. Ну не удалось найти себя в сегодняшнем дне. Он привык к прошлой жизни, а здесь черт ногу сломает, здесь всё перевернулось с ног на голову, и что раньше было запрещено, сейчас стало доступным. И многие стали пользоваться этим, а он не смог. «Из тебя веревки можно вить, потому что ты не мужик, а бесполое и безвольное существо, которое даже за себя постоять не умеет, не говоря уже о том, чтобы чего-нибудь добиться в жизни», – так говорила его жена. Всё может быть. Ведь не зря же его в очередной раз сократили на работе, потому что он не прогибал спину перед начальством, но в то же время старался укрыться за спинами других. Нет, конечно, он прекрасно знал свою работу и выполнял ее, но как-то незаметно для других. А некоторые сделают на копейку, но бьют кулаком в грудь и кричат так, будто на рубль наработали. И таких уважало начальство. Пусть копейка, но видно его рвение в работе, видно, как он старается, а то, что мало сделал, – это не беда, в другой раз наверстает. И уважали, и премии давали, и оклады повышали, и повышение по работе получали, и они взбирались вверх по карьерной лестнице, спихивая, отталкивая, затаптывая таких, как Вадим. И его затоптали. В который уж раз выставили за ворота, потому что безынициативный и работать не умеет, как сказало начальство, потому что на работе нужно гореть, а не чадить едва заметным фитильком…

Сегодня жена снова отправила его устраиваться на работу. С утра пораньше подняла. Поставила перед ним бокал с щербатинкой на краю, ворча под нос, налила жиденький чай, придвинула тарелку с черствыми лепешками, которые еще на прошлой неделе испекла, и принялась поторапливать его, чтобы не рассиживался, а от-

правлялся искать работу. Уж сколько месяцев сидит дома. Другие люди находят работу, а его нигде не берут, только за нос водят и обещаниями кормят, а может, сам обманывает, лишь бы ничего не делать. И привычно принялась набирать обороты…

Вадим промолчал, когда она взялась тыкать его носом. А что скажешь, если она права? Права в том, что не работает. А как и куда устроиться, если никуда не берут – это вопрос из вопросов. И Вадим, даже не допив чай, заглянул в комнату, долго ковырялся в ящиках стола, перебирая всякую мелочь, потом наткнулся на позолоченную брошь с крупными камнями и большие потертые часы. Брошь сразу же сунул в карман. Он уж не помнил, откуда она взялась. Вроде еще молодым был, когда у друзей на что-то обменял. Думал, жене подарить, а ей не понравилась брошь. Слишком вульгарная, как она сказала. И отмахнулась. С той поры брошь валялась в ящике стола, а сейчас, видать, ее время пришло. Он спрятал ее в карман. Потом взял часы. Осмотрел их, завел и приложил к уху, прислушиваясь к тиканью. Нахмурился, тяжело и прерывисто вздохнул, сунул часы в карман и зашлепал в прихожку. Ткнул ноги в разбитые растоптанные ботинки, натянул непросохший балахонистый плащ, в котором уж лет пять или шесть ходит, нахлобучил серую каракулевую фуражку на голову. Оглянулся на жену. Хотел было мелочь попросить, на курево и дорогу, но не решился и махнул рукой. У него было немного припрятано за подкладкой. Деньги лишними не бывают. И он бы не отказался, если бы жена добавила. Жена заворчала, насупилась, но все же достала несколько мелких купюр и сунула ему. Вадим взял и молчком вышел.

Ну и какой толк, что послушал супругу, когда она сказала, что на швейке есть место мастера. Это ей по большому секрету сказала одна знакомая и шепнула, что начальству намекнула про Вадима, и они как бы согласились, но еще не до конца, потому что хотят посмотреть на него, что за человек, а заодно заглянуть в трудовую книжку, где работал, кем работал, есть ли взыскания и поощрения. Сейчас время такое, что везде требуется опыт работы, и без блата даже в дворники не попадешь. Везде нужна волосатая рука. У кого-то есть эта волосатая рука, а у Вадима никакой руки нет, кроме лысой. Некому за него слово замолвить. Ему не хотелось ехать туда, но благоверную не обманешь. Она вмиг узнает через свою знакомую – был или нет. Вот и пришлось тащиться на окраину города. Пешком пошел, чтобы сэкономить деньги, какие дала жена, чтобы курить взять да в такую погоду соточку принять на грудь. Он долго брел по утренним улицам, кутаясь в промокший плащ. Рядом шагали такие же, как и он – серые и невзрачные существа. Они шли, не обращая внимания на других, не глядя под ноги, шлепали по лужам, по мокрому асфальту и не смотрели друг на друга. А что глядеть, если все были на одно лицо. Раннее утро, темно-серый рассвет и такие же люди – серые и неприметные…

Вадим добрался до швейки. Потоптался возле ворот. Охранник даже не взглянул на него. Может, не хотелось выходить, а может, просто не заметил его – это серое существо, которое застыло возле ворот, а потом мелькнуло в таких же серых сумерках и исчезло среди корпусов фабрики.

Он зашел и поднялся по лестнице. На последней ступени остановился, заметив прилипшие листья к подошвам. Пошоркал, сдирая листву, и пошлепал в растоптанных ботинках по коридору. Снял потертую каракулевую фуражку, от которой осталось лишь одно название. Он постоял, рассматривая табличку, на которой золотыми буквами было написано имя директора, потом толкнул дверь и ввалился в приемную. Секретарша посмотрела и нахмурилась, заметив грязные следы на полу, а потом уж на него глянула. Хотела было выставить за дверь, но пожалела, что ли, а может, как и охранник, просто не заметила в нем человека. Она, приподнявшись на цыпочки в туфлях на шпильках, пыталась снять с полки какую-то папку. Юбка в обтяжку, того и гляди разойдется по швам. Белая полупрозрачная кофточка, верхние пуговки расстегнуты, и оттуда выглядывала высокая грудь. Так и хотелось протянуть руку и не

то, чтобы потрогать за грудь или округлую задницу, а хотя бы погладить. Вадим невольно звучно сглотнул. Он уж забыл, что такое женская ласка. Дома неряшливая расплывшаяся жена. Постоянно в одном и том же линялом халате. Рыжие редкие волосы с химзавивкой. От этой завивки казалось, что у нее на голове вообще не осталось волос. Какие-то клочки торчали в разные стороны, которые она старательно накрутила на бигуди и забыла про них, и они так и мотаются на голове в любое время суток. Бесформенная фигура. Вислая грудь, чуть ли не на животе и ноги-тумбы в спущенных гольфах и растоптанных тапках. Вадиму не нравилась жена. Вообще не нравились толстые бабы. А раньше она была стройная и красивая, но с годами потускнела, пообтерлась и расплылась, и ей больше хотелось в телевизор пялиться, чем с Вадимом полежать, а когда его уволили, она вовсе махнула на него рукой, как на кормильца, который должен содержать семью, а тем более махнула рукой, как на мужика. Вадим пожал плечами, вспоминая супругу. Да о чем можно говорить, если уж давно перестал обращать на нее внимание, как на женщину. Понимал, что и сам не лучше, не каждая баба разглядит в нем мужика, но все равно к жене не тянуло, к этой расплывчатой фигуре, где вислая грудь покоилась на животе, на увядшем лице с остатками помады и каких-то крошек, прилипших к губе. Видать, жизнь такая, когда люди подходят к определенной черте отношений, за которой исчезает всё – и любовь с желанием тоже…

Вадим снова гулко сглотнул, пялясь на секретаршу, и сравнил с женой – это небо и земля. Земля рядом, но отпало всё желание, а до небес не дотянуться. У каждого своя жизнь. Секретарша повернулась, перехватив взгляд, и словно впервые его увидела. Нахмурилась, с пренебрежением посмотрев на бесформенную фигуру Вадима, на его стоптанные грязные ботинки, которые давным-давно не видели обувной щетки, на мятые брюки, выглядывающие из-под балахонистого мокрого плаща, на его кепку, которую он нервно мял в руках, и редкую с проплешинами шевелюру.

– Что хотели? – так, высокомерно, сквозь зубы, сказала секретарша и, виляя округлым задом, подошла к столу и забарабанила длинными ярко-красными ноготками. – Что хотели, говорю?

Она повысила голос и брезгливо повела плечиком.

– Я-то… – Вадим растерялся, исподлобья глядя на нее, и сглотнул, кадык так и заходил вверх-вниз. – Я насчет работы. Мне сказали, что нужен мастер. У меня институт за плечами, правда, не легкой промышленности и не средней, а тяжелой, а еще большой опыт работы. Любые механизмы с закрытыми глазами разберу и соберу. Я на стекольном заводе работал, на ЖБЗ работал, на мебельной фабрике, на ДОКе и хлебозаводе, а потом на пивзаводе… Да там все написано…

Он суетливо вытащил документы, завернутые в газету, достал потрепанную трудовую книжку, еще какие-то документы и положил на край стола.

– Вижу, на многих предприятиях успели поработать…– небрежно, она одним пальчиком стала переворачивать страницы, вчитываясь в записи. – Институт за плечами, а готовы простым мастером пойти. А почему уходили с прежних мест работы? Нигде не задерживались. И отовсюду уволены по собственному желанию. Даже как-то странно... – она снова повела плечиком. – Ладно, ждите. Шеф приедет, покажу. Если даст «Добро», в отдел кадров пойдете, а откажет, сами понимаете…

Сказала и забыла про него, словно Вадима вообще не было в приемной.

Он не хотел объяснять ей, почему его увольняли. Кто она такая есть, рассказывать? Она простая секретарша при директоре и не более того, вот и пусть занимается своими делами, а принять или нет – это уже решит другой человек. И другому человеку он скажет, почему увольнялся. Ну не получалось найти общий язык с начальством, и все тут! Другие лезли в глаза начальству, улыбались и прогибались, горлом брали, по головам лезли, а он никуда не лез, молча работал, оставаясь в тени, поэтому его затирали, ноги об него вытирали и в конечном итоге – увольняли, как не

справившегося со своими обязанностями, хотя он справлялся и даже больше того, но его просто не замечали.

Вадим долго сидел в уголке на стуле. Давно приехал щеф. В приемной толпился народ. Одни выходили из кабинета, другие заходили. Шумно разговаривали, а некоторые пытались заигрывать с секретаршей. Это было заметно. Она улыбалась. Дежурная улыбка, а в глазах лед. Редкий раз ледок таял, когда в приемной появлялся настоящий мужчина или полковник, как в песне поется. И тогда секретарша менялась на глазах. Щебетала, ласково улыбалась, склонялась чуть ниже над столом, и тогда ее грудь выпячивалась в разрезе, и невольно хотелось протянуть руку и…

– А вы всё сидите? – удивленно сказала она и снова не холодок, а лед во взгляде. – Сейчас шеф уедет на планерку. Ну ладно, подождите…

Она порылась на столе, перекладывая бумаги, нашла его документы и, повиливая туго обтянутым задом, скрылась в кабинете.

Вадим напрягся, пытаясь разобрать, о чем говорят в кабинете, но, кроме невнятного голоса, ничего не услышал. А чуть погодя открылась дверь, и опять, вильнув задом, секретарша уселась в кресло, бросив на стол его документы, и пальчиком с красным ногтем небрежно двинула в его сторону.

– Заберите, – сказала она. – Директор сказал, что нам мастера не нужны.

– Как не нужны? – перебивая, невнятно сказал он. – А мне говорили, что вы ищете мастера и даже слово за меня замолвили перед вашим шефом. Ну, если мастером не возьмете, я согласен наладчиком пойти. Любые механизмы с закрытыми глазами…

Сказал и взглянул на нее.

– Если хотите, можем взять дворником с испытательным сроком, – она уже словно его не видела или не хотела смотреть, потому что она потеряла всяческий интерес к этому несуразному человеку или существу, как было бы правильно его назвать. – Возьмем дворником с повышением, если будете справляться со своей работой. Правда, зарплата невысокая… – она назвала сумму. – А если покажете себя, будет квартальная премия, а там, глядишь, куда-нибудь повыше переведут. Бригадиром дворников назначат. Правда, без бригады. Ну, согласны?

Она посмотрела на него. Даже не на него, а сквозь него, словно что-то увидела за его спиной. И опять в глазах лед.

– На такую зарплату не то, что месяц прожить, на раз в магазин не хватит сходить, – возмутился, было, Вадим. – У меня высшее образование и огромный опыт работы. У меня много было должностей. И везде справлялся. А тут – дворник с высшим образованием. Вы еще в швейцары меня возьмите, чтобы прогибался и расшаркивался перед каждым, дверь открывал и чаевые просил.

Никогда не перекался, а тут не выдержал и сорвался.

– Вы еще будете спорить со мной? – опять взгляд через него и лед в глазах. – У нас своих мастеров некуда девать, а вакансия дворника свободна. А если не нравится место дворника и его зарплата, ищите себе другое место. За воротами много желающих занять место дворника. А вы свободны и свое высшее образование спрячьте куда-нибудь подальше. Сегодня дворник ценится куда больше, чем инженер, которых развелось, как блох у собаки. Вот и делайте выводы…

Сказала, ткнула пальчиком в сторону окна и уткнулась в бумаги. Все, Вадим перестал существовать для нее.

Потоптавшись, Вадим подошел к столу. Сгреб документы. Сунул в карман. Гулко сглотнул, взглянув на высокую грудь, которая готова была вывалиться из блузки. Невольно протянул руку, словно хотел коснуться ее – этой груди, но, наткнувшись на взгляд, в котором было больше льда, чем человеческого тепла, он махнул рукой и, шаркая растоптанной обувью, вышел, забыв закрыть за собой дверь.

Он прошел по коридору. Уборщица гремела ведром. Ругала посетителей, что

пудами тащат грязь на своих ногах, а ей приходится за каждым подтирать. И снова начиналось ворчание… Он молчком прошмыгнул мимо нее, спустился по лестнице, распахнул дверь, хотел было хлопнуть, но в последний момент придержал. Вышел на улицу. Зябко повел плечами. Удивленно осмотрелся. Утром темно-серые сумерки были и сейчас сумерки, но уже вечерние. Весь день просидел в приемной и ничего не высидел. Он опять покрутил головой. Снова промозглая серость сыплет с неба, не то снег, не то дождь, и капли тяжело бумкали по сырому асфальту и лужам. Он постоял, не зная, куда податься. Домой не хотелось, но и пойти некуда. Дома снова жена станет ворчать и ныть над ухом. Опять этот жидкий чай, словно неделю заварку не меняли, и снова жиденькие щи с кислой капустой, где воды было больше, чем всего остального, а еще были пресные лепешки, которые жена в духовке пекла вместо хлеба… Она подолгу держала их в духовке, пока они чуть ли не в сухари превращались. И приходилось грызть эти лепешки, размачивая в пустых щах или чае, чтобы зубы не сломать. Конечно, жена могла приготовить что-нибудь другое, но она днями и ночами торчит возле телевизора, смотрит эти нескончаемые мыльные оперы и только делает, что жрет. Не ест, как нормальные люди едят, а именно жрет эти проклятущие лепешки, на которые смотреть не хочется, а ей хоть бы хны. Напечет тазик лепешек, усядется возле телевизора, и только хруст стоит. Не жена, а огромная мышь в доме, когда слышишь, как грызет эти черствые лепешки да скрипит продавленным диваном, с боку на бок поворачиваясь. Даже поговорить не о чем. Деньги, деньги и деньги, которые зарабатывают настоящие мужики, а он ни на что не способен. Не мужик, а так… одно название. Рявкнет, схватит лепешку и снова уперлась взглядом в телевизор – это всё, что осталось в ее жизни. А в его? Вадим пожал плечами. Он сам не знал, что его интересует в этой жизни. Да и какая это жизнь, если все вокруг серое и тусклое. Видать, времена такие наступили – серо-тоскливо-тусклые…

Он вышел на улицу и тут же зябко передернул плечами. Вокруг все та же картина: витрины магазинов матово светятся в серой промозглости, лампы на фонарных столбах кажутся матовыми шарами. Свет от этих шаров даже земли не достигает, а застревает где-то вверху, так и не пробившись через плотный серый туман, который, как казалось, никогда не рассеивался над городом, а к вечеру становился еще гуще и плотнее. Протяни руку и почувствуешь его – холодный и вязкий, плотный и серый, через который идут люди. Даже не люди, а такие же серые и безвольные существа, как он сам, Вадим. Идут и не знают, куда. Топ-шлеп, топ-шлеп… Шагают в серых и вязких вечерних сумерках мимо матовых витрин, задевая друг друга, но не замечая этого. У каждого существа свои думы, такие же вязкие, как сама уличная серость или сегодняшняя жизнь. Путаясь, едва шевелятся мысли в голове. И казалось, конца и края не будет этим мыслям. И дорога будет нескончаемой для этих прохожих существ, которые делают редкие остановки в своих квартирах, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться, если есть чем, а затемно снова пускаются в нескончаемый путь. А кто оступился, тот уже не поднимется или не дадут подняться, потому что движется нескончаемый поток серых и неприметных существ, отбрасывая темные тени на стены зданий…

Вадим отделился от толпы. Остановился возле старухи, которая сидела на крыльце магазина и, не обращая внимания на темно-серые вечерние сумерки, торговала, разложив на картонки сигареты под пленкой, жвачку в разноцветных обертках, еще какую-то мелочь, но главное – это торчавшее горлышко бутылки из сумки, которую она крепко зажимала ногами-тумбами, опасаясь, что могут украсть. Вадим непроизвольно облизнул губы и поежился. Холодно. Сейчас бы соточку для сугрева, как говорится. Он долго копался в карманах, вылавливая мелочь, что дала супруга, потом выудил заначку из-под подкладки. Долго считал и пересчитывал, и протянул старухе. Попросил соточку и парочку сигарет. Взял стакан. Поднес к носу. Вдохнул.

Передернул плечами от сивушного запаха, но в то же время причмокнул. Вот чего не хватало ему в этот момент. Как же мало нужно человеку для счастья! Он снова причмокнул, прикрыв глаза. Потом медленно и с удовольствием выцедил. Уткнул нос в рукав. Занюхал. Сунул сигарету в рот. Прикурил. Сделал первые две-три затяжки, и тут же закружилась голова. Как не будет кружиться, если весь день не жрамши, да еще соточку на грудь принял и первую сигарету закурил, если не считать два окурка, какие подобрал на улице. Стыдно подбирать, а куда денешься, если курить хочется. Он стоял и неторопливо курил, наслаждаясь сигаретным дымком, который медленно выпускал, и он словно застывал в воздухе, и облачко начинало жить своей жизнью, постепенно удаляясь от него и смешиваясь с такими же облачками сигаретного дыма и выхлопного газа над дорогой. Рядом с ним остановился прохожий. Попросил закурить или оставить, но Вадим не заметил его. Прохожий снова спросил, потоптался, а потом махнул рукой и влился в серый людской поток…

Соточка самогонки и сигарета – это и есть счастье сегодняшнего вечера. Весь день Вадим шел к нему. С самого утра, как вышел из дома, так и шел тернистыми путями, можно сказать. Сколько раз мимо старух проходил, торгующих водкой и куревом, но не остановился, а оставил этот самый миг или мгновение на «потом», чтобы вот так стоять и наслаждаться минутной радостью, а потом… Вадим нахмурился, вспоминая семью. А что потом будет? Ну, вернется он домой, и опять начнется одно и то же. Супруга будет стоять над душой, а он всякий раз будет выпрашивать у нее жалкие гроши, чтобы купить сигаретку-другую, а если уж повезет и он накопит, тогда соточку примет на свою хилую грудь. А дома еще дочка всю кровь выпивает. Подросла и стала требовать. Не просить, а именно требовать, что ей нужны колготки, туфли на каблуке, кожаные сапоги, плащ и куртка. Года не пройдет, шубу запросит, а где ее взять, если он не работает. А дочку это не волнует. Вынь да положи! И вынет, и душу вытрясет, лишь бы своего добиться. Эх, да о чем говорить? Он и правда, все бы отдал и душу в том числе, лишь бы жизнь изменить. Уехать бы куда-нибудь, да денег на билет не найти, да и нужен ли он там – никто не знает, а он – тем более…

Выпить бы… Вадим закрутил головой, словно искал, у кого бы занять. Ну да, занять можно, а чем отдавать будешь? Вадим вздохнул, провожая взглядом таких же, как и он сам, серых существ, которые брели по мокрому тротуару, кутаясь в бесформенные балахоны, у некоторых были зонты, но они не спасали от этой мороси, что летела с серых небес уж сколько времени. И люди серые, и здания такие же, и все вокруг стало унылым и серым, а взглянешь на прохожих, и все на одно лицо, словно маски надели – серые и унылые, как сама погода…

Занять бы да выпить… И снова Вадим невольно скользнул взглядом по прохожим, словно надеялся, что увидит какого-нибудь знакомого и одолжит у него немного мелочи на неопределенный срок – отдам когда-нибудь… как-то так бы прозвучало обещание.

Потоптавшись и не заметив ни одного знакомого лица, Вадим снова поплелся по тротуару, сливаясь с прохожими, сливаясь со стенами домов и серой промозглостью, не зная, куда ему отправиться. Домой не хотелось. Опять расплывшаяся жена на продавленном диване, вечно что-нибудь жующая, которая отрывается от телевизора, чтобы добраться до холодильника, а потом снова упрется в свой телевизор и будет жевать и жевать, и больше ничего в этом мире ее не интересует. А, нет, еще интересуют деньги. Сама, как попала под сокращение, больше ни одного дня не работала, а Вадима затерроризировала. Вынь да положи деньги, а где он возьмет, жену не волновало. Хоть воруй, хоть грабь, хоть себя на органы продавай или на панели стой – это ее не трогало. Главное – деньги, потому что ты – мужик, который обязан обеспечивать семью!

Вадим чертыхнулся, вспоминая жену. Раньше была другой. Она была красивая. По улице идешь, а мужики вслед смотрят. Ревновал ее, но в то же время гор-

дился, что такая красавица выбрала его, а ведь возле нее много парней крутилось. А она с ним ушла гулять. Свадьбу сыграли. Завод квартиру выделил. И зажили, как все люди живут. Она готовить любила. Гости приходили. Сами ходили в гости. Праздники вместе отмечали, а бывало, на природу выбирались. А потом все изменилось. Новые веяния, другая жизнь. Одни взлетели, и не достать их, а другие с каждым днем опускались все ниже и ниже. На поверхности жизни невозможно было удержаться. Было два пути: вверх или вниз. Правда, был еще третий путь – это плыть по течению, но рано или поздно все равно утягивало на дно жизни. И по какому пути пойдет человек – это зависело от многих причин, а не только от самого человека. И если для тебя путь предназначен вниз, то пытайся или не пытайся, карабкайся или цепляйся, все равно окажешься на дне. И Вадим с женой оказались там же. Может, нужно было драться, зубами цепляться, пинаться и кусаться, и повезет, выбрались бы из этого болота, куда не они, а их затолкали. Вадим пробовал выкарабкаться, но его каждый раз сталкивали в болото и сталкивали, не давая выбраться. И он махнул рукой, потому что проще плыть по течению, чем что-то попытаться изменить в этой жизни. И они поплыли, с каждым днем погружаясь все глубже в болото…

Вадим брел по вечерним улицам. Ежился, когда холодная капля попадала за воротник. Чертыхался и бесцельно шагал по тротуару. Мысли вялые. Вроде о чем-то задумается, глядь, а мысль ушла, и никак не вспомнит, о чем думал. И снова шагает в промозглой темной серости среди таких же серых неприметных людей или существ, как он называл себя и остальных, кто сейчас шел рядом с ним и навстречу ему. Посмотрит в лицо одному, другому и третьему, а они все одинаковы, словно вместо лиц уныло-серо-тоскливые маски. И бредут такие серости круглосуточно по городским серым улицам бесцельно и бездельно…

Вадим тоже шагал по улицам бесцельно. Проходил мимо освещенных витрин, которые в вязком тумане, нависшем над городом, казались матовыми, как и свет фонарей, что стояли вдоль дороги. Свет не достигал земли. Он вязнул где-то в начале своего пути и казался огромным матовым шаром на вершине столба. Такие же шлейфы выхлопных газов от проезжающих машин тянулись над дорогами. Колыхались, словно живые, когда другая машина проезжала, и ее след тоже повисал над дорогой, словно слоеный пирог, а за ней еще одна машина, и еще… и тогда пирог раздувался до неимоверных размеров как над дорогой, так и расползаясь во все стороны…

Вадим редкий раз останавливался возле витрин. Пытался рассмотреть, что лежит на прилавках или выставлено в окне. Невольно сглатывал слюну при виде копченой колбасы, что кружками висела или возвышалась на витрине, а там желтеют головки сыра, а там видна селедочка, а в том углу стройными рядами посверкивают бутылки. Всякие! И Вадим непроизвольно представлял, как налил бы в рюмку водочку или коньячок, неторопливо бы выпил, потом лимончиком закусил или кусочек селедки съел… И нервно сглотнул, ощущая во рту привкус селедки. И чертыхнулся, глядя на это изобилие, которое ему недоступно. И снова в голове мысль, где бы взять денег. Я бы на все пошел, лишь бы достать. Последние штаны бы продал, последнюю рубаху. Да хоть душу бы продал, лишь бы принести домой деньги, бросить на стол и гаркнуть жене, чтобы сбегала в магазин и купила бы чего-нибудь поесть. И представил, как сидел бы за столом и потихонечку потягивал водку или вино, или пиво, а вокруг на тарелках еда. Всякая!

Продать… Продать, что бы продать, чтобы деньги появились? Вадим стал осматривать себя, выворачивать карманы, вытаскивая всякую ерунду, которая и ломаного гроша не стоила. Уж было совсем отчаялся, но невольно наткнулся на брошь и часы, которые взял с собой. Задумался, глядя на них. За брошь много не дадут. Не золото и камни простые. Это на любителя… нет, на любительницу, так будет точнее. Старенькие часы, которые достались ему от отца. Именные часы. С дарственной над-

письью. Отца наградили часами на работе за заслуги перед заводом, городом и Родиной. В чем заключалась заслуга – Вадим не знал, но при случае всегда хвастался заслугами отца, показывая эти часы.

Он снова посмотрел на часы, шагая по улице. И тут в глаза бросилась вывеска крупными буквами «Скупка», а чуть ниже еще что-то было написано, но Вадим не рассмотрел в серых промозглых сумерках и заторопился к магазину, рядом с которым на скамейке сидела старуха, похожая на одну из тех, кто занимался мелкой торговлей или бизнесом, как сейчас было принято говорить.

Вадим остановился, посматривая на магазин и старуху, которая нахохлилась над своими сумками, прикрывая содержимое от постороннего взгляда.

– Что, решил в скупку зайти? – покосившись на него, хрипловато-простуженно сказала старуха. – Зайди-зайди! Вмиг облапошит. Хозяин – еще тот ухарь! Ты, как вижу, замерз. Возьми соточку, согрейся. У меня хорошая. Спичку поднеси и вспыхнет. Старик мой делал, а он в этом деле дока. Раньше сам выпивал, а теперь к бизнесу пристрастился. Так и торгуем вдвоем. Бери-бери, я много не буду ломить.

Было видно, что она заскучала в одиночестве среди потока людей. Все мимо бегут, и ни один не остановится. А этот, думая про Вадима, если не купит, хоть поговорит. Но лучше бы купил…

Вадим вздохнул. Он бы и соточку, и другую опрокинул, будь деньги. «Деньги есть – Москва гуляем, денег нет – Чишма сидим», как говорится. Он принялся шарить по карманам в поисках мелочи. Куда-то сунул, а найти не может. Хоть бы на соточку наскрести. Но деньги словно провалились, зато он вытащил из кармана позолоченную брошь с яркими разноцветными камнями. Закрутил в руках, а потом снова посмотрел на магазин.

– А что ты хочешь продать? – вытягивая шею, обмотанную теплым платком, сказала старуха. – Покажи. Глядишь, я возьму, – и снова кивнула на магазин. – Ты, милок, особо не верь этому хозяину. Тот еще ухарь! За копейки скупает. Я давно сижу на этой точке. Меня многие знают. Никого не обманываю, даже с походом даю или наливаю, а он три шкуры с тебя сдерет и улыбаться будет. Ну-ка, что хочешь продать? Брошка, говоришь?

И она принялась вертеть в руках позолоченную яркую брошь. Качала головой, заметив потертости, и снова принималась рассматривать. Было видно, что и с деньгами жалко расставаться, и яркую брошь, похожую на цветок, тоже не хочется упускать.

– Продай, – наконец-то сказала старуха. – Для себя возьму, чтобы на праздник ходить. А я тебе за это денежек дам. Сколько-сколько… – она пожала плечами. – Ну, чуток отсчитаю. Много нет. Сегодня бизнес слабо идет. Не наторговала. Но не обижу! Бартером рассчитаюсь. Соточку-другую налью. Ну, договорились?

И она снизу вверх взглянула на Вадима.

– Она же позолоченная, и вон сколько камней на брошке, а ты соточку нальешь, – возмутился, было, Вадим. – Не маловато ли предлагаешь?

– Ну ладно, я еще соточку прибавлю, – махнула рукой старуха, не выпуская брошь. – Вот и деньги приготовила, – она вытащила откуда-то из недр пригоршню мятых купюр и принялась пересчитывать, мусоля пальцы. – Глянь, сколько предлагаю, а еще самогоночку налью. Тебе в скупке и того меньше дадут. Там не хозяин, а живоглот настоящий. Тебе не то, что деньги, тебе даже на трамвайный билет не хватит. Я уж знаю. Многие от него выходили и матерились. Мне не хотели верить, когда предлагала у них купить, а он задарма забирал. Ну, договорились?

И она снова посмотрела на него.

Вадим не знал, что делать. Он раньше редкий раз, но пользовался скупкой. Не этой, правда, а другими, а то выходил с какой-нибудь безделушкой на рынок, где легко можно было затеряться в толпе таких же, как и он, продавцов, которые с утра

и до закрытия рынка чем-нибудь торговали. Одни были одноразовыми, как говорится, и приходили, чтобы продать безделушку и исчезнуть навсегда, а другие из торговли мелочевкой сделали свой бизнес. У них были свои места, как на земле, так и под навесами, где они торговали абсолютно всем, что могло иметь хотя бы какую-нибудь ценность, начиная от иголок и заканчивая неуклюжими шкафами или тусклыми зеркалами. И среди множества ящиков, коробок и коробочек, сумок и чемоданов всегда можно было найти для себя что-нибудь нужное. И люди искали. И люди платили и обещали, что не раз еще заглянут на ряды, чтобы поковыряться среди товара. И Вадим редкий раз приходил сюда, чтобы продать сущую безделицу, которая в доме не нужна, а здесь кому-нибудь пригодится. А еще он заглядывал в клуб коллекционеров. Правда, обманывали там, гады, но все же платили побольше, нежели на толкучке. И сейчас, когда увидел скупку, не удержался, хотел было зайти, но остановила старуха…

– Ну ладно, договорились, – вздохнув, сказал Вадим. – Но с тебя еще пачка сигарет. Без курева аж уши опухают.

– Ладно, согласна, – засуетилась старуха, достала сигареты, сунула ему, а потом сунула ему несколько купюр, достала бутылку самогонки, налила стопку и протянула вместе с карамелькой. – Это тебе на закуску. Пей-пей, не боись, не отравлю! Мой старик – мастак в этом деле. Чистая, как слеза младенца, а крепкая – страсть! Выпьешь, и глаза на лоб вылезают. Пей-пей…

Сказала она и торопливо стала прятать брошь.

Вадим долго принюхивался. Не слеза младенца, конечно, но все же лучше, чем у некоторых. Неторопливо выпил. Закрыл глаза, чувствуя, как по жилам словно огонь пробежал и стало тепло. Медленно выдохнул. Закряхтел, мотнув головой. И правда, крепкая, зараза! Аж слезу выбивает. Он наклонился и бесцеремонно схватил сигарету с импровизированного прилавка и закурил. Затянулся. В голове зашумело. Господи, хорошо-то как! И серость уже не такая серая. Вон и окна в домах стали ярче, и людской поток не такой молчаливый. Слышно, там и сям кто-то разговаривает. Наверное, с работы возвращаются, а может, как и он, искали работу, но не нашли, а теперь домой возвращаются, чтобы утром подняться и снова пойти на поиски работы. Все может быть…

Он выпил еще соточку, за ней и другую. Хотел нагло взять с прилавка еще одну сигарету, но старуха быстро убрала в сумку. Так недолго без штанов остаться, буркнула она. А Вадиму было хорошо. Смелость появилась, которой ему так не хватало, а еще ему хотелось сделать что-нибудь этакое, чтобы прохожие удивились. Он не заметил, как его стало развозить с соточек и уже не тянуло на поступки, а хотелось прислониться к чему-нибудь, закрыть глаза и подремать всего лишь минутку-другую. Он что-то пробормотал, махнул рукой, пошатываясь, подошел к двери магазина и потихонечку зашел в тамбур. Прислонился к углу, посматривая по сторонам. В магазине было тепло и чуточку сумрачно. Уютный сумрак, от которого сразу потянуло улечься на диван, закутаться в одеяло, включить телевизор и под его бормотание задремать. Вадим зевнул и вздрогнул, не заметил ли хозяин скупки. Но в магазине было тихо, лишь был виден затылок хозяина, который что-то делал или сидел с документами – непонятно.

Вадим закрутил головой, с любопытством осматриваясь, и позавидовал, что нужно было тоже открывать скупку в свое время, когда некоторые из воздуха делали деньги, и вздохнул, а сейчас уже поздно. И снова прислонился к стеклу. Глаза разбегаются от вещей. Чего тут только не было! Начиная от всякой мелочи и заканчивая мебелью. Отовсюду бормотание радиоприемников, телевизоров, по стенам тикают развешанные часы. Всякие! Чуть ли не от простых ходиков и до золоченых, а некоторые часы на полу стояли. Видать, старинные и цена не копеечная. А уж на витринах чего только нет! Глаза разбегаются. За один день не просмотришь, что вы-

ставлено на продажу. Здесь, как в музее или в Греции – есть всё, как говорится. Правда, есть почти все, не хватало лишь часов Вадима с дарственной надписью. У него прибавилось смелости, когда выпил самогонку. На трезвую голову не сунешься, а под градусом легче торговаться. А после стольких соточек, сколько он на грудь принял, ему теперь море по колено, как говорится…

Вадим подошел к прилавку. Хозяин продолжал заниматься делами, не обращая внимания на него. Но, видать, он уже раньше заприметил Вадима, его промокшую балахонистую одежду, да и что говорить, сам вид Вадима не очень-то говорил о том, что он при деньгах или хорошем товаре. Так, один из тех, кто бесцельно шастает по улицам, на что-то надеясь.

Потоптавшись, Вадим кашлянул.

Недовольно сдвинув узкие брови, хозяин поднял голову.

– Что хотели – продать или купить? – буркнул он, сдвинув очки на лоб. – Показывайте…

– Часы продать… – Вадим заторопился, доставая часы, и положил на прилавок. – Они с дарственной надписью.

– Лучше бы они были с бриллиантами, – усмехнулся хозяин, схватил узкой ладошкой часы и стал небрежно крутить в руках, рассматривая. – И что в них ценного?

– В них камни, – принялся объяснять Вадим. – А кроме этого, еще надпись. Эти часы были торжественно вручены за заслуги перед… Да там написано. Вы на крышке почитайте, на крышке…

И Вадим стал тыкать пальцем.

– Не слепой, – буркнул хозяин. – Вижу, что гравировка. Я спрашиваю, что ценного в них?

Хозяин потряс большими потертыми часами и взглянул на Вадима, а в глазах скука.

– Ну, как что… – Вадим растерялся, а потом возмутился. – Я же говорю, там камни, а еще надпись, и эти часы вручены за заслуги. Это же память!

И Вадим ткнул пальцем вверх.

– Ну, для кого-нибудь и память, а для меня барахло, которому цена три копейки в базарный день, – пожал плечами хозяин, замолчал, о чем-то задумавшись, а потом с интересом взглянул на Вадима. – А вы за какую цену хотели продать?

Вадим растерялся. Хоть и выпил для смелости, но растерялся. Всю свою жизнь он считал, что часы бесценны, и оберегал их, как зеницу ока. Ведь вручили за заслуги. А еще – это память. Как можно заслуги и память оценить в три копейки, как сказал хозяин скупки. Да такого не может быть! Они бесценны! Но в то же время он готов был продать, но с условием, что выкупит, когда будут деньги. А деньги ему нужны. Очень нужны! За брошь получил копейки и за часы предлагают столько же. Так не должно быть! Ведь в семейном бюджете не дыры, а дырищи, которые не знаешь, как можно залатать. Дырища на дырище и дырищей погоняет, так будет точнее. Да и вообще, если разобраться, без денег и семья развалилась, можно сказать. Куда-то исчезли общие интересы. У дочери своя жизнь. Отоспится, потом полдня возле зеркала крутится, а вечером уходит с подружками. Поздно возвращалась. Где была – не говорит. Разорется, что ей не дают личной жизнью заниматься, хлопнет дверью и закроется в своей комнате. И так каждый день… Жена тоже живет своей жизнью. Раньше заботилась о семье, о нем и дочери, а сейчас ничего не видит, кроме жратвы, лишь бы свою утробу набить, и телевизора, по которому бесконечно идут мыльные оперы. Всегда была чистюлей, а сейчас превратилась в свинью. Расплывшаяся фигура в грязном халате, вечные бигуди на реденьких волосах, крошки еды, прилипшие к губам или подбородку, и всегда недовольное выражение лица, когда видит его, и вечный вопрос про деньги. Да и сам опустился ниже некуда, вздохнул Вадим. Если раньше чем-то интересовался, с кем-то встречался, куда-то ходил или уезжал, то сей-

час ничего не хочется. Однообразная жизнь. Утром уходит на поиски работы, весь день шляется по улицам с такими же серостями, как сам, а вечером возвращается, чтобы утром снова уйти искать работу, а в голове одна мысль: где бы заработать, чтобы семью обеспечить…

– Три копейки… Не смешите меня, – Вадим отмахнулся. – У меня семья, которая развалилась, можно сказать, потому что работу не найти и денег нет. А мне нужны деньги. Я бы не только часы продал, но и самого себя на органы, лишь бы заработать. Да хоть душу продам, лишь бы семью обеспечить. Даже не знаю, что делать. Устал я. Бьюсь, как рыба об лед, и никакого толку. Устал…

Сказал и замолчал, опустив голову.

– Ну, на органы вы не нужны мне, – задумчиво сказал хозяин скупки и опять с интересом посмотрел на Вадима. – Вы первый посетитель, кто предлагает свою душу. Пошутили или правду сказали?

И он, приподняв очки, снова посмотрел на Вадима.

– Да какие могут быть шутки, – устало отмахнулся Вадим. – Продать или заложить – какая разница. Главное, чтобы деньги получить. С копейки на копейку перебиваемся, а впереди – тьма беспросветная. Устал…

И снова плечи опустились.

Продавец тоже молчал, о чем-то задумавшись и посматривая на него.

– Ну, хорошо, я согласен взять ваши часы, – сказал хозяин скупки и в его глазах появился блеск. – Ну, скажем, на месяц-другой заберу. И душа в залог пойдет. Если за этот срок часы не выкупите, ваша душа останется у меня. Да не бойтесь, ничего страшного в этом нет! – он замахал руками, взглянув на побледневшего Вадима. – Не вы первый, не вы последний, кто душу продает. Оглянитесь и увидите, что вокруг много бездушных людей живет. Потому что в наше время душа – это лишнее, и она уже никому не нужна. Наоборот, душа мешает. Она не дает исполнить заветные и тайные желания человека. И в самый ответственный момент она останавливает людей. А без души человек свободен как в мыслях, так и в исполнении желаний. Ну, по рукам?

Вадим задумался. А может, он правду говорит, что душа лишняя? Ведь правда, что вокруг много бездушных людей. Он убедился в этом и не один раз. Взять хотя бы сегодняшний поход на швейку, как говорила с ним секретарша, а ее шеф даже не захотел его принять, несмотря на договоренность. Неужели у них души нет? Видать, нет, если через людей перешагивают. И таких, кто перешагивает через других, лезет по головам, лишь бы добиться своей цели – не счесть! И они живут. Да-да, живут эти бездушные люди, а еще таких называют тварями бездушными. Они не только живут, но и процветают и плюют на всех с высокой колокольни. А он прислушивается к своей душе, старается в нее заглянуть, раскладывая хорошее и плохое по полочкам. Плохое прячет в самый дальний уголок души, чтобы ненароком не натолкнуться, чтобы не помешало в ненужный момент. Всю свою жизнь прожил по совести. В каждое дело кусочек души вкладывал. Всякий раз прислушивался к душе. И чего добился? Да ничего… Вообще ничего не добился в этой новой жизни! Работы лишился, денег нет, семья разваливается, и каждый сам по себе живет, а все потому, что по совести жил, душа покоя не давала, если что-то неправильно делал. Ночами не спал, грыз себя за оплошность. И что из этого получилось? Пустое место, и больше ничего! А сейчас душу отдаст, и заботы исчезнут. Не нужно в ней ковыряться, поедом себя есть, отдать ее и зажить, как другие живут. Он сказал, что на месяц-другой… А за это время бездушный человек многого добьется в сегодняшней жизни, где душа не ценится. Здесь за день можно стать миллионером, если с умом подойти. Он знал таких, кто на пустом месте делал деньги. И живут припеваючи, потому что плевали на свою душу, а тем более плевали на окружающих! И он должен плюнуть, тогда выкарабкается из болота, а там, глядишь, поднимется повыше других, и перед ним откроются необо-

зримые дали другой жизни, о которой можно лишь мечтать и куда можно попасть, бездушно шагая по головам других…

– Я согласен, но часы выкуплю, когда подойдет срок. Что ни говори, а они – память об отце, а память нужно беречь, и если бы не чрезвычайные обстоятельства, я бы ни за какие коврижки не стал бы продавать часы, а тем более душу, потому что человек и душа неразделимы, как я считаю, – торопливо сказал Вадим, опасаясь, что может передумать. – Где подписать квитанцию? Вот, заберите часы. Потом выкуплю. А не получится, значит, вы оставляете у себя мою душу. Я всё думаю, может быть, вы и правы, что в наше время душа не нужна. Не знаю…

Вадим пожал плечами и замолчал, задумавшись.

Хозяин скупки положил перед ним квитанцию, которая была заполнена мелким убористым почерком, а что было написано – Вадим не стал читать. И так ясно, что отдает часы и душу в залог, который должен выкупить в течение двух месяцев, а если не получится, душа остается у хозяина магазина. Вадим взял ручку. Чуть помедлил, вспомнив про душу и сроки, а потом подмахнул бумагу и толкнул ее к хозяину, который уже отсчитывал деньги.

Вадим взял деньги и молчком направился к выходу.

– Не забудьте – два месяца! – вслед донесся громкий голос хозяина и хохот, от которого всё сжалось внутри. – Два месяца и ни днем больше!

И снова гомерический хохот, от которого пробежали мурашки.

Вадим выскочил на улицу. Остановился. Мимо него все так же шагали серые невзрачные существа в темно-серых вечерних промозглых сумерках. Улицы в тумане. Фонари едва были видны. Землю не освещали, а словно шары в воздухе повисли и цепочкой протянулись вдоль дороги, постепенно исчезая вдали. Все так же проезжали машины, оставляя после себя шлейфы из выхлопных газов, которые слоями нарастали в серой промозглости и постепенно расползались по близлежащим улочкам. Вадим задрал голову. На лицо шмякнулась большая холодная капля не то дождя, не то мокрого снега и скатилась куда-то за ухо. Он вздрогнул и мотнул головой. Руки в карманах. В одной руке зажаты деньги, что старуха и хозяин магазина дали. Он давно столько в руках не держал, а тут… Он даже не мог представить, сколько можно продуктов купить на эти деньги, а если экономить, можно долгое время продержаться, а там, глядишь, повезет и снова устроится на работу, и потихонечку жизнь войдет в свое привычное русло, как раньше бывало, а не так, как сейчас живут. Он стоял возле «Скупки», смотрел по сторонам и пытался заглянуть в душу, но как определить, на месте она или у этого продавца осталась – он не знал. Ощущения… Вадим пожал плечами. А какими они должны быть – эти ощущения, когда остаешься без души? Ощущения бездушности, так можно назвать, а понять это – он снова пожал плечами. Если деньги в кармане, значит, душу забрали. А если души нет, как определить? И опять уж в который раз он пожал плечами…

Он подошел к старухе, которая продолжала заниматься бизнесом, как она говорила. Молчком попросил налить соточку. Выпил. Мотнул головой. Посмотрел на нее, когда она о чем-то спросила, но не ответил, а развернулся и исчез в толпе, слившись с другими прохожими. Нет, даже не прохожими, а серыми невзрачными существами, как Вадим называл нескончаемый людской поток, который денно и нощно двигался по городским улицам. Он неторопливо шагал, пытаясь укрыться за куцым воротником от мелкой нескончаемой мороси, что сыпала с низких небес, нависших над округой. Казалось, он один из толпы, но в то же время он понимал, что стал выделяться из нее. Интересно, он один такой или еще есть бездушные, кто продал или заложил свою душу? Вадим покрутил головой, пытаясь заметить в вечерней полутьме бездушного, но все были на одно лицо – унылые, хмурые и тоскливые…

Вадим вернулся домой. Не стал рассказывать, что с ним произошло. Лишь буркнул, что опять на работу не приняли, на что жена сразу же заворчала, но увидев

деньги, а деньги Вадим вытащил не все, а всего лишь часть, супруга подобрела. Она не спрашивала, где он взял деньги, главное, что принес. И тут же сграбастала, сунула за пазуху, словно карманов на халате не было, и заторопилась на кухню, колыхаясь всем телом, готовить ужин для кормильца. А ведь он же стал кормильцем, мелькнуло в голове Вадима, и он, скинув промокшую обувь, бесформенный плащ, прошлепал на кухню, уселся во главе стола, как и следовало хозяину дома, дотянулся рукой до посудной полки, взял стакан и грохнул им по столу.

– Наливай, – коротко, но властно сказал он, и жена оглянулась, удивленно посмотрев на него. – Наливай, сказал! Замерз, как цуцик, а у тебя на кухне конь не валялся. Делами нужно заниматься, а не таращиться в телевизор. Распустилась, сидючи дома! Гляди у меня!

И Вадим погрозил пальцем, а потом снова грохнул стаканом по столу.

Жена промолчала. В другой бы раз не стала молчать, а быстро бы показала, кто в доме командир, а тут у нее словно дыхание перехватило. Она вышла. Долго не возвращалась, копаясь в вещах, а потом появилась на кухне с бутылкой водки и сразу же налила в стакан, а потом принялась расставлять на столе тарелки и ложки.

Вадим сам не ожидал от себя такой прыти. Он вообще не любил повышать голос, а тем более требовать, а тут едва повысил голос, и сразу же нашлась бутылка, и уже в тарелках паром исходит картошка в мундирах, а в другой тарелке желтеет капуста и четвертинки лука на столе, и снова перед ним ненавистные лепешки, но сейчас они уже не вызывали такую реакцию, как раньше бывало, а он словно внимание не обратил, когда заметил их. Взял стакан. Поднес к носу. Нюхнул. Передернул плечами. Медленно выпил и молча принялся за незамысловатую еду.

Жена сидела за столом. Смотрела на него. Было видно, хочет спросить, но не решается.

– Ты того… – Вадим поднялся и зевнул. – Не ходи в таком виде. Глаза бы не смотрели, в кого превратилась. И вообще…

Он поднялся, обвел рукой запущенную квартиру и направился к дивану.

Вадим долго не мог уснуть. Все пытался разобраться, на месте душа или ее забрали. И никаких ощущений. А как понять? Правда, когда вернулся и даже не рявкнул, а сказал так, как должен был всю жизнь говорить, жена не посмела ослушаться, и сразу же бутылка нашлась, ужин появился на столе. Получается, что души как не бывало, ведь если бы она была в теле, он бы не посмел разговаривать с супругой в таком тоне, а тут… Он не удержался, мотнул головой. Потом постарался прислушаться к себе. Может, совесть проснется или еще как-нибудь проявит себя, но душа молчала, а ведь он же любил покопаться в ней, раскладывая по полочкам хорошие и плохие дела, да и всю работу привык делать с душой, а сейчас… А сейчас как поймет, где хорошее, а где плохое, если душу забрали, ведь она же подсказывала, что он неправ, что не нужно так делать, а нужно вот так, а он… И он долго корил себя за какую-нибудь незначительную мелочь. Наверное, и жена не считала его за мужика, потому что слишком много копался в душе, раскладывая поступки на хорошие и плохие и всегда старался правильно жить. А разве бездушные люди живут правильно? Нет, конечно! Они живут для себя, как удобнее им, как лучше для них, и совершенно наплевать на остальных. Главное, чтобы у них всегда было хорошо, а каким образом это достигнуто, бездушным наплевать еще раз. Вот поэтому они и живут, а остальные? Остальные в наше время существуют…

Утром, поднявшись, Вадим зашел на кухню. Пахло вкусным. Оладушки на столе. Целая тарелка с оладьями. И чай свежий, а не те помои, к которым он привык за последнее время. Он молчком прошел и уселся на свое место – место хозяина, где раньше всегда сидела супруга. Пододвинул тарелку и с неохотой стал жевать оладьи. Болела голова. Наверное, от мыслей, которые не давали ему покоя. О чем бы ни начал думать, а в конце все его мысли сходились к душе. Господи, как же понять,

осталась душа или нет? Но в то же время он понимал, если подписал документ и забрал деньги, значит, продана душа. А как жить без нее – он не знал, но видел, как живут эти бездушные твари, которые по головам лезут к намеченной цели, а значит, он тоже превратился в одну из таких тварей…

– Ну что ж… – задумчиво сказал Вадим. – Значит, так тому и быть…

Не заметил, как сказал, потянулся за бокалом и отхлебнул из него.

– О чем говоришь, Вадик? – жена впервые за долгое время назвала его по имени. В основном в последнее время чаще было слышно, что он сволочь и гад, тунеядец и алкаш и еще много всяких нелестных прозвищ. – О чем думаешь?

– Ни о чем, – буркнул Вадим, поднялся и направился в прихожую. – Вернусь поздно. Ужин приготовь. Дома чтобы был порядок. Нечего в телевизоре торчать. И приведи себя в порядок, а то ходишь, как лахудра, глядеть тошно.

Он поморщился, взглянув на супругу, и, хлопнув дверью, ушел.

Жена промолчала, лишь взглянула ему вслед.

Вадим постоял возле подъезда, не зная, куда направиться. Собственно говоря, а не все ли равно, куда шагать. Все равно, все дни похожи друг на друга, как две капли воды – вчерашний на сегодняшний, а завтрашний на вчерашний, и так будет всегда, каждый день, неделю, месяц – постоянно, потому что жизнь стала однообразной и похожей настолько, что начинаешь забывать, какой сегодня день, месяц, а там, глядишь, и год. Не успеешь оглянуться, а жизнь прошла, и спроси себя, а что ты сделал в этой жизни? И пожмешь плечами, потому что ответить нечего, потому что твою жизнь в такую превратили, где одни взлетели в небеса, а другие опустились ниже некуда…

Взглянув на серое низкое небо, с которого беспрестанно летела морось, Вадим поежился. Закурил бычок, который привычно подобрал в подъезде. Закашлялся. Сплюнул. Затянулся. Выпустил облачко дыма, которое так и осталось висеть в воздухе, смешиваясь с туманом, который уж сколько времени нависал над городскими улицами. И в туманной дымке были видны расплывчатые бесформенные фигуры, которые неторопливо шагали по тротуарам – этакие серые бесформенные существа с серыми мыслями и в серых предутренних сумерках. Вадим выбросил окурок, влился в общий поток и зашагал, а куда, и сам не знал. Уж сколько времени уходил из дома, бродил по улицам, останавливался возле витрин, рассматривая, что лежит на прилавках, а потом снова шагал, не обращая внимания на других – себе подобных.

И сейчас шагал, пристроившись за бесформенной фигурой, и тут вспомнил про душу, рука непроизвольно сжала деньги – это цена его души. Вадим вздрогнул и неожиданно остановился, как же он жить станет без души. А люди шли. Натыкались на него, обтекали его со всех сторон и шагали, словно наткнулись не на человека, а какое-то препятствие. Ни ругани, ни возгласов. Ткнулись, обошли и дальше пошли…

Вадим дотронулся до груди. Ему казалось, душа должна находиться именно там. Там, где сердце. Он снова потрогал. Сердце есть. Вон как стучит, а вот душу не чувствует. Как же так? Он растерянно закрутил головой, словно хотел узнать у прохожих, а как же он станет жить без нее – этой самой души, ведь она же… И снова одолели думы. А что душа? Что она может дать полезного? Совесть, которая не нужна в наше время. А может, душа пожрать даст или денег подвалит, на безбедное житье? Ведь, как ни крути, а она только и делала, что на совесть давила. То не так, это не так, ты о чем думаешь, ты зачем так делаешь, ведь другим хуже будет. И все в таком духе, и все сводилось для блага людей… А люди много сделали для того, чтобы он припеваючи зажил? Ничего! Ни один пальцем не пошевелил, ничем не помог, чтобы он, пусть не взлетел, а хотя бы выкарабкался из болота. Наоборот, все старались только затолкать поглубже. Одни открыто в болото толкали, а другие с улыбкой на лице, словно хотели сказать, я же помогаю тебе, я же делаю для тебя все, чтобы ты зажил счастливо, а сами ножками шлеп по морде, шлеп, да еще сверху притапты-

вали, чтобы из болота не выбрался. Благими намерениями дорога в ад выстлана, как говорится. Так у него получилось. Помогли… Помогли в болоте утонуть и камнем тяжелым придавили. Вот тебе и совесть. Вот тебе и душевные люди, которые с милой улыбкой топили тебя, а сами лезли по головам, лишь бы добиться своей цели. Эх, душа-душа, вроде всем хороша, а пользы никакой!

Вадим чертыхнулся. Сплюнул под ноги. Хотел было снова влиться в серый людской поток, но раздумал. Оттолкнув несколько человек, он пошел через дорогу на другую сторону улицы. А следом услышал визг тормозов, и Вадим увидел перед собой шикарную машину. В другое время он бы перебежал дорогу и скрылся от греха подальше, а сейчас не удержался и пнул по колесу, несмотря на то, что из машины появился здоровенный амбал в кожаной куртке.

– Куда прешь? – рявкнул Вадим и снова пнул по колесу, не думая о последствиях, что сейчас из него могут сделать свиную отбивную, а хуже, если сунут в багажник, вывезут за город, а там… об этом он не думал. – Тебе дороги мало? Что несешься, словно угорелый? Если крутая тачка, так решил, что тебе все дозволено? А вот это ты видел?

И Вадим, сложив фигу, ткнул оторопевшему громиле под нос.

Громила не успел ответить, он даже не успел подумать, как распахнулась задняя дверь машины, и оттуда стал выбираться человек, одетый с иголочки.

– Вадька, черт лысый, ты ли это? – и навстречу Вадиму поспешил мужчина в дорогом костюме, в туфлях, а на запястье сверкнули часы и не простые, а золотые, как понял Вадим. – Не узнаешь, что ли? Это же я, Ленька Золотов. Ну, вспомнил? Столько лет не виделись. Вчера вернулся и сразу стал тебя разыскивать, а на ловца и зверь бежит. Есть у меня одна мыслишка. Ты же у нас считался самым умным. Хотел обсудить с тобой, а потом… Эх, что говорить-то?! Все потом, все разговоры оставим на «потом», а сейчас…

И принялся обнимать и тискать Вадима.

– А говорили, ты в Израиль перебрался, – пытаясь вырваться из цепких объятий, сказал Вадим. – Решил вернуться в родной город?

– Какой Израиль, Вадька? – мужчина пренебрежительно махнул рукой. – Бери выше. Я уже полмира исколесил. Такими делами ворочаю, тебе и не снилось, – он зябко передернул плечами и взглянул на серое низкое небо. – Айда в машину! Сейчас посидим в ресторанчике. Поговорим. Старые времена повспоминаем, а то неудобно посреди улицы разговаривать. А потом кое-что обсудим. Айда в машину!

Он снова дернул Вадима за рукав и распахнул дверку.

Вадим вернулся домой за полночь. Не пешком приплелся, а с шиком подъехал на машине. Громила дверь распахнул, помог из машины выбраться, а потом еще до подъезда проводил, придерживая над ним раскрытый зонт. А Вадим не спешил. Специально неторопливо выбрался из машины. Громко разговаривал и заметил, как в окнах появился свет – это разбуженные соседи прильнули к окнам, пытаясь рассмотреть, кого это ночью принесло на дорогущей машине, и глазам не поверили, когда увидели Вадима, который в сопровождении громилы дошел до подъезда, крикнул своему другу, который стоял возле машины, помахали друг другу, и Вадим скрылся в подъезде.

– Ужинать не буду, – нарочито нахмурив брови, сказал Вадим, когда перед ним появилась заспанная жена. – Я с Золотовым в ресторане поужинал. Приготовь к завтрашнему дню костюм и рубашку с галстуком. Мне предложили должность в российско-канадской фирме. Завтра выхожу на работу…

И, зевнув, он прошел по квартире и скрылся в спальне.

Жена оторопело взглянула вслед, хотела что-то сказать или возразить, но промолчала и непроизвольно запахнула линялый халат, прикрывая обвисшую грудь.

И началась новая жизнь, о которой Вадим мечтал, но никогда не думал, что ее

увидит. С утра подъезжала машина с личным шофером. Дожидалась возле подъезда, когда он соберется и выйдет, а потом отправлялись на завод или на совещание в мэрию, деловые встречи с партнерами, подписание договоров, заключение сделок и еще много всяких дел. И не успеет Вадим оглянуться, а на улице вечер. И снова деловые поездки. В ресторане посидеть, а без этого нельзя было, рыбалка и охота, еще какие-нибудь развлечения, когда появлялись партнеры, и не знаешь, когда вернешься домой. И домой-то не хотелось возвращаться. Вроде жизнь наладилась. Всего лишь месяц прошел, а они благодаря Золотову новую квартиру приобрели, сменили обстановку, жена преобразилась и не смотрелась той лахудрой, какой раньше была, но все равно чего-то в доме не хватало. Вроде все есть, что душе угодно, но чего-то не было. Может, обыкновенного человеческого тепла, а может, и Вадим с каждым днем хмурился все сильнее и сильнее...

Он проезжал несколько раз мимо «Скупки». Но за ежедневной суетой стирался из памяти срок отдачи денег. Хотя и деньги были. За это время он достаточно крепко встал на ноги. И не только удалось выбраться из болота, куда его затолкала сегодняшняя жизнь, но и подняться выше других. Правда, для этого приходилось работать локтями, лишь бы вырваться вперед. И по головам приходилось лезть, чтобы добраться до цели. И лез, и толкался, и пинался, огрызался и кусался, а уж через скольких пришлось переступить – это не счесть. И все чаще у него мелькала мысль, если хочешь чего-нибудь добиться в жизни, забудь о душе и совести. Начнешь жалеть, ничего путного не выйдет. И твоей жалости на всех не хватит. И жить по совести не получится. И в душе не покопаешься. Он пытался несколько раз прислушаться к душе, но ничего не получилось. Душа молчала. Точнее будет – души не было. Потому что душа – это лишнее в наше время. Она будет мешать, если идешь к намеченной цели. Он убедился, когда стал работать у Золотова. Он шагал и перешагивал, толкался и отталкивал, рычал и кусался, лишь бы добиться своего. И добивался, но какой ценой. Он за прошлую жизнь, когда была душа, столько не заработал, а тут за короткий срок у него появилось всё, что угодно. Новая квартира, взял машину, а кроме нее, еще есть рабочая с личным шофером. Дачку присмотрел и уже с хозяином договорился. Пусть не такая крутая, как у некоторых, но многих переплюнул и в хорошем месте находится. С видом на большое озеро, а за спиной шумит сосновый бор. Хочешь, озером любуйся, а хочешь, можешь по бору прогуляться, свежим воздухом подышать и за ручными белками понаблюдать. Благодать, да и только! И жена вроде бы похорошела. Некогда присматриваться к ней, но вроде не такая растеряха и грязнуля, как раньше была. И дома порядок, и ее не видно возле телевизора. А может, специально на глаза не показывается, чтобы под горячую руку не попасть. Все есть, все, но внутри неспокойно, как начнет осматривать, чего добился за столь короткое время. Многого добился, многих локтями оттолкнул, по многим прошелся и ноги вытер, а уж головы не перечесть, по которым к цели шагал. Всего добился, но плата за удовольствия жизни – проданная душа. И смотрел на все, что у него появилось, но радости не было…

Многие хотели с ним работать. Слухи быстро разносились, как об удачливом руководителе, который на пустом месте поднялся, а сейчас шагнул далеко вперед, и уже многим не догнать его, даже приблизиться не могли. А суеверные шептались, что ему нечистый помогает в делах. Ну, разве можно было заключать сделки на проигрышном заказе, а он подписывал и не проигрывал, как думали, а еще богаче становился. Деньги к рукам липли, словно были медом намазаны. И не просто липли к рукам, а рекой в карманы текли, и можно было швырять их направо и налево, а их меньше не становилось. Наоборот, выкинет одну, а появлялись две купюры. И к нему многие пытались попасть в партнеры. Ну и ладно, пусть путается с нечистым, главное, что и другим крохи со стола перепадут. И такие крохи, что о завтрашнем дне не придется думать. Многих подмял под себя Вадим. Многие пошли к нему в услужение,

так будет точнее сказано, лишь потому, что удачлив в делах. Что с ним можно было шагать и шагать, и с каждым шагом на счетах становилось денег все больше и больше. Шаг – тысяча, шаг – сто тысяч, шаг – пол-лимона, снова шаг – и миллион на счету появился. И так до бесконечности, как казалось. И никто из них не задумывался, если они миллионами в карманы кладут, сколько же Вадим зарабатывает, и какова цена этим деньгам. Никто не думал, но все старались попасть в первые ряды и лезли по головам, толкались и расталкивали локтями, лишь бы поближе пробраться к кормушке, и всем было наплевать на других, кто вставал на их пути, по которым шагали, топтали и втаптывали в грязь, в болото, откуда не выберешься, и с каждым шагом те, кто попадал на пути, погружались все глубже, а у других, кто шагал по ним, с каждым шагом появлялось больше денег, но исчезала душа, потому что она не нужна, потому что она лишняя в наше время…

Как ни оттягивал время Вадим, но все же наступил день, когда нужно было возвращать долги хозяину магазина. Вернуть должок и выкупить свою душу, чтобы снова стать человеком, как все. Как все… А как – все? Все, которые круглосуточно бредут по тротуарам, не замечая друг друга? Все – это серые существа, как называл Вадим людей, которые шли по улицам, не замечая других, а на лицах словно маски надеты – серые, безрадостные, унылые. Это и есть люди? А может, людьми нужно назвать тех, кто лезет по головам, расталкивает и отталкивает других, лишь бы добиться своей цели в жизни? Кто же из них – человек? Серое существо или бездушный человек? И захочется ли ему снова попасть в ряды серых существ, которые плывут по течению, не замечая, что одни тонут, а на их месте уже появляются другие, или захочется остаться среди бездушных людей, которые имеют все в жизни, но не имеют души – он уже не знал…

Вадим стоял возле магазина и не осмеливался зайти. Он стоял и смотрел по сторонам. Все так же над городом нависли серые низкие тучи, и сыпал снег. Снег, который цеплялся за серые тучи и падал на землю уже грязным. Под ногами снежное месиво, по которому шагала бесконечная толпа серых существ в бесформенных балахонах. Они шли, задевая друг друга, и словно не замечали этого. Они жили своей жизнью – серой и унылой, как сама природа. Он вернет долг, заберет душу, и у него исчезнет все, что он заработал за это время, и ему опять предстоит влиться в эту серую массу существ, и снова дни будут похожи друг на друга, как две капли воды. Серое утро, серый промозглый день и такой же неприглядный вечер. И в этой серости будет шагать он – серое существо с серыми мыслями и серым непроглядным будущим. Все возвращается на круги своя…

Вадим взглянул на часы. Достал квитанцию, где были указаны день и время, когда он должен был отдать деньги и забрать душу, как сказал продавец. Осталось совсем немного. Всего лишь несколько минут, а потом вся его жизнь вернется в привычное русло: жена – неряха, дочка, которая с утра и до вечера будет канючить деньги, и ей наплевать, что денег нет и не будет, а ей вынь да положи, и снова он будет каждое утро уходить из дома в поисках работы, а может, для того, лишь бы не видеть свою жену и бездонное болото, куда он попал и с каждым днем погружался все глубже и глубже, зато у него будет душа, а сегодняшнюю жизнь… нет, даже жизнь последнего времени, когда он продал или заложил душу, он уже не вспомнит, а может, не забудет и каждый раз будет вспоминать и жалеть, что не остался в ней навсегда, зато без души, и где ему было бы лучше – он не знал…

– Магазин закрывается, – глухо, едва слышно, до Вадима донесся голос. – Мужчина, долго еще будете стоять в тамбуре магазина? Опоздали. Ваше время истекло…

И донесся громкий хохот.

Вадим вздрогнул. С недоумением осмотрелся. Он стоял в тамбуре, забившись в темный угол. Руки в карманах. Голова опущена. Он непроизвольно стал шарить в карманах, пытаясь найти квитанцию. Достал. Протянул и тут же отдернул руку, за-

метив, как на глазах дорогой костюм стал превращаться в затасканный плащ неопределенного цвета, потертый воротник поднят, а мятые штаны собрались гармошкой на растоптанных ботинках.

– А как же душа? – растерянно сказал Вадим. – Как жить без нее, если я не верну деньги, а?

И взглянул на хозяина магазина.

– Идите, говорю! – он снова отмахнулся, а потом покосился на Вадима. – Оглянитесь по сторонам. Увидите, сколько вокруг живут без души. Взгляните на них и подумайте, а нужна ли она – эта душа? Вот идут люди, которые с утра и до вечера бредут, не зная, куда. И у них каждый новый день похож на предыдущий. Такой же серый и неприглядный, как сама их жизнь. А там стоит ваша машина и ждет шофер. Подумайте, где вам было лучше жить? Среди серых существ, как вы назвали себя и других, себе подобных, или жизнь среди бездушных людей, но у которых есть все, что пожелаешь. Каким лучше быть – честным и с душой, но бедным, или бездушным, но богатым? Подумайте… Еще ни один человек не ошибся в своем выборе жизни.

И, закрыв двери, хозяин магазина уселся в дорогую машину, просигналил, чтобы разошлись прохожие, и, рванув с места, обрызгав людей, он помчался по дороге, оставляя за собой шлейф дыма, который заколыхался, расползаясь по сторонам.

Вадим долго стоял возле магазина. Смотрел вслед машинам, которые мчались, оставляя за собой вонючие шлейфы выхлопных газов. Глядел на прохожих, которые шли, не обращая внимания на мелкую морось, что сыпала с темного неба, нависшего над городом. Они шли беспрестанным потоком. Редкий раз доносились голоса. Задевали друг друга, но не замечали этого. А если взглянуть в лица, на всех словно маски надеты – серые и унылые, хмурые и тоскливые.

Может, правда, душа – это лишний груз у человека? Душа не дает достичь того, что человеку хочется, потому что он любит покопаться в ней, разложить плохое и хорошее по стопочкам и совестится, если плохого оказалось больше. А души не будет, и проблем не станет. Для человека все будет одинаково, как плохое, так и хорошее, и тогда его ничем не остановишь, если стремится к намеченной цели. По головам полезет, лишь бы достичь желаемого результата. И таких бездушных – уйма. И живут! Хорошо живут и не задумываются, что у них души нет, потому что она лишняя в наше время. Ну, а те, кто с душой… А те, кто душу сохранил, так и будут бродить по жизни, разделяя хорошее и плохое, так и будут ковыряться в душе, пытаясь понять, как нужно жить – с душой, которая шагу не дает ступить в жизни, или быть бездушным, но жить хорошо?

Вадим долго стоял, раздумывая над словами хозяина магазина, а потом смял и выбросил квитанцию, и зашагал к дороге. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, где ждала его машина и личный шофер. А мимо него по тротуару шагали серые существа, как раньше называл себя и людей с серыми мыслями, унылыми лицами и серым непроглядным будущим, но у всех была душа, которая, как оказалось, в наше время никому не нужна, а они продолжали на что-то надеяться…

А с низкого неба, закрытого от края и до края неповоротливыми тяжелыми облаками, продолжал лететь снег, но не зимний – пушистый и искристый, а серый и тусклый, как сама сегодняшняя жизнь…

Бакинскому поэту Александру Родионову – 60

Поздравляем и желаем всяческих благ

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

Расчётливость

Расчётливость, увы, сейчас в почете,
Она приносит блага и известность;
И не ведет к добру в конечном счете
Слепая вера в преданность и честность.

Всё глубже, ниже падают людишки
В большую яму лживого разврата;
Растут счета на сереньких сберкнижках,
Талант не в моде, всё дают по блату.

Машину, дачу, пост и в этом роде
Добыть помогут деньги и знакомства.
Проходят дни и пролетают годы,
Становимся, подобно хлебу, черствы.

И наступает время оглянуться,
Задать вопрос: «А для чего мы жили?»
И отвечать себе с печальной грустью:
«Купили всё, да и любовь купили».

Находя – теряю

Рассеянным стал, а прежде,
Как звездочка, я блистал –
Поймал как-то раз Надежду,
Но сразу же потерял.

Нашёл я Любовь однажды,
Костёр разведя в душе,
Случится так может с каждым –
Она не нужна уже.

Мне Счастье попало в руки,
Но я его, словно нож,
Куда-то метнул от скуки.
И вряд ли теперь найдешь.

ТЕЛЬМАН ДЖАФАРОВ

Вопросы рецепции и трансформации русской классической литературы в Азербайджане в постсоветское время

Данная статья подготовлена на основе доклада на образовательно-культурном форуме «Золотой век русской литературы: опыт прочтения», проходившем в столице Республики Сербия – Белграде 28-29 июня 2022 года. Она посвящена проблемам рецепции и трансформации русской классической литературы в Азербайджане в постсоветское время. Вопрос рассматривается в двух аспектах:

• принципы и сложности отбора образцов русской классической литературы для включения в учебные программы, учебники и пособия для школ и вузов республики, а также для перевода и издания их на азербайджанском языке;

• причины возрастания интереса к изучению русской литературы, обусловленность проведения глубоких исследований творчества отдельных её представителей в постсоветском Азербайджане.

Меняются времена, поколения и представления о культурной миссии иноязычных литератур. Это особо проявляется и в отношении к литературам народов, веками разделявших одну и ту же участь с народом, на язык которого они переводятся и на чьем языке представляются в виде учебного материала.

Ситуация усугубляется тем, что средством обучения для определённой части учащейся молодежи республики выступают иностранные языки. Это предполагает достаточно глубокое знание языка, истории, литературы и культуры народа, на языке которого полностью или частично проводится процесс обучения. В подобной учебной ситуации особенно бережно необходимо относиться как к языку обучения, так и к культурным и прочим ценностям народа или страны – носителей этого языка, так как на современном этапе обучение на любом языке должно опираться на лингвокультурологическую основу. Вернее, учебная программа и учебный процесс невозможны без их участия и учёта. Это и содержание, и качество тех школьных и вузовских программ, на основе которых обучается подрастающее поколение.

Несмотря на часто меняющиеся исторические и политические оценки, в данном случае необоснованные и противоречивые мнения при преподнесении учебного материала просто неприемлемы. Это требует от составителей и создателей учебных ресурсов, от преподавателей умелого мастерства в процессе приобщения учащихся к данным материалам, мотивирования интересов, поисков и стремлений молодёжи. К сожалению, порой созданные и методически апробированные десятилетиями учебные пособия отступают на второй план по причине необходимости создания национальных учебников с учётом государственных интересов страны и реалий времени, которые не всегда отвечают требованиям методики обучения языка и литературы. Эти пособия часто отходят на задний план, становятся недосягаемыми из-за экспансии Интернета, то есть учащаяся молодежь отдает предпочтение тем ресурсам, которые являются легкодоступными. Конечно, мы не против них. Мы за то, чтобы ресурсы, предлагаемые в статусе учебных, были созданы с учётом опыта и традиций учебных пособий предыдущих поколений, мотивации учебной деятельности обучающихся, интересов страны и народа, глубокого понимания общечеловеческих ценностей, обеспечения качества на любой ступени и уровне образования. В данной

ситуации остро стоят проблемы рецепции и трансформации учебных материалов в иноязычной аудитории.

Вопросы рецепции и трансформации иноязычных культур и литератур, их преподнесения в инонациональной среде – одна из часто обсуждаемых проблем не только в культурологии, сравнительном языкознании, литературоведении и переводоведении, но и в методике. Примечателен тот факт, что сейчас во многих странах предпочтение отдаётся билингвальной и полилингвальной модели обучения, что предполагает изучение второго, третьего и большего количества языков путём введения определённых учебных дисциплин. На наш взгляд, процесс изучения любого иностранного языка необходимо рассмотреть как средство и способ приобщения к иной культуре и литературе, т.е. как условие их восприятия на инонациональной почве. В этом случае вопросы восприятия и рецепции языка и литературы из лингвистической и литературоведческой плоскости переносятся в методическую. Ввиду того, что учебно-воспитательный процесс, интеллектуальное развитие учащихся при подборе учебного материала требуют как коммуникативной и информативной, так и содержательной наполненности, то это актуализирует основные принципы культурологического подхода к усвоению языка и культуры (антропологический, деятельностный и семиотический). Исходя из практики и жизненного опыта, мы наблюдаем возможность успешной реализации учебных стандартов в определённом контексте, каковым и являются также литературные тексты, заключающие в себе информацию об истории, фольклоре, образе жизни, нравах народа – носителя изучаемого языка, о его материальных и духовных ценностях.

Что касается содержательной стороны учебных ресурсов по русской литературе, то здесь также возникает немало вопросов. Во-первых, литература любой страны и любого народа прежде всего – это отражение духа и настроений исторических эпох, жизни, чаяний и надежд живших в эти периоды людей. Нередко литература идеологизирована и политизирована. В этом отношении примечательна также и русская литература, почти все этапы её развития. Возможно ли адекватно оценить и преподнести русскую классическую литературу вне историко-культурного контекста? Можно ли себе представить русскую литературу XIX века без декабристских настроений, славянофильских и западнических идей, «лишних людей» Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Достоевского, без «маленьких людей» тех же Пушкина и Достоевского, Гоголя, роман «Войну и мир» без декабристских настроений и идей, романы Достоевского без «Дневника писателя», без его мыслей об Иисусе Христе? Постигнуть характеры и идеи Толстого и Достоевского без осознания значимости православной морали? Кто же поймёт поэтов-декабристов, Бестужева-Марлинского, Грибоедова, Пушкина и Лермонтова без учёта политической подоплёки событий этой эпохи и причин их пребывания на Кавказе?

Благодаря участию в войне с горцами Бестужев-Марлинский и Лермонтов создали образцы путевых записей по Кавказу, в их произведениях («Аммалат-Бей», «Мулла Нур», «Герой нашего времени» и др.) нашли прекрасное художественное воплощение образы кавказцев. Как мы предполагаем, М.Ю.Лермонтов, выучив азербайджанский язык, не только записал азербайджанское народное сказание «Ашыг Гариб» (речь идёт о его «турецкой сказке» «Ашик Кериб», представляющей собой образец билингвального текста), в то же время этот любовный эпос стал одним из источников лермонтовского «Героя нашего времени». Пушкин запомнился азербайджанским читателям также своими «Подражаниями Корану» и «Путешествием в Арзрум». Я.Полонский своим интересом к мугаму и народным певцам привлёк внимание многих азербайджанских литературоведов. Ныне в нашей стране неоднозначно отношение к А.С.Грибоедову, автору трагедии «Горе от ума», в то же время российскому дипломату, причастному к заключению Туркманчайского договора 1828 года о разделении земель азербайджанских ханств между Персией и Рос-

сией, а также к переселению персидских армян на благодатные земли Иреванского и Нахчыванского ханств. Однако опубликование переписки русского поэта и дипломата с Паскевичем, с тогдашним наместником Кавказа, архивные материалы проливают свет на некоторые подробности его жизни и деятельности как дипломата. Три письма российского посла к наместнику Кавказа свидетельствуют о серьезном беспокойстве Грибоедова по поводу возможных последствий повсеместного размещения армян на землях, принадлежавших азербайджанскому народу, особенно ханам, предпочитавшим российское подданство. Переселение и размещение армян на азербайджанских землях осуществляется при непосредственном участии российских военных, являющихся армянами по национальности – генерала Мадатова и полковника Лазарева, усердно способствовавших изменению этнического состава населения в пользу армян *(Иванов Р.Н. Азербайджанская быль, российское пришествие и пресидские мотивы. Очерки истории Азербайджана XIX века, М., 2011.).*

Это обстоятельство дает нам возможность пересмотреть свое отношение к литературному наследию А.С.Грибоедова, прежде всего к его пьесе «Горе от ума», в которой просматриваются зародыши золотого века русской литературы.

Такого рода факты личной и творческой биографии русских писателей повлияли на степень их включения в школьные и вузовские программы Азербайджана, в антологии по русской литературе последних трёх десятилетий, на перевод и исследование их произведений.

Будучи соавтором школьных программ и учебников по литературе с 2005 года и имея опыт работы над их составлением (речь идёт о классах и школах с русским языком обучения), мы старались создать учебные ресурсы, включающие лучшие образцы русской, азербайджанской и зарубежной литературы, благодаря которым у учащихся вырабатываются навыки чтения, анализа, творческого письма и устной речи, приобщения к общечеловеческим духовным ценностям, присущим культуре, образу жизни и мышления, миропониманию народов мира. На данное время наша группа завершила работу над учебником-хрестоматией для VII класса. Данный учебник, а также учебники V-VI классов, создаваемые по принципу «лестница», придерживаются опыта предыдущих поколений, служат литературному образованию учащейся молодёжи, воспитывают в них самые ценные человеческие качества, толерантное отношение к культуре, поведению и духовным ценностям других народов.

Последние два десятилетия были ознаменованы в Азербайджане редактированием имеющихся художественных переводов, созданием новых переводов и изданием этих текстов на латинице 25-тысячными тиражами. Значительную часть серии «Библиотека мировой литературы» в 150 томах составляют переводы русской литературы. Многие авторы и произведения были переведены впервые. За 2005-2014 годы были подготовлены и изданы три антологии русской литературы, включающие прозу и поэзию. Примечательно, что после превосходного перевода «Евгения Онегина» Самедом Вургуном в последние годы были осуществлены филологический (профессор Айдын Алекберли) и второй поэтический перевод (Эйваз Борчалы) этого романа в стихах Пушкина.

В постсоветский период особую популярность в нашей стране завоевали художественные, философские и публицистические произведения Достоевского. Следует выделить два аспекта рецепции творческого наследия Достоевского в Азербайджане: 1) были переведены оставшиеся два романа из его Пятикнижия – «Бесы» и «Братья Карамазовы» (последний переводился дважды), а также «Дневник писателя», о котором будем говорить отдельно; 2) с начала 90-х годов формируется школа азербайджанского достоевсковедения, включающая четыре докторских и около десяти кандидатских диссертаций; логическим завершением становится выход в свет в 2007 году фундаментальной монографии основателя этой школы, профессора Мамеда Годжаева под названием «Характеры и идеи Ф.М.Достоевского». Вопросам рецепции

творчества русского писателя посвящены две монографии Махрух Тагиевой, изданные в 2019 году. Интерес к Достоевскому был обоснован не только глубинным психологизмом и религиозным содержанием его прозы, интересными суждениями автора и его героев о судьбе России, но и противоречивыми высказываниями о месте и роли его Родины в Европе, об особом положении России между Европой и Азией, во многом созвучные с постулатами и мыслями философа Н.Данилевского, автора книги «Россия и Европа» (*Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., Книга, 1991, 574 с.)*, в которой он не выделил тюрок в отдельный культурно-исторический тип, а перечислил их среди народов – разрушителей мировых цивилизаций. На наш взгляд, рассуждения Достоевского (заманчивая идея о «всеславянском единстве» и «приобретении Константинополя», заодно и побережья Мраморного моря и выход к Средиземноморью) не исходят из реальных исторических отношений России с тюркским миром, а заключают в себе тезис русской православной церкви о возвращении Стамбула и тесно соприкасаются с завещанием Петра Великого относительно этого вопроса. Противоречивость и уязвимость мыслей великого писателя заключается в том, что Европу, враждебно относящуюся к России, он ставит на одну чашу весов с тюркским миром. Начиная с «Философских писем» П.Чаадаева, Россия искала свой путь развития, своё назначение и свою миссию среди мировых цивилизаций. Историческое прошлое, опыт исторического сосуществования России с тюркским миром показали, что ей предначертано было построить евразийский дом совместно с тюркским миром. Известно, что евразийство, как научно-теоретическая и историческая платформа, опирается на культурную доминанту. Она позволяет рассматривать культурно-исторический ареал бытования славянских и тюркских этносов и народов, отдельные этапы истории их сосуществования в перспективе выявления общностей и возможностей будущего сотрудничества. Мы прекрасно осознаём озвученную гениальным представителем евразийства Л.Н.Гумилёвым правду: «По секрету скажу вам, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и благодаря евразийским идеям» *(Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава». Задавал вопросы и подготовил материал к публикации Игорь Савкин // Из интервью журналу «Социум», 1992, № 5. http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm)*. Интересно, что взгляды Достоевского на так называемый «восточный вопрос», негативное отношение к Турции никак не отражаются на адекватном восприятии его в тюркском мире как великого прозаика, мастера психологического анализа. Его предостережения насчет «государства слизняков», «разорителей и умертвителей собственной страны» не задевают национального чувства современных тюрок; сегодня Достоевский – один из любимых, глубоко исследуемых писателей во всем тюркском мире.

В этом отношении нам импонирует статья доктора филологических наук Тасанбека Сатбая (Казахстан) в «Литературной газете» (Москва), в которой подчеркнута важность изучения позиции Достоевского по восточному вопросу в контексте выяснения отношений между нынешними славянскими народами *(Сатбай Т. «Восточный вопрос» Достоевского в контексте времени // Литературная газета, 11.11.2021, Москва)*. Думается, что в новейших исследованиях русских ученых необходимо осветить творчество Достоевского и других значимых для мирового читателя авторов в том свете, чтобы они отвечали интересам и местной национальной аудитории.

Перевод на азербайджанский язык огромного труда Михаила Бахтина «Поэтика Достоевского» усилил интерес к творчеству писателя, способствовал глубокому пониманию его полифонического романа, оживил интерес к романному жанру в азербайджанском литературоведении, стимулировал появление новых исследований по русской литературе, по сравнительному литературоведению, а также новых переводов.

Вместе с тем мы хотели бы обратить внимание на то, что исследования по русской литературе в азербайджанском литературоведении не ограничиваются вопросами изучения литературных связей и перевода литератур наших народов. Немалое количество монографических и диссертационных работ было посвящено анализу идейно-тематического содержания, поэтики и вопросу о концепции человека в русской литературе. Основатель азербайджанского достоевсковедения профессор Мамед Годжаев, подготовивший не одно поколение исследователей азербайджанской, русской и мировой литературы, подчёркивает, что «подлинные художественные творения должны быть рассмотрены без аксиологического и утилитарного подхода к ним», что, будучи «саморегуляцией духовного организма», литература и искусство вызывают к жизни такие образы и идеалы, в которых нуждается общество. Их рождение – вполне закономерное и необходимое явление. Проанализировав поступки героев Толстого и Достоевского, выявив параллели в современной азербайджанской прозе, М.Годжаев подчёркивает, что «к художественному явлению должен быть такой же объективный и бесстрастный подход, как к явлениям природы» *(Годжаев М.Г. О художественном творчестве и методике его исследования и преподавания // Образы и характеры в литературе, Баку, 2009.)*. Этот концептуальный подход к пониманию литературного процесса создаёт благоприятную почву для адекватного понимания художественных творений не только своей национальной, но и иноязычной литературы, определяет правильную методологию их изучения в конкретном культурно-историческом контексте и ареале.

В отличие от Достоевского творчество Л.Толстого стало в Азербайджане популярным ещё при жизни писателя. Азербайджанская интеллигенция и молодёжь всегда с большим интересом знакомились с произведениями и письмами Льва Толстого. Его творения всегда присутствовали в школьной и вузовской программах. Сегодня в школьную и вузовскую программы включены не только «Война и мир», «Анна Каренина», но и «Хаджи Мурат», сказки писателя. Речь идёт как о классах и группах с азербайджанским, так и с русским языком обучения. В последние годы в средней школе стал популярным рассказ «Ильяс», свидетельствующий о симпатии автора к исламу. Рассматривая перечень выпускных работ по предметам «Мировая литература» и «История азербайджанской литературы» (имеются в виду программы филологических и педагогических специальностей), мы выявили, что преподаватели и студенты вузов предпочтение отдают таким темам, как «Шекспир и Лев Толстой», «Толстой и Рабиндранат Тагор», «Шекспир и Достоевский», «Достоевский и Гусейн Джавид» и т.д. Эти темы включаются и в программы спецкурсов. Известный учёный-азербайджанец, востоковед, автор книги «Шамиль и мюридизм» – Мирза Казымбек был учителем Л.Н.Толстого. Многие представители азербайджанской интеллигенции, в том числе первые переводчики произведений писателя, переписывались с ним. Начиная с 80-х годов позапрошлого столетия, рассказы и сказки писателя активно включались в учебники для детей-азербайджанцев.

Исходя из вышеизложенного, хочется сделать вывод о том, что вопрос рецепции и трансформации русской литературы тесно связан с исторической ролью и миссией России в Европе и Евразии, в судьбе нашего народа. Любовь и интерес к любой литературе, её востребованность в иноязычной среде продиктованы её объективным отношением, духовной близостью к языку и культуре воспринимающей стороны.

МАРАТ ШАФИЕВ

В Питере быть

маленькая повесть

Часть первая. Квартирник

1

Бесцельно кружась по летнему Питеру, каменность которого смягчала изумрудная вода каналов, удаляясь от палевых классических фасадов в какие-то достоевские закоулки, Сабир наткнулся на живописную цыганку:

– Дай сто рублей, на автобус не хватает. – Спрятав бумажку в вырез платья, она не отставала, заглядывала прямо в глаза своими чёрно-жгучими очами: – Дашь ещё денежку, всю правду скажу, что было, что будет.

– У меня нет мелочи, только крупные.

Сабир ускорил шаг, но возле газетного киоска цыганка вдруг, напирая пышным телом, оттеснила его с улицы на изумрудную лужайку под высокими тополями, и вот уже вокруг него завертелась карусель: старикашка с серьгой в ушах и посеребрёнными кучерявыми волосами, звенящие монистами визгливые пёстрые женщины, чумазые и смуглые дети. Все они теребили его за рубашку и жарко молили:

– И мне тыщу. И сироткам не жалей.

Отдалённо сознавая, что так нельзя, Сабир, тем не менее, сыпал купюрами, пока не распахнулась железная дверь, и выскочивший киоскёр не зарычал грозно:

– Прекратить галдёж! Что здесь происходит?

– Верните деньги, – просил Сабир. – Они у меня последние.

– Всё хорошо, – убеждал цыган, пятясь назад, – все деньги на месте. Всё хорошо. Ступай, никто тебя не держит.

Цыгане разбежались в разные стороны. Пожилой киоскёр, осуждающе покачивая головой, сказал потерянно застывшему с вывернутыми карманами брюк Сабиру:

– И ты иди. Пропавшее не вернуть.

– Куда идти?

– Неужто некуда? – удивился будочник и показал рукой в направлении чудной башенки в турецком стиле: – Вон туда и иди. Там всяких бедолаг привечают.

2

Одновременно с Сабиром в парадную Башни протиснулся и низкорослый человечек в джинсовке и кроссовках – белобрысым хохолком и острым подбородком похожий на удода; один из тех типов, которые не замечают своего возраста. Сабир поначалу направился к лифту с чугунными решётками, затем передумал и вернулся к широкой винтовой лестнице.

– Да вы не к нам ли случайно? – прошамкал беззубым ртом удод, переминаясь с ноги на ногу, будто собирался взлететь.

– А к нам, это к кому?

– К Моисеичу.

– Это который из пророков?

– Из тех самых. Мой и сей. А матом вей – это Матвей. Но нынешние пророки – не простые квартиросъёмщики, а с довеском – доктора наук, культурологи, мать их.

– Не любите культурологов?

– Я люблю искусство в его чистом виде. А всё, что вокруг наверчено, – ересь. Пробовал я Моисеича читать, от одних названий скулы свело: «О социоприродной органичности художественного творчества», «Парадокс реальности и мнимости предмета культурологии как прерогатива искусствознания». За дураков нас держат. Зачем бумагу марать, если никто не разумеет? Я вот коротко и просто – бац и в дамки: «Ах, у ели, ах, у ели, мы с тобою уху ели». Или вот ещё послушайте: «Во всём мне хочется дойти до самой сути: в работе, в поисках пути и в Камасутре».

– Это же Пастернак.

– Это, милок, концептуальная поэзия. Пастернак, но мною исправленный. До этой игры тоже расти надо. Вас как зовут? Не думай, Сабир, что я разыгрываю и что я – человек пустой. В поэтическом мире Матвей Федин – тяжеловес, чемпион города в баттле. Даже на чемпионат мира командировали, но я в Пулково наклюкался и рейс пропустил. А так мог бы и чемпионом мира стать. От Парижа осталось бы пепелище… Почтальон приходит дважды. Ко мне он дважды являлся, а я вернул телеграмму в бессмертие. Ибо не тварь дрожащая и право имею.

Федин наконец-то отпер ключом дверь:

– Добро пожаловать в Квартирник.

– У меня денег нет, – признался Сабир.

– Как может беспокоить то, чего нет.

3

Квартирник поражал высокими потолками с лепниной, четырёхметровым тёмным зеркалом, изразцовым камином, дубовым паркетом. Но выходящие в длиннющий коридор двенадцать комнат, скроенных из толстой фанеры, – это уже послереволюционная примета, как и на всех обитателей – один душ и один туалет, просторная кухня, но с одной газовой плитой и раковиной. Федин провёл Сабира к самой дальней двери, обитой дермантином, и вежливо поскрёбся птичьими лапками.

В окружении книжных шкафов, за массивным столом с тускло мерцающим компьютером восседал Моисеич, как истинный мастеровой, в простой суконной рубахе с закатанными рукавами, и посасывал зеленоватый мундштук с тонкой тлеющей папиросой. Крупные сжатые челюсти должны были демонстрировать решимость капитана, возглавившего Ноев ковчег, но в сдержанной речи не было ничего категоричного: выбор зависел от самого вопрошающего. Но вот это признание возможности думать и смотреть на вещи по-своему, его кроткая и насмешливая улыбка и разоружали людей, оказавшихся в магнитном поле его притяжения, и невольно заставляли их следовать его воле.

Утонув в вольтеровском кресле, Сабир рассказал о Симпозиуме переводчиков, после которого захотел задержаться ещё на неделю, и сдал билет на самолёт, но теперь ограблен. Можно попробовать разыскать земляков на рынке и занять денег.

– Ромалы в округе необъяснимо много развелись, – Моисеич, пыхнув папиросой, запустил кверху душистую струйку. – Когда ко мне пристают цыгане, я декламирую первые вспомнившиеся стихи Анненского или Горация, и те с бранью отступают. Или лучше сказать: жопа кар, что по-ихнему: пошёл на… Но как же, Матвеюшка, наше золотое правило: не более дюжины? У нас комплект.

– Где же комплект? – Федин даже не присел и всё время переступал ногами. – Марго третий день нос не кажет.

– Я не знал. Не подать ли на розыск?

– Так она летом не впервые балуется. И всё автостопом. Или к маменьке в деревню. К холодам обязательно воротится.

– Тогда, Сабир, занимайте место. Живите, сколько нужно. Но с условием. Вернётся Марго – койку освободить.

4

В неделю раз по воскресеньям на кухне соединяли два стола. Выставлялись вино и румяные пирожки с картошкой и капустой. Наташа сама месила, заправляла, выпекала в духовке и никого к готовке не подпускала. Присутствие на этой вечерне подразумевалось обязательным.

Девахи бритые наголо или с разноцветными волосами: высокие накрашенные скулы, выщипанные брови, проглядывающие на открытых частях тела татуировки, оттягивающие мочки уха массивные серьги; не менее колоритные амбициозные мужские типажи – с большим правом вечерню можно было назвать и шабашем. В этом обществе молодых поэтов и художников пятидесятитрёхлетний Моисееич, всегда тщательно одетый и выбритый, источающий душистый запах, и впрямь выглядел Патриархом. Среди всеобщей анархии он утвердился прочно, как утёс. В него невозможно было не влюбиться, облагороженного классическим городом, суровой северной природой и историей, будто и в самом деле в нём текла особая благородная кровь.

Воскресного веселья было много. Хором упрашивали сюрреалиста Ладейникова вынести новую работу, Ладейников важно выносил ещё свежий краской холст, кто-то переворачивал его вверх тормашками, и зрители, к возмущению автора, утверждали, что при новом ракурсе обнаруживается больше смысла. Ещё пуще смех сотрясал воздух, когда вспоминали заказчика, который ни за что не хотел забирать свой портрет, и Ладейников впихивал портрет силой: «Идите и постарайтесь стать похожим на самого себя!» Ворожила гитара: «В Петербурге мы сойдемся снова», Федин потрясал очередным каламбуром или палиндромом: «Небо дописывая, не доходен я, а выси подобен», – и змея Уроборос кусала сама себя за хвост. Чай положено было пить «пуганный». После заваривания дружно орали на чайник: а-а-а! Моисеич совал туда горящую головёшку, после чего «нифиля» и «доджики» – чаинки, плавающие на поверхности или посередине, залегали на дно к своим соплеменникам – «марцифанам». Моисеич иногда исповедовался в своём хипповском прошлом. А однажды, когда вино закончилось и не смогли обща наскрести на добавку, даже решил продемонстрировать искусство «аска» – грамотного попрошайничества. Он уже растоптал ногами кепку, чтобы образ павшего интеллигента получился убедительным, но тут его мобильный известил о поступлении на банковский счёт гонорара от какого-то журнала, и Наташа, преградившая путь Моисеичу, облегчённо вздохнула и, вручив карту Сабиру, отрядила его к ближайшему банкомату.

Праздники потому и существовали, что их оттеняли будни. И снова нечаянные попутчики разбредались по своим делам и каютам. Сабир устроился кочегаром по протекции и паспорту Федина. Тот нигде не работал и работать не желал – действительно, беззаботная божия птичка, для которой готов и стол, и кров под каждым кустиком.

Часть вторая. Наташа

1

График Сабира очень устраивал: сутки – дежурство, двое – отдыха. Он засел капитально за перевод поэмы «Сокровищница тайн». Федин навещал его теперь только в ночные дежурства.

Зарядили осенние промозглые дожди и туманы, а в котельной не переставал жарко и ровно гудеть огонь. Федин пил водку в одиночку, Сабир сохранял голову ясной для писания. Уже мысленно приуготовив себя для завтрашнего подвига, он, покручивая газовый вентиль, вполуха слушал пьяное бухтение Федина на любимую тему: «Почтальона, который приходит дважды»:

– Трагедия в том, что все видят, но нет людей, которые понимают. Даже апостолы мерят по своему росту, приспосабливают для своих нужд. Даже самый близкий – Наташа, врачебную карьеру бросила под ноги гению, никак в этом высоком огне не преобразится, слаба в коленках.

Федин плеснул остатки из бутылки в стакан, вяло пожевал плавленый сырок:

– Ты ведь тоже, Сабир, запал на неё.

– Сильно заметно?

– Она точно замечает. Ты попытайся, наверняка не откажет. Моисеич в два раза старше, здесь и чуткая, оттого что последняя, нежность и благодарная ласка – это дорогого стоит. Но похотливой самке подавай погорячей и по-грубому, со сверстником. Инстинкт превыше закона.

– Зачем только Моисеич тебя терпит?

– Эх, милок, нас такое прошлое связывает, что покрепче железных скреп. Прошлое – единственная субстанция, которую нельзя исправить. А может, я – оборотная сторона пророка? Я нужен ему, чтобы знать: каким быть нельзя.

– Да соображаешь ли ты, что, выставляя неуд своим друзьям, ты себя в первую очередь принизил? Чем ты лучше Наташи в своей слабости не коленок, но совести?

– Ха-ха, назначаешь меня на роль Иуды? Чтобы предать, нужно сначала полюбить. Но если у кого и была совесть, то это у него, удавившегося от стыда. У остальных духа не хватило, утёрлись плевком в лицо. Да и Иудой в итоге, может, окажешься ты, а не я.

– Пошёл прочь, пьянчуга!

– Истина в вине, а в водке горькая правда, – Федин даже не помышлял ретироваться; вжикнув молнией, освободился от куртки, кинул её на топчан, прилёг сам, поджав ноги, – умиротворяющий огонь и спиртное начинали действовать. – Самое забавное, что в истории было много случаев, когда ученики предавали. Но не было, чтобы учитель предал ученика. Потому что в истории он как учитель уже не значился.

2

По первому снегу Квартирник с лыжами и гитарой рванул на несколько дней в Комарово. В доме остались двое.

– Наташа, я к тебе – проконсультироваться. Сердце болит. Что купить в аптеке? Выдают ли без рецепта кардиомагнил или обойтись валидолом?

– Покажи, где болит. Сердце же не здесь, а по центру, – Наташа сильно давит кулачком по левой части спины, и я кричу от боли. – Это простуда. Не лекарства, а качественный массаж. Ну-ка, скидывай одёжку и ложись.

– Больно, рёбра сломаешь.

– Вот и хорошо, что больно. Слышишь – соли хрустят. А теперь встань, руки за голову, сгибай локти вперёд и назад. Отпустило?

– Не надо, – шепчет она, когда я прижимаю её к голому торсу.

«Не надо» – когда целую мягкие губы, высокую шею, но в голосе нет ярости, и она не сопротивляется, когда я её раздеваю, обвивает меня руками и ногами, «не на-а-а-до» – выпевает протяжное, хриплое, подстраиваясь под убыстряющийся ритм, впускает во влажные и сладкие пределы, и счастливое освобождение, и предательские слёзы… Ты плачешь? не отворачивай лица, тебе было хорошо? и мне хорошо, сильные мужчины не должны стесняться своих слёз, не отворачивай лица.

Он был разочарован лёгкостью, с которой она пошла ему навстречу, он был горд своей победой, впитывая глазами покорное его длани гибкое прекрасное тело, близкое прекрасное лицо с прозеленью ещё недоверчивых глаз и нежной родинкой на беззащитной щеке, смуглым пушком над розовыми, чётко очерченными губами.

И лишь уже в своей комнате с заиндевевшими окнами, проснувшись среди ночи то ли от холода, то ли от другого, вдруг понял, какого дурака он свалял: никакой победы не было, победа обернулась поражением, и только в этой тоскливой отдалённости и заключается настоящая близость.

3

Она соглашается, чтобы я сопровождал её в поездке – Моисеич забыл на комаровской даче рукопись.

Зимой в дачном посёлке пустынно, снега по пояс, фиолетовые голые деревья больше похожи на ледяные скульптуры.

– Разжечь печь? – спрашиваю я.

– Это долго и хлопотно. Перекусим бутербродами и назад – успеть на последнюю электричку.

– Как без печи? Вода в колодце замёрзла. Снег в самоваре растопить – нет электричества.

– Эх, вы, поэты крылатые. В небесах витаете, а напоить жаждущую подругу не способны, – смеётся Наташа и достаёт из рюкзака армейскую фляжку с брезентовым чехлом. – Коньяк годится?

– Ещё как годится. Чтобы сделаться поэтом, надо влюбиться или жить бедно. У меня того и другого в избытке. Но куда мы спешим? Останемся на ночь.

– Нет, я обещала Моисеичу живёхонько.

– Но не сказал ли сам Иисус: «Моисей дал вам закон, я принёс вам любовь».

– Это было желание любить. Весь ужас в том, что желаемое сбывается. Но ужас во мне сильнее.

– Где же выход?

– Выход – это зеркальное отражение входа… Как коньячок?

– Ни черта не согревает, – говорю я.

– Дай и я отхлебну. Горечь отвратная. И ещё холоднее, – Наташа расстёгивает пальто. – Ладно, давай согревать друг друга. Руки окоченели. Помоги раздеться.

4

Скользя и падая на ледяной дорожке, мы спешим к станции. Прямо на глазах тает золотое солнце, но всё равно белый свет, бьющий из земли в небо, так силён, что пробивает даже подступающую тьму. Но как бы мы ни спешили, невозможно пройти мимо полуоткрытой двери в деревянную часовню. Мы роняем звонкую мелочь на поднос и от горящей лампады разжигаем свои тоненькие свечки. Становится чуть светлее, и мы замечаем перед невысоким иконостасом одинокого священника в белом облачении и с длинной золотой лентой, вышитой крестами, огибающей шею и двумя концами спускающейся на грудь. Подходим по очереди и целуем его ладонь с крупными венами, а он осеняет нас крестным знамением.

– Скажите, батюшка, какой иконе нам молиться? – спрашивает Наташа.

– От какой напасти?

– От всего.

– Каждая молитва в Доме Божием услышится. Но в церкви Святому великомученику Пантелеймону ему и молитесь.

– А как молиться?

– Я буду говорить, а вы повторяйте… Болим завистию, гордостью, надменностью, превозношением. Болим чревоизлишеством, сластолюбием, сонливостью, исцели ны, о святый Пантелеимоне. Болят наши очи греховными воззрениями; болят наши уши слушанием пустословия, злоречия, наветов: исцели ны. Болят руки нерас-

положением к молитвенному воздаянию и к подаянию милостыни: исцели ны. Болят наши ноги – нежеланием поспешно идти в храм Господень. Болит, зело болит язык наш, уста наши, пустословя, празднословя, злореча, – отвращаясь от молитвословий и славословий божественных или произнося их небрежно, рассеянно, без внимания, без понятия: исцели ны, о Милостиве. От главы до ног болим мы: болит в нас разум непонятливостью и неразумностью, безумием; болит в нас воля, отвращаясь от святых занятий и стремясь к делам вредным и богопротивным; болит в нас память, забывая наши прегрешения. Болит в нас воображение, не умея и не желая живо представить нам нашу смерть, вечную муку грешных, блага Царствия Небесного, крестные страдания Христовы, Его распятие. Исцели ны, о святый Пантелеимоне! Всё во мне болит.

Часть третья. Моисеич

1

В апреле 2020 года Питер закрыли на карантин: ни въехать, ни выехать.

Наташа собрала рюкзачок и – цок-цок – на шпильках засеменила на войну. Врач-кардиолог, а вызвалась медсестрой в инфекционную реанимацию.

– Михаил Моисеевич, как же вы отпустили?

Он сидит, опустив голову, лязгая зубами, в сумеречном кабинете возле камина и всё равно не может согреться.

– Вот и я говорю: как же Пасха? Хотели вместе… Булгаковщина какая-то: был месяц нисан. Страстная неделя.

И зачинается беседа – вернее, монолог – один из тех, который запоминается на всю жизнь.

– С возрастом память худеет, сквозь худую сеть легко ускользают золотые рыбки. Я всё забыл, но неожиданно из подсознания всплывает Гораций: мутато номинэ, дэ тэ фабуля нарратур – сказка рассказывается о тебе, изменено только имя; нон сум, квалис эрам – я уж не таков, каким был прежде; дульцэ эст дэзипэрэ ин лёко – приятно в своё время подурачиться. О, дивный язык, на котором разговаривают боги! Любая чепуха на латыни звучит глубокомысленно. Мёртвый язык и мои учителя – мёртвые боги. Об этих именах лучше умалчивать. Даже не имя моего учителя – Сергея Бочарова, а учитель учителя.

Вот такие же молодые аспиранты-филологи: Бочаров, Георгий Гачев и ещё не помню кто – кажется, Кожинов, в подмосковной Малеевке, в зачуханном бараке впервые для себя услышали чудное слово – хронотоп. Что всё совершается не здесь и сейчас, но в вертикали и шаре Целого: во Времени-Пространстве!

Пророки, оказывается, бывают разными, в 1960 году он предстал приземистым стариком на костылях, подслеповатым и облысевшим, посасывающим мундштук с вонючей папиросой. Терминов было множество, все хорошо знакомые: Карнавал, Диалог, не-алиби в бытии, но старик, как фокусник, так ловко их выворачивал, что они представали Терра Инкогнита и с заглавной буквы. И сам Гачев, впрочем, ещё не подозревающий о своей замечательной будущности, встал перед лагерником, отсидевшим в мордовских лагерях бог знает за что – за какой-то марксистский ревизионизм, на колени: «Научите, как так прожить жизнь чисто и абсолютно?!»

Михаила Михайловича Бахтина упрекают в формировании у целого поколения «стёбности» мировосприятия, а шире – в формировании философии десоветизации. Всеядный постмодернизм размахивает «смеховой» культурой, как своим знаменем, включила бахтинские термины в предметы внутреннего потребления, но, попробовав на зубок этот орешек, зуб только сломала, не раскусив ядрышка сокровенной мысли. Немногие подозревают настоящего Бахтина, и многие атеисты были перевербованы,

когда обнаружили этот портал.

Когда Бочаров поделился идеей написать Всемирную историю Совести, Бахтин спросил: «А на что вы обопрёте совесть?» Бочаров растерялся: вроде самоопорна она и заложена в человеческой природе. «Для меня опора совести – Бог, – сказал Старик. – Но если вы не чувствуете, то пишите так, как будто совесть была бы последняя инстанция».

С ума сойдёшь, если быть включённым в хаотическое кружение техногенного мира с его симулякрами и нарративами. Воистину Колесо Сансары. Чем же держаться человеку? Волчок кружится, а устойчивость сама самовыделяется.

– Я понимаю, Михаил Моисеевич, куда вы клоните, но в моём случае есть на кого опереться. Низами – это шейх шейхов, учитель всего Востока.

– В таком случае я за тебя спокоен… Я виноват, что не обратил внимания на твой труд. На каком он этапе, и в чём его насущность?

– Переведены более двух тысяч месневи – двустиший. Шестьдесят лет от последнего перевода Липскерова и Шервинского – срок солидный, особенность же моего перевода в том, что я использую короткий размер, не характерный для средневековой поэмы. Но неспешный караванный шаг в двенадцать слогов для современного читателя невыносим, и он непроизвольно переходит на бег. А ямб – это самый гибкий размер русского языка: у Пушкина – это эпический «Онегин» и самая интимная лирика. И был же прецедент Сосноры, вольно переписавшего «Слово о полку Игореве» и самой авангардной рифмой. Его счастье, что европейская культура снисходительна к подобным экспериментам, нам – восточным поэтам – такое непозволительно. Попробуйте внести отсебятину в Коран – сразу секир-башка.

– Можно ли прямо сейчас ознакомиться с рукописью?.. Весьма любопытно. Надо продолжать. А вообще, Сабир, тебе надо позавидовать. Ты сразу нашёл дело всей жизни – опус магнум, большинство всю жизнь так и занимаются пустяками. Но критик не может обойтись без ложки дёгтя. Насколько мне помнится из филологической юности, вторая беседа называлась «Разговор двух сов», а у тебя – синицы.

– Но в оригинале сов нет, и щебечут безымянные птички.

– Но совы уже стали каноном, на них опирается теория, боюсь, низамиведы будут в ярости. Не надо дразнить гусей.

– Дайте подумать. Тогда вот так: но заухали две птицы, пробуя договориться. И дальше: вместо куриц и коров насадил кругом я сов.

– И увидел Бог, что это хорошо.

2

В отсутствие Наташи опустел и Квартирник, и я стал единственным свидетелем ночных бдений Мастера. Всё чаще в его руках покоилась Библия с множеством закладок:

– Чтобы питать мозг новыми идеями, мне больше не надо перечитывать Уитмена, Хайдеггера, Бодрийяра, Стругацких – мне достаточно одной книги… Ещё одна моя нереализованная фантазия: составить «Гадание по Библии». А эпиграфом взять из Притчей: «В полу бросается жребий, но решение его от Господа».

В старину гадали по Книге. Цветаевой однажды выпало: петля. Но библейские пророчества будто разбавлены водицей, чтобы легче было их выносить, гадать по ним – ловить рыбу в мутной воде. И вот бы сделать гадательную книгу, где пророчества даны в их густом замесе, в критической концентрации. Так вода превращается в соль. Федин бы скаламбурил: воду в ступе толок, чтобы вышел толк… Первые единицы после бросания кости отсылают нас к Ветхому Завету, первая шестёрка – это уже Евангелие. А заканчивается числом зверя – 666. Задай мучающий тебя вопрос, и Книга ответит. Хочешь проверить?

Я открываю Библию наугад и читаю вслух первую попавшуюся фразу:

– «В доме же том оставайтесь и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом».

– Теперь я… «Разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он юродствовал пред Мною? Неужели он войдёт в дом мой?»

Снова моя очередь, в горле пересохло, и я с трудом выдавливаю:

– «Иди ещё и полюби женщину, любимую мужем, но не прелюбодействующую».

– Не может быть, – Моисеич забирает книгу. – Верно, Осия, глава третья, стих первый. Сколько ни перечитывай, а каждый раз обнаруживаешь новый текст… Теперь я на посошок. «В чём здесь тайна, я не знал. Может, потому, что не был пророком». Стало быть: аминь, – Моисеич захлопывает Библию. – Так и с ума сойти недолго… Какая невозможная тоска отсюда рвётся. Я давно понял: да они же, авторы, не находили никого себе адекватного. То ли космическое крушение, то ли какой катаклизм, и одиночество посреди всеобщей дикости. «И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу» – там есть, как жить, как из зла лепить добро, как относиться друг к другу.Там бешеные поэтические сравнения и образность. И там наука – гигантский физический эксперимент и параллельно запись цепной реакции. И всё зашифровано. Высшие игры высшего разума. Либо они знали, что у эволюции свои сроки и раньше времени ничего не бывает. Но Книга нам оставлена, значит, не такие мы пропащие и возлагаются на нас надежды.

3

Огромная квартира, освободившаяся от шумных обитателей, дышала, как океан Солярис, могла родить любой образ. С наступлением темноты скрипел паркет будто бы под чьими-то лёгкими шагами, в туалете голая лампа искрила от напряжения, и возникало ощущение чужого дыхания в затылок.

Активизировалось четырёхметровое старинное зеркало в чёрной толстенной раме и в тёмной нише. Днём в него проваливалась вся квартира, а ночью оно зияло жуткой чёрной дырой. Я вглядывался в зеркало и видел лицо, которое не отождествлял с собой – зеркало искажало отражение и делало его темнее. И я знал, что нет объекта, нет отражения, нет зеркала – а есть единство, бытие без распада и разделения, и моё «я» – это тоже лишь иллюзия отражения в зеркале для кого-то другого.

Замечал ли Моисеич погружение Квартирника в запредельное? Не мог не замечать – его тяжёлость, больше не уравновешанная жизнерадостной юной энергией, атмосферой шутовства, неумолимо погружалась в последние глубины, где невозможно миновать таинственный и тёмный лес и тёмную часть души. Он больше не выбирался на прогулки вокруг Башенки по Каменноостровскому проспекту: от Троицкой площади до набережной реки Большой Невки, забывал готовить обед, и эта обязанность перешла на меня.

Он никак не мог откашляться и захлёбывался собственной мокротой, и я, игнорируя его запрет, позвонил по мобильнику Наташе. Его увозил реанимобиль.

Я блуждаю по безлюдной улице, и вдалеке мелькает Моисеич. Я кричу, машу рукой, пытаюсь догнать, а он отгоняет рукой. Я невольно останавливаюсь: как же так? единственная живая душа на улице, к тому же близко знакомый, и вдруг отказывается меня подождать, помочь. Проснулся в холодном поту. А потом звонок Наташи: Моисеич умер.

Может, сны посланы нам в качестве предупреждения, и ещё можно успеть что-то предпринять?

Часть четвёртая. Больничка

1

Разрешалось присутствие только ближайших родственников – на Комаровском кладбище с весёлыми жёлтыми лютиками, Моисеича хоронили Наташа, Федин, я и трое могильщиков. Наташа выла так, что отзывались окрестные собаки.

Федин говорил, что весть распространилась в интернете, и хотя объявлено, что панихиды не будет, народ собирается в Квартирнике. Наташа ехать отказалась.

Мы петляли по весеннему лесу, звеневшему птичьей симфонией, всей грудью вбирали хрустально-чистый и сладкий воздух.

– Какое счастье – просто дышать. И жить не хочется, и умирать не хочется, – слёзы снова потекли из её опухших и красных глаз. – Это я его заразила. Мы же ночуем в отеле, рядом с больничкой. Мне сказали, что я переболела, я-то всего один раз и заглянула домой – забрать сменку. Не говори ничего. Он же умер, пожав на прощание мою руку. Я сама всё знаю, я – сильная, я справлюсь… Мирная больница сегодня похожа на крепость с тремя охранительными зонами. Гинекологи, хирурги, ревматологи, дантисты, медицинские сёстры – все стали инфекционистами, одетые, как космонавты: респираторы, очки, бахилы и три пары перчаток. Персонал меняется каждые четыре-шесть часов. Немного отдыхает и опять возвращается. У меня шагометр в телефоне, за смену двадцать четыре километра. Когда сбрасываешь костюм, из него льётся ручьём твой пот. Мы теперь там – одна семья. Посторонних в медицине всё-таки нет, сюда идут по призванию. Многолетние дежурства, практика, результат – система сама выдавливает лентяев и дураков… Мы научились быть чистенькими и ответственными, вспомнили, что жизнь и смерть – не шутки, и надуманные проблемы на фоне реальных страданий перестают существовать. Пандемия, как война, вернула нормальную этику взаимоотношений.

Но дело в том, что это первая волна не достигла пика, она смоет процентов на тридцать медиков. Кто дальше будет лечить, кого кинут на баррикады?

Сейчас все койки заняты – везут и везут. Дедуля-фронтовик удивляется: «Что творится? на войне и то легче, врага в лицо видели и знали – кто враг». Мальчика совсем привезли – фельдшер со скорой, красивый. На искусственную вентиляцию ткнули, а температура такая, что жесть. И не снижается ничем. Уходят, казалось бы, здоровенные, не отягощённые побочными болячками. Уходит генофонд. Если пожилые маются долго и за них борются, то молодые сгорают за три-четыре дня.

По десять трупов в день. Морг ими завален: на каталках, на полу. Зачем вскрывать всех? Тупые инструкции. Довольно несколько трупов, везде типичная картина коронавирусной инфекции: грязно-коричневая масса из лёгких, сердца, печени и других органов. Вирус всё пожирает, остаётся только скелетный каркас. Муха, которую высосал паук.

Но если ты правильно лечишь, это убеждает Всевышнего не торопиться. Ну, уколы делать, мыть и обрабатывать пациентов я и так умею. Научилась сканировать трубку – у пациентов на вентиляции нужно отсасывать мокроту. Сейчас не до пространных лекций. Десять раз смотришь, десять раз делаешь с кем-то, на двадцать первый можешь сам. К пациентам родных не допускают, и ещё важно их ободрять: подержать за руку, поговорить. Я знаю их биографии, семейные тайны.

У нас самая лучшая работа на Земле. «Послушайте, лёгкие проснулись. Она же практически была мертва», – и все счастливы. Смех в инфекционном отделении – даже в аду есть жизнь…

Хочу выспаться, заодно прибраться на даче. Завтра в бой. Тебе лучше подстраховаться, держаться от меня подальше. Но это же не навсегда? Куда нам торопиться? Впереди – жизнь.

Поцеловав кончики своих пальцев, Наташа прикладывает их к моей щеке и насмешливо поёт:

– Пчёлочка златая, ну что же ты жужжишь?.. Любить её можно, а целовать нельзя.

2

Гости уже разошлись. Две соседские женщины с верхнего этажа мыли пол круглыми щётками на длинных алюминиевых рукоятках, упаковывали мусор и пластиковую посуду в полиэтиленовые чёрные мешки. Федин с восторгом рассказывал, что, словно в евангельском сюжете, еда и питьё приумножались сами собой; люди, пересилив страх подхватить заразу, всё прибывали, и пришлось занять столы у соседей. А когда кто-то в очередной раз провозгласил: «Царствие небесное», и была тишина, траурная фотография на стене стала раскачиваться, пока не упала с грохотом, а стекло разбилось. Все подскочили и перешёптывались: Моисеич приходил.

Федину по наследству досталась тёткина комнатушка в пригороде, и он выпросил диван Моисеича. Из отпавшей при разгрузке донной фанеры он выпилил двустворчатую дверцу для антресолей. Он мне показал это чудо: когда дверцы захлопнулись, древесный рисунок сложился в лик Христа.

Во сне возникает Моисеич и удивляется, что вынесены его вещи, и где документы? И неудобно объяснить, что он умер.

На сороковины Моисеича Наташа покончила с собой. Героика – оказывается, так по латыни звучит «сильнодействующий».

Почему же она сказала на последнем свидании: впереди – жизнь, если уже приняла решение?

Азербайджанское посольство организовало чартерный рейс для своих граждан. Я улетел домой. В Питере меня больше ничего не держало.

Последнее посмертное благодеяние от Мастера – комментарий к публикации моих переводов в «Неве». В пику Юрию Конкеру, обвинившему меня в непонимании поэзии, Моисеич назвал переводы блистательными: «Главное – иметь нахальство знать, что это стихи».

Придёт время, когда ты решишь, что всё кончено. Это и будет начало.

Эпилог

Пройдя под ажурной каменной паутиной к гробнице Низами, Сабир опустился на колени. Судороги сотрясали его – он плакал открыто и самозабвенно, как плачут только в детстве, и не пытался сдерживать себя. Он внезапно осознал, что в жизни за всё – хорошее и плохое – надо платить. И чем выше крен в ту или иную сторону, тем выше плата: «Даже всемирный потоп не потушит ад моей души». На каменной плите латиницей нарисовалась надпись, он ладонью утёр слёзы, чтобы прочитать: «Если слёзы прольёшь ты на прах мой – в ответ На тебя я пролью свой немеркнущий свет».

В гянджинской гостинице на перилах балкона едва оперившийся воробушек никак не решится, к неудовольствию бранящейся мамаши, впервые сигануть в неведомую пустоту. Нежные пёрышки на распахнутых крылышках тщетно ловят хоть струйку в застылом воздухе. И вдруг срывается вниз, пищит и отчаянно трепыхается, почему-то не разбивается, летит неуверенно, шатко – уже не птенчик, а птица.

10 августа 2022

МАРАТ ШАФИЕВ

Из истории русскоязычной бакинской поэзии

«А ВАМ Я НЕБО НАПИШУ!»

«*От деда к отцу, от отца к сыну… Это наследствие…/ не просто инструмент, на его счету много уже хороших произведений./ Он хранит много тайн./ Изо дня в день он трудится вместе со мной (…) кисти стираются, холсты уходят, а он только преображается./ Ещё им можно точить карандаш и мазать масло на хлеб, когда нет карандаша*» – этот текст он озаглавил: «Мой мастихин». В роду, где и дед, и отец, и старший брат – художники, трудно не быть художником.

После смерти отца – Гасана Хагвердиева, своими учителями он считал близкое окружение родителя – Камала Ахмеда, Санана Гурбанова, а дальше: учителя учителей, средневековая каджарская школа, итальянское Возрождение и всякие модернистские штучки двадцатого века: неоимпрессионизм, кубизм, фовизм – нет им числа.

Художественная школа Азимзаде (1975 – 1979), Азербайджанский государственный педагогический институт, факультет графики (1979 – 1984), Московская художественная академия (1988 – 1991) – это только формальные ступени восхождения, но главный учитель – сама жизнь: «*Я, пожалуй, наряжусь,/ Одену белые одежды:/ Длинный синий плащ и лёгкие сандалии, /И пойду, и ветер золотого побережья/ Будет мне попутчик, поводырь и звук моей печали*», «*одного никто не знал загодя –/ Путешествие насколько опасное?/ А оно оказалось сверхсрочное:/ За одной войной – война новая,/ Корабельный бунт и всё прочее./ И, конечно же, любовь бестолковая*».

Когда твои картины начинают выставляться в галереях Парижа, Берлина, Вены, Москвы, Нью-Йорка – это не просто признание мастерства, каждая высота – это и новая высота духа. В 2000 году Уджал Хагвердиев, приняв христианство и получив благословение Патриарха Алексия, в своём родном городе Баку приступил к росписи церкви Михаила Архангела.

Стоя на высоких строительных лесенках под самым куполом («*я – как ветер: тру и тру ладонью стены*»), писал ли он канонические лики или автопортрет: аккуратная чёрная бородка; с середины расчёсанные на две стороны, спадающие на плечи мягкими прядями волосы, и свою Елену с сыном: скуластое лицо с остреньким носиком – вопросы риторические. Но вот на той высоте, где цель сама находит тебя, и золотой свиток времени разворачивается сладко-медленно, и кажется, что счастье неминуче – почувствовал ли он свет другого неба и дуновение другого ветра?

Работа длилась уже четыре года, когда Уджал в Крещение окунулся в январскую прорубь – простудился, слёг. *«И без страха, без оглядки и без опаски/ Возвращению и воскресению – причащаешься!!!»* – это он написал за два года до смерти. В 2002 году – в год смерти ему было 44 года. Как некогда Чехову. И не сказано ли в Послании апостола: «Неужели вы не знаете, что все мы, крестившиеся во Христе, на смерть Его крестились».

Роспись церкви завершала уже Елена. Это ей он каллиграфическим почерком до последнего уголка расписывал письма из Братска и Иркутска, где в 1985 году проходил армейскую службу, это её он не уставал запечатлевать в красках и в стихах. Его первая любовь и его жена. Лишь один пустой угол церкви тревожит своей тайной. Может, это так надо. «*Не возвращается голубь,/ Показался валун голый…*», самые важные символы – это символы нерукотворные.

Конечно, жизнь – не гладкая бумага, однажды Елена, устав от погони за миражами, от вечно захламлённой, не поддающейся уборке квартиры, собрала вещички, как вдруг в открытой двери нарисовались миниатюрные японки. В самой обыкновенной одёжке, и тем не менее – экзотичные японки. Они что-то долго лопотали, вписали в развёрнутый пергамент имена Елены и Уджала, дали выпить вишнёвый сок, в этот же сок окунули палец ошеломлённой хозяйки и приложили печатью. Когда они удалились с поклонами, не заглядывая к соседям, Елена растолкала спящего мужа, нисколько не удивившегося: «Ты так и не поняла, что это были Ангелы?»

Это теперь ясно – почему ему много удалось с первой попытки, почему он писал без помарок. И если он, как молниеотвод, притягивал разные приключения; и если он, отчаявшийся от безденежья, вдруг удачно продавал картину и спешил наверстать упущенное, и тратился моментально на весёлое многолюдное застолье – то это из той же оперы: ему было зачем спешить.

В его холстах и стихах много «города», в самых разнообразных формах, в обрамлении райских садов и дорог: «Я *хотел бы написать/ Целый сад городов, / И для каждого города – сад*»; почему? потому ли, что сам, всегда мечтающий о домике на берегу моря необозримого, с дверцей из ракушек, ощущал себя разрушенным городом, городом без стен, и потому находил себе опору в этих грёзах: «*Я – художник этого города. Этот город мой сын*». И кто может утверждать, что грёзы неосуществимы? светятся же на стенах материальные холсты, сын подобрал выпавший мастихин, и голосит колоколом Церковь – город в городе: «*И не беда, что дождь явится без приглашения», «и краски смоются отчасти,/ Останется лишь корка хлеба/ от праздника… и всё же, всё же,/ Какое это было счастье –/ Немного написать Вам Неба!*»

Наверное, свои стихи он полагал сколками основной монументальной работы, иначе бы публиковал и сборники стихов. Но единственную его книгу делали родные и друзья уже после его смерти. Без типографского штрих-кода, закрепляющего авторские права, без названия, но на толстой гладкой бумаге, с фотографиями страниц оригинальных писем и записных книжек художника – книга выглядит достойной памяти своего героя.

И эти стихи, сделанные просто, без всякой технической изощренности, подобно библейской притче, несут основную нагрузку на смыслах, которые не утрачены за всё время человеческой истории.

Уджал Хагвердиев

* * *

Я несу корзину грусти,
Только сверху, чтоб не знали,
Положил сухие листья.

Я несу вино и слёзы,
Губка напиталась солью.
А вино теперь уж уксус –
Не годится для застолья.

Так что я отправлюсь в келью,
Там, где вряд ли кто увидит,
Что я губку выжимаю
Над тарелкой невеселья.

* * *

Есть прехорошенький замок у моря,
Он из песчинок, из чистого золота,
Только вот крыша немного расколота,
Но я починю её, видимо, вскоре.

Есть прехорошенький замок песочный
С садиком внутренним, с садиком внешним,
Только вот двери немного непрочны,
Я их починю послезавтра, конечно.

Есть прехорошенький замок прибрежный,
Песчинки в нём скреплены мёдом янтарным,
Только балкон стал немножечко ветхим –
Тот, что двух башенок строился между.

Есть прехорошенький замок сыпучий,
С ровиком, чтоб неприятель не рвался,
Было куда чтоб расплакаться тучам,
Только вот мостик совсем истрепался.

Есть в прехорошеньком замке под ветром –
Комната, где фитилёк от свечи,
Есть ещё жерло большущей печи,
Только вот угля давно уже нету.

Есть ещё в комнате этого замка
На стенке белёсой картина цветная,
Только беда, что картина без рамки,
Но я куплю её, я это знаю.

Я поселюсь в этом замке хорошем,
Буду приманивать птицу скворешней,
Есть для воды оловянная кружка,
И ещё хлеб на тарелку накрошен.

Угли достану, балкон перестрою,
Мостик поставлю на новых опорах.
И перееду туда очень скоро,
А старый дом на замок не закрою.

Оставлю окошко для ветра открытым,
Для солнца, чтоб лилось внутри без стесненья,
И на окне будут верить растенья,
Что дождик просеют в небесное сито.

Разговариваю...

Дом деревянный,
Корабль голландский.
Разговариваю с собакой
На языке датском.

На мачте остаток паруса,
В корзине – гнездо аиста.
Я разговариваю с ветром
На языке детском.

Песок наступает медленно,
Море уходит в летопись.
Разговариваю с волнами
Вздохами полными.

Не возвращается голубь,
Показался валун голый.

Летит...

Я грустнее кузнечика,
Грустней апельсиновой корки –
Летит невесёлое облако,
Наворачивается дождь мелкий.

Я плачевней разбитого блюдца –
Глупо такое-то склеивать.
Городские безумные ласточки,
Будто ловчие птицы, мечутся.

Целый пучок струн гитарных
Дребезжит на фонарной площади;
Фонари с головой укрываются,
Сжимают стеклянные челюсти.

Я печальней своей же истории,
Грустней байдарок Австралии.
Летит невесёлое облако –
На меня растопырило пальцы.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Посредник

Представьте себе боксеров на ринге, а вместо рефери, подающего сигнал к началу либо к окончанию боя, стоит персонаж, призывающий закончить поединок полюбовно. Не начинать или продолжать драку, как намеревались противники, а услышать голос разума и попытаться разрешить спор полюбовно. Каким может быть результат деятельности такого миролюбца? Ответ, как мне кажется, на поверхности. Тот, кто сильнее, захочет диктовать свои условия. Посредник ему нужен для того, чтобы слабая сторона приняла его условия, прекратив борьбу. То есть объявила себя проигравшей стороной со всеми вытекающими последствиями.

У Азербайджана есть печальный опыт общения с посредниками. Минская группа ОБСЕ почти 30 лет выполняла роль посредника в конфликте между Арменией и Азербайджаном. Если принять во внимание 4 резолюции Совета Безопасности ООН, призывающие Армению освободить оккупированные азербайджанские территории, то, казалось бы, в этом случае деятельность посредников четко очерчена. Их прямая обязанность заключалась в том, чтобы убедить Армению, используя мирные рычаги давления, уйти с чужих земель. А что произошло в реальности? Посредники почти 30 лет стремились удержать «статус-кво», свое влияние и умение употребить для того, чтобы азербайджанские земли оставались под армянской оккупацией. Чтобы в конечном итоге оккупация «de facto» переросла в «de jure». Оккупация Арменией азербайджанских земель получила бы правовой статус. Так же, как сейчас происходит с украинскими землями, объявленными после оккупации российскими. «Навечно».

Если гипотетически попытаться определить, в чем заключается роль посредников, то приходишь к следующим выводам. Посредники – те люди, которые стремятся к миру. К тому, чтобы прекратилось кровопролитие и к тому, чтобы справедливый мир восторжествовал. Посредники, по определению, не должны безоговорочно принимать аргументы одной из сторон, а наоборот, должны пытаться расслышать оба голоса и в итоге прийти к какому-то разумному решению. В случае очевидной агрессии их задача – поддержать жертву, возместить ей убытки и наказать агрессора. Такой я вижу миссию посредников. На деле мы наблюдаем другую картину. Очень часто, не всегда, но часто, посредники изначально занимают позицию одной из сторон, даже если эта сторона является агрессором. Почему они это делают, вопрос сложный. Как правило, на это несколько причин. Самая банальная причина – коррупционная, когда посредников покупают. Просто деньгами или «борзыми щенками». Могут быть причины более высокого порядка, такие, как сочувствие к одной из сторон, даже если эта сторона является агрессором. Такая ситуация сложилась в армяно-азербайджанском конфликте.

Одним из посредников выступала Франция. Всем известно, что французы всегда с сочувствием относились к армянам и при любой возможности поддерживали их. Надеяться на то, что Франция, оказавшись в роли посредника в составе Минской группы ОБСЕ, поменяет свое поведение, крайне наивно, но, по всей вероятности, выбора не было.

Другой посредник – Россия, выступая в роли третейского судьи, действовала в своей обычной манере «разделяй и властвуй». Россия унаследовала эту политику от российской империи. В эпоху Советского Союза мало что поменялось, следовали той же самой политике. После развала Союза, Россия, объявив себя правопреемницей СССР, ничего не стала менять. Выступая в качестве посредника на словах, на деле она разжигала конфликт для того, чтобы иметь рычаги влияния на обе стороны. И ей это прекрасно удавалось до определенного момента.

США не особо интересовались конфликтом, несмотря на номинальное присутствие в группе.

«В начале апреля 2016 года на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе между азербайджанскими и армянскими силами произошли вооруженные столкновения, которые привели к многочисленным жертвам с обеих сторон. Урегулирование конфликта произошло благодаря активному военно-дипломатическому вмешательству России. В то же время было сделано несколько публичных заявлений о сохраняющейся роли Минской группы.

Глава МИД РФ Сергей Лавров 4 апреля заявил на пресс-конференции в Москве, что Россия не считает целесообразным изменять формат Минской группы ОБСЕ по Карабаху и «пытаться подрывать роль сопредседателей Минской группы ОБСЕ».

Находясь с визитом в Баку, премьер-министр России Дмитрий Медведев заявил, что «конфликт в Нагорном Карабахе давний, механизмы и форматы его решения есть, создавать что-то новое сейчас опасно, надо вернуться за тот стол переговоров, который создавался последние 20 лет». В ходе визита в Германию президента Армении Сержа Саргсяна канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила, что «Германия как председатель ОБСЕ собирается особым образом поддерживать Минскую группу, которая несёт ответственность за урегулирование этого конфликта». Наконец, глава МИД России Сергей Лавров, обсуждавший в Москве эскалацию конфликта с министром иностранных дел Армении Эдвардом Налбандяном, отметил важность соблюдения договорённости о прекращении огня и исключения повторения подобной ситуации, создания условий для продолжения переговоров в формате МГ ОБСЕ».

Приведенный отрывок взят из Википедии. Речь идет о Минской группе ОБСЕ. Из сказанного совершенно очевидно, что никто из посредников не собирался ничего менять и действительно способствовать решению конфликта. Как сказал Д.Медведев, «…вернуться за стол переговоров, который создавался последние 20 лет». 20 лет. Его не смущало, что 20 лет они толкли воду в ступе.

Конфликт сегодня близок к завершению лишь потому, что в 2020 году случилась 44-дневная война, закончившаяся победой Азербайджана. И сегодня российские миротворцы в обычной для россиян имперской манере пытаются навязать свое видение ситуации в Карабахе.

В настоящее время полыхает война между Россией и Украиной. В данном случае ни у кого в мире нет сомнений в том, кто агрессор, а кто жертва. (В нашем случае мы долго пытались открыть миру глаза на очевидный факт: Армения – агрессор, а Азербайджан – жертва.) На стороне Украины цивилизованный мир. Рядом с Россией стоит Иран. У них одинаковые ценности и цели. Империя и диктатура власти. Вопрос о посредниках актуален и в этой войне. Та же Франция, пытаясь выступить в качестве медиатора между Россией и Украиной, все время призывала к тому, что президент России должен «сохранить лицо». Это значит, что украинцы должны отдать часть своих территорий агрессору. А иначе как он может «сохранить лицо». Какая может быть польза от такого посредника, нам хорошо известно.

В качестве посредника в войне между Россией и Украиной активно выступает Турция. Мотивы Турции очевидны. Она является крупным игроком на постсоветском пространстве, и не только. После второй войны в Карабахе авторитет Турции, впрочем, как и Азербайджана, во всем мире возрос. Возросший авторитет позволяет Турции сегодня играть роль медиатора в страшной войне между Россией и Украиной. Удастся ли господину Эрдогану, опытному политику, найти способ уговорить Россию уйти со всех оккупированных украинских территорий и остановить страшную войну, неизвестно. Некоторые акции по обмену пленных, вывозу из украинских портов зерна и т.д. удались. Посредник, берущий на себе тяжкую ношу способствовать разрешению конфликта, не забывает о своих интересах, что вполне естественно и объяснимо.

Вспомним о таком посреднике, как Роман Абрамович. Он выступал в этой роли не в последнюю очередь потому, что попал под санкции, и ему было нужно как-то реабилитировать свою репутацию. Сказать, что его миссия удалась, сложно, но, очевидно, что ему удалось минимизировать последствия санкций.

Министр иностранных дел Украины Дмитро Кулеба в интервью, данном в Киеве 26 декабря американскому изданию Associated Press, заявил о том, что Украина предлагает провести саммит мира под эгидой ООН, при посредничестве Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша в феврале будущего года, когда войне пойдет второй год. Россия, по словам украинского политика, не может участвовать в саммите. Украина объявила о своем требовании об исключении России из Совбеза ООН, где она занимает, по словам Украины, место СССР, не являясь Советским Союзом. Россия, объявив себя правопреемницей Советского Союза, сочла данное заявление достаточным для того, чтобы занять место СССР. Вот такой юридический казус. Насколько Украине удастся данный маневр, судить преждевременно. Но если учесть тот факт, что Россия совершила агрессию в отношении суверенной Украины, оставлять Россию в составе Совбеза ООН не рационально. Россия обладает правом вето и может заблокировать любую резолюцию, любое решение. Россия часто пользуется правом вето, привлекая на свою сторону и страны-сателлиты.

Роль посредника – сложная, многогранная и опасная роль, в конечном итоге. Часто посредник подпадает под огонь критики с обеих сторон. Редко ему удается быть справедливым, то есть решать вопросы не в соответствии со своими пристрастиями и взглядами на мир, а именно так, как того требует справедливость. Подобное занятие предполагает уравновешенность, некоторую отстраненность и, по возможности, отсутствие корыстных интересов. Потому что в противном случае обязательно появляется перекос. Мы наблюдаем такую ситуацию в Карабахе, где Россия является посредником. Лучший вариант, но также не без изъяна, в котором Турция является посредником между Украиной и Россией. И таких примеров достаточно. Известная истина о том, что «худой мир лучше доброй войны», всегда превалировала, когда посредники предлагали опасные компромиссы, в результате которых появлялись «замороженные» конфликты. Такие конфликты по прошествии определенного времени начинали пылать с новой силой и выливаться не просто в стычки и разногласия, а в обширные кровавые войны. Печальный опыт Карабаха: конфликт был заморожен почти на 30 лет, опыт Украины, когда после оккупации Крыма конфликт заморозили и всеми доступными и недоступными способами убеждали Украину, что ей нужно быть разумной и соглашаться на предложенные условия. Мы видим, в какой пылающий костер выливается впоследствии замороженный конфликт, чью заморозку обеспечили недобросовестные посредники.

Какой вывод из сказанного? Возможно, посредники и вовсе не нужны, чтобы не усложнять процесс разрешения конфликта. Посредники нужны в любом случае. Другое дело, что выбор посредников должен быть более тщательным, на мой взгляд. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил, что он готов быть посредником между Россией и Украиной в том случае, если и Россия, и Украина согласятся на его кандидатуру. Он пытается заранее оградить себя от обвинений в предвзятости и обеспечить себе тыл. Насколько ему это удастся, увидим. Изначально Гутерриш является незаинтересованным лицом, способным отстраненно рассматривать конфликт. К тому же он опытный политик, не исключаю, что ему удастся обойти острые углы, которые неизбежны в деятельности посредника. Как бы там ни было, единственное условие, при котором роль посредника успешна, – уход агрессора с оккупированных территорий. После выполнения этого положения посредник может обеспечить условия для дальнейшего разрешения войны, конфликта. Если принципиальное условие ухода агрессора с оккупированных земель не будет выполнено, то роль посредника опять сведется к тому, что конфликт будет заморожен, и через некоторое время, через 5, 10, а может быть, и через 30 лет, конфликт вспыхнет с новой силой и, не исключено, что перерастет в громадную, кровавую войну.

Нам остается лишь надеяться на то, что посредники, роль которых несомненно велика, смогут найти аргументы для нейтрализации агрессоров и восстановления справедливого мира.

Ход российско-украинской война вызывает аллюзии на вторую мировую войну. Напомню один из эпизодов страшной войны.

В конце второй мировой войны, в марте 1945 года, нацисты и союзники встретились в живописной швейцарской рыбачьей деревушке Аскона, чтобы вести секретные переговоры о капитуляции Германии. Русские не присутствовали на этих переговорах. Возможно, по этой причине некоторые историки говорят о том, что данные переговоры стали предтечей последующей холодной войны. В качестве посредников выступали швейцарцы. Операцию назвали Sunrise (Восход солнца). Целью являлась капитуляция немецких вооруженных сил на севере Италии. Немецкую сторону представлял генерал СС Карл Вольф (Karl Wolff). Этот эпизод войны фигурирует в знаменитом советском сериале режиссера Татьяны Лиозновой, снятый по сценарию Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны». Союзников представляли американский генерал-майор Лайман Л. Лемницер (Lyman L. Lemnitzer) и английский генерал-майор Теренс С. Эйри (Terence S. Airey). Встреча была организована Алленом Даллесом (Allen Dulles), директором швейцарского отделения американского Офиса стратегических служб (OSS). Офис стратегических служб являлся службой разведки при военном министерстве США. Вместе с Далласом в организации встречи участвовал Геро фон Шу́льце-Ге́верниц (Gero von Schulze-Gaevernitz) германо-американец, его ближайший соратник, офицер швейцарской службы разведки Макс Вайбель (Max Waibel), итальянский аристократ Луиджи Парилли (Luigi Parilli). Если посчитать всех: как обслуживающий персонал, так и второстепенных участников переговоров, то в группу входило около 20 человек.

Техническую поддержку и организацию переговоров осуществляли швейцарцы. Они предоставили свою территорию, помещения, обеспечили секретность в прохождении непростых переговоров. Много знаний и умений потребовалось, чтобы переговоры состоялись. Операция Sunrise закончилась 29 апреля 1945 года в местечке Казерта вблизи Неаполя. Подполковник вермахта Виктор фон Швайниц (Viktor von Schweinitz) и штурмбаннфюрер СС Ойген Веннер (Eugen Wenner) подписали капитуляцию немецких вооруженных сил в Италии. Документ вступил в силу 2 мая 1945 года. Поздно. Результатами переговоров явилось приближение конца войны в Италии на всего лишь несколько дней. Но не забудем, что жизни людей, которые могли быть убиты в эти несколько дней, были сохранены. Главные бенефициары переговоров: немецкий генерал СС Карл Вольф, высокий чин в иерархии нацистской армии, провел в тюрьме менее 9 лет. После освобождения жил в Баварии, где и умер в 1984 году. Адъютант Вольфа Ойген Веннер вовсе избежал тюремного наказания, после войны работал на ЦРУ в Южной Америке. Американцы после войны активно использовали немецких специалистов. Аллен Даллес получил пост директора ЦРУ. Швейцария, будучи нейтральной, не слишком препятствовавшая победному шествию немецкого III Рейха во время войны, смогла выступить в роли медиатора и на этом заработать очки в качестве страны, способствовавшей окончанию войны. Вот что такое умелый переговорщик.

В статье использованы материалы из Википедии и статья Рафаэля Руэеса (Raphael-Rues) «Секретная встреча в Асконе» (Rencontresecrète à Ascona)

ШИРИН МАНАФОВ

Прогулка по Еревану

В 2010 году председатель бакинского отделения «Социнтерна» Саладин Аллахвердиев приехал в Ереван на конференцию всемирной ассамблеи «Социалистического интернационала». Гостей разместили в отеле «Марриотт» в центре города. В составе нашей группы всего двое. Охрана – три особиста. Эти разместились в фойе отеля, до начала вечерней сессии конференции три часа. Саладин попросил друга немного подыграть ему. Ничего особенного. Когда постучат в дверь номера, громко разговаривать на самые произвольные темы, вплоть до прогноза погоды. Особисты предупредили с самого начала – никаких контактов вне конференции. Кого они охраняли: бакинцев или местное население? Кто-то из них обязательно постучится в номер и спросит, все ли в порядке.

– Если захочет войти, – объяснял Саладин, – скажи, что я принимаю душ.

Коллега долго не соглашался, но Саладин упросил.

Саладин вышел из номера, спустился по лестнице и вышел из отеля через кафе на первом этаже. Быстрым шагом удалился от отеля и смешался в густой толпе центральной улицы города. Он готовился к прогулке по карте, да и центр города не особо изменился, Саладин бывал здесь в советское время. Минут через пятнадцать, уже довольно далеко от отеля, зашел в уличное кафе и попросил бутылку пива. Попросил у официантки не открывать крышку, он это сделает сам. Молодая девушка удивленно посмотрела на него и сделала так, как хочет клиент. Перед ним на столе бутылка пива, открывалка, стакан. Саладин открывает бутылку, наливает себе пиво и с наслаждением затягивается сигаретой. Перед ним центральная площадь, он с интересом разглядывает прохожих. В самом кафе никого, кроме него, не было. Всего одиннадцать часов утра. Он выпил пиво, и официантка подходит к его столику.

– Мы поспорили с моей подругой, – говорит девушка. – Я сказала, что вы из Израиля, а подруга говорит, что вы приехали из России.

– Вы обе не угадали, – ответил Саладин. – Я приехал из Баку.

С мгновенно посуровевшим лицом девушка отходит от столика, подходит к стоявшей в десяти шагах второй официантке. Девушки о чем-то шепчутся, вторая девушка куда-то звонит по мобильному и, оживленно говоря с кем-то, подходит к Саладину. На лице улыбка изумления:

– Мне подруга сказала, что вы из Баку. Это правда, не шутка?

– Конечно, правда, – пожал плечами Саладин. – А вы отлично говорите по-русски, без местного акцента.

– Я сама родилась в Баку, – отвечает девушка, на вид ей лет двадцать. – А через три года мы уехали, сделали обмен, это было в 1988 году.

– Ваш папа – умный человек, – вежливо сказал Саладин.

– Да, и он хочет с вами поговорить, – девушка протягивает ему трубку.

Слышен восторженный крик:

– Салам, гардаш. Мяним адым Гургендир. – Затем папаша официантки перешел на русский: – Я так рад, что вы приехали. Я приглашаю вас к себе домой, прямо сейчас. В Баку я жил в Арменикенде, на улице Камо, рядом с Сабунчинским вокзалом. Вы знаете тот район? Как там все сейчас? Я очень хочу вас принять, вспомнить мой любимый город, я очень скучаю по Баку…Когда мы оттуда уезжали, все было тихо, только-только начинались митинги в Ереване, я не хотел уезжать, никто из моих тоже, но стало ясно, что это надолго….

– Я бы с удовольствием, – ответил Саладин. – Только у нашей группы охрана, нам запрещают даже выходить из отеля, а тем более ходить в гости. Это мне удалось убежать от охраны, вот сейчас случайно зашел в кафе, где работает ваша дочь.

Отец официантки узнал, где Саладин остается, его имя, и после недолгого разговора они попрощались. Счет за пиво был на столике, отдав трубку девушке, Саладин хотел расплатиться и не увидел бумажку со счетом.

– За счет заведения, – сказала бакинка, и Саладин, передав привет ее отцу, попрощался с девушкой.

Он прогуливается по центру, останавливает мужчину лет сорока и спрашивает:

– Извините, где находится памятник Степана Шаумяна? Как к нему пройти?

– А вы откуда приехали, – подозрительно спрашивает мужчина и, услышав ответ «Я из Баку», с исказившимся лицом озирается и исчезает в толпе. Так происходило неоднократно. Саладин выбирал в толпе людей среднего и старшего возраста, разумеется, отвечали на вопрос, как пройти к Матенадарану, тем более, что в традиционном представлении Саладин был просто идеальный научный работник. Но стоило им задать вопрос «Откуда приехали» и получить ответ «Я из Баку», как приветливые граждане со всеми признаками гостеприимства вытягивались, с патриотично посеревшими лицами ереванцы озирались и, ничего не сказав гостю из другого измерения, растворялись в толпе. Явно не сомневаясь, что за этим пришельцем из параллельного мира следуют лучшие сотрудники Комитета нацбезопасности, и каждый, кто с ним вступает в контакт, навсегда становится объектом наблюдения. Ну не может бакинец без группы сопровождения минимум из пяти типов из спецотдела вот так запросто прогуливаться по центру Еревана. Да еще и с гордостью, вызовом говорить «Я из Баку». Это после стольких лет вражды и пропаганды. Явно какой-то подвох, проверка на реакцию граждан.

Перед ереванцем взрослый, солидный человек, и он без капли страха, улыбаясь, заявляет, что приехал из Баку. Произносит эту страшную фразу просто, но с вызовом. И смотрит на вас с улыбкой и без тени страха, как будто уверен, что вы глубоко порядочный человек и ни за что не сдадите загадочного и опасного пришельца. Более того, человек смотрит на вас с большим интересом, что очень смущало. Любопытно, как вы, ереванский обыватель, теперь поступите. Вот перед вами враг, точнее, человек из враждебного государства, приехал в ваш родной Ереван и не скрывает, наглец, что он не боится довериться вам и верит в вашу порядочность. Вы меня не сдадите, не ударите, не поднимете крик: «Люди, среди нас шпион, вот он, свободно гуляет по нашему городу и смотрит, где у нас тут стоят танки и гаубицы, а еще у него есть фотоаппарат, и он спрашивает, как пройти к памятнику Степану Шаумяну». Ну какой азербайджанец будет интересоваться памятником мерзавцу, грабителю и слуге трех господ: большевиков, англичан и дашнаков. А он интересуется и просит его провести к памятнику провокатору и проходимцу. Надо срочно доставить его куда следует и выяснить, что он замышляет против нас, что он здесь высматривает. Зачем ему сдался памятник Шаумяну. Наверняка, там в правой руке или в голове памятника у азербайджанских шпионов свой тайник. Иначе зачем Степан наш им сдался, предал бакинскую коммуну, всех этих 25 бакинских комиссаров подвел под расстрел, а сам слинял. Мерзавец и подонок, так они в своем Баку думают о нашем национальном герое.

Действительно, Саладину интересна реакция, сам памятник провокатору ему не нужен. Экспериментатор Саладин опытный, знает, к кому подойти и к кому обратиться с вопросом. Выбирает в толпе жертву, подходит и громко спрашивает: «Здравствуйте, как пройти к памятнику Степану Шаумяну, будьте добры, покажите». Эти банальные слова сносили башку людям, от него отшатывались, отскакивали, – и это всегда взрослые, солидные мужчины – не в силах совладать с парализующей их интеллект проблемой: как отреагировать на вызов улыбающегося добродушной улыбкой человека. Только что он сказал, откуда он приехал, и, судя по всему, не врет, не

местный и не из Тбилиси, явно бакинец. Манера держаться, нет акцента, и главное, абсолютная уверенность , что вы, случайный собеседник, быстро войдете в спектакль и будете интересны ему. Он предлагает вам стать партнером, и он будет разочарован, если отреагируете банально, ординарно. Короче, это проверка. Исчезали в толпе не только из страха, но и потому, что не знали, а что такое быть не банальным в отношении человека из Баку. Чисто внешне он такой же, как они, просто он требует от них невозможного. Искренности, и даже, черт побери, ну совершенно невозможного. Например, такой реакции: «О, как интересно. И как вам наш город?» Этого не может быть. За этой простодушной улыбкой коварный замысел спецслужб. «Меня явно хотят посадить, – читает Саладин в напряженном взгляде ереванца. – Посадить меня хочешь? Я тебе сейчас покажу, где памятник этому самому Степану, а потом меня схватят и будут допрашивать люди Сержа Саргсяна: А почему не доложил? Почему не донес? Почему хотя бы крик не поднял, мол, ереванцы, среди нас враг? Почему смолчал? Значит, врагом Саладина Аллахвердиева не считаешь? Так, может, ты работаешь на них? Проверить контакты, начиная с восьмого класса…».

Взрослые мужчины молча, с посуровевшими лицами, услышав «Я из Баку», буквально влетали в толпу и пробивались сквозь нее, лишь бы подальше от опасного типа и тех, кто за ним следит, выслеживая всех, кто идет с ним на контакт.

– Да вы не беспокойтесь, я сам по себе, вот гуляю один по центру, без охраны, как раньше, – говорит Саладин, пытаясь очередного, пятого по счету мужчину, опешившего от банальнейшей во всех других городах мира фразы «Я из Баку». Но не помогло, тот отвернулся и юркнул в толпу. Видимо, никто не верил, что Саладин оторвался от охраны и вот так свободно прогуливается по Еревану без сопровождения хотя бы одного-двух особистов, которые обязаны донести, кто и, главное, как отреагировал на обращение Саладина. Поражало и другое, ну не может азербайджанец так себя вести. Пресса и наши лидеры нас уверяют, что они сломались, приняли поражение, смирились. Жалкие, потрясенные мощью армянской нации изгои истории. Жертвы, раздавленные и потрясенные величием армянского гнева. А тут перед ними в центре Еревана улыбающийся мужчина из Баку с живыми глазами, во взгляде вызов и ни капли робости, явно не ощущает себя представителем проигравшей стороны. Более того, он смеет ставить перед нами, победителями, какие-то коварные задачи и смеет нас изучать. Он явно не верит в наше превосходство, в нашу победу. Разумеется, не все задавали вопросы Саладину, а просто указывали, как пройти к памятнику, и следовали своей дорогой. Но те, кто вступал в беседу и слышал «Я из Баку», не желали участвовать в эксперименте. Возмущал сам факт, что проигравшая сторона ставит над «победителями» эксперимент. Наконец, Саладин подходит к памятнику верного ленинца Степана Шаумяна, легко предавшего и Ленина, и революцию, и все, что еще можно предать.

Саладин подходит вплотную к памятнику и просит прохожего, полного мужчину примерно шестидесяти лет сфотографировать его. Тот берет фотоаппарат, Саладин запанибратски кладет руку на плечо Степану, верному ленинцу – и все это ереванцу кажется сомнительным. Он долго и внимательно всматривается в улыбающегося Саладина, и на свою беду задает вопрос насчет места прописки товарища, для которого фигура Степана Шаумяна, очевидно, не является значимой ни как выдающегося деятеля революционного движения на Кавказе, ни как национального армянского героя. С надеждой задает вопрос: «Вы из Тбилиси?»

– Вы человек опытный, интеллигентный, – вежливо улыбается Саладин, заманивая толстяка в свою ловушку. – Вы же знаете, с каким акцентом говорят грузины по-русски. Одним словом, я из Баку.

Мужчина с мгновенно осунувшимся лицом озирается, Саладин нагибается и тихо произносит: «Не бойся, друг, за нами не следят. Я убежал от охраны».

– А почему именно памятник Шаумяну, – спрашивает толстяк у Саладина. Вокруг ни души, приободрился.

– У нас, в Баку, Шаумян считается мошенником, подло обманувшим Ленина, а у вас – он герой. Странно и интересно, почему в центре Еревана памятник врагу СССР Нжде и рядом, на соседней улице, памятник борцу за советскую власть. Почему вы отвергаете советский период, а памятник большевику Шаумяну сохранили. За какие такие качества, и что символизирует памятник этому авантюристу для вас? Я считаю, это памятник исторической гибкости, Степан ваш и за Ленина, и за англичан, и за дашнаков…. А по сути обычный конъюнктурщик, он предал всех, кому служил.

Вежливая улыбка давно уже стерлась с лица толстяка, мужчина повторно озирается, молча протягивает Саладину фотоаппарат и уходит. «Сам виноват, – говорит ссутулившаяся фигура, – за каким чертом полез с расспросами? Сделал снимок, отдал фотоаппарат и исчезни. Или ты думаешь, азербайджанец будет просто фотографироваться у памятника Шаумяну? Этот тип подосланный, за тобой следят. Или, может, шпион? Нет, где ты видел, чтобы шпионы сообщали первому встречному, на кого они работают и где получают зарплату. Не оглядывайся, за тобой идут. Теперь надо сесть в такси и поехать на автовокзал, там поймать другое такси и вернуться в центр, и так минимум три раза. Это сколько денег я потрачу на такси».

– И никто не улыбнулся, не иронизировал, мол, ну какой ты бакинец, если бравируешь этим, – вспоминает Саладин. – Это Ереван, а не Прага или Париж, где всем наплевать, откуда ты и зачем. Допустим, ты приехал из Баку. Почему себя так ведешь? Не боишься и смеешь заявить о себе, а нас армянское телевидение убеждает, мол, торгаши, воевать не хотят, проиграли и не смеют возроптать. Да кто они такие, чтобы сметь воспротивиться нашей армянской могучей воле.

А тут на пике массовой эйфории в Ереване появляется человек, который и не собирается скрывать, что он намеренно провоцирует ереванцев, он что-то стремится выяснить. Так что ему интересно? А интересно вот что: готовы ли ереванцы вступить в зону неопределенности, где только бакинец и они, и что они думают о конфликте и как поведут себя с ним, представителем враждебной страны? В зоне неопределенности все не так, как под телекамерами. Ты один на один с азербайджанцем, совсем не таким робким, забитым, уничтоженным армянским величием, как нам внушали все годы после 1994 года, когда армяне захватили Карабах. Одно дело на конференциях, в телестудиях громить врага – азербайджанца. А тут… на вас смотрит улыбающийся человек и ждет, и надеется, что вы будете так же открыты, как он. Никаких штампов, общих фраз, идеологической трескотни. А раскрываться опасно, ведь донесут. Но тут еще и другое, кроме страха. А что на самом деле думают ереванцы о карабахском конфликте. Ведь один на один и без микрофонов надо показать себя человеком с собственным мнением, своей позицией. Поэтому исчезали в толпе. Что удивило Саладина? Человек прибыл из Баку, стоит в центре Еревана и открыто сообщает мужчине сорока лет о том, кто он и откуда. Что изумило ереванцев? Человек явно нас изучает. Кто вы без масок, без поддержки своей группы на какой-нибудь конференции в Тбилиси, где участвовали делегации трех стран Южного Кавказа, и каждый ощущал поддержку своей делегации. Интересный эксперимент, что и вызвало восторг у бакинца, отца официантки в утреннем кафе. Но ереванцы не такие. Открытость не принимают. Не готовы к ней. На самом деле, ну и кто мы без штампов и стереотипов? Улыбка Саладина ведь в данном случае открытость, но и требование. Будьте, как я, раскроемся, карты на стол. Победители, а какие вы сами по себе, без идеологических подсказок и без бронежилета из мифов и легенд про армянское величие.

Как вы реагируете на нестандартного человека, который хочет на вашем поле сыграть с вами в честный футбол, а если до конца открыто, то он приехал бросить вам вызов на вашем поле.

– Куда же вы? – несколько раз срывалось у Саладина с губ, когда очередной прохожий отказывался от продолжения разговора, стоило узнать, что Саладин не из Израиля или Тбилиси, а из Баку.

Здесь еще один мотив – причина исчезновений. Сам факт, что бакинец, представитель проигравшей стороны бросает вызов, да еще в центре их столицы – не просто ловушка. Это нестандартный эксперимент, и то, что его поставил над ними азербайджанец, – неприятный сюрприз. Пресса армянская многие десятилетия создавала образ врага – существа недалекого, посредственного, ничтожного, сознающего свою ущербность перед победителями, армянами. Слабы, заурядны, посредственны, ни лукавства, ни интереса к игре. Толпа, серость. И вдруг перед ним, ереванцем, стоит человек с другой планеты и с интересом разглядывает его. «Я жду от вас интересной, нестандартной реакции, – говорят глаза Саладина. – Не бойтесь, это не ловушка. И потом, вы же в своем родном городе. А я в чужом, и меня уничтожить здесь очень легко. Я беззащитен перед вами. Итак, серость, запуганные, раздавленные поражением, потомки кочевников и все в таком духе. Ну вот я перед вами, куда же вы убегаете?» Перед ереванцами игрок, и он приглашает к игре. Саладин производил впечатление человека, наслаждающегося поставленным им над Ереваном экспериментом. И как отвечать?

Мужчина лет пятидесяти удивленно:

– А вы не боитесь?

– Я абсолютно уверен в вас, – пожал плечами Саладин. – Вы меня не сдадите.

– Почему? – изумленно спросил ереванец.

– Потому что каждый интеллигентный человек сложнее политической ситуации, – ответил Саладин. Хотел сказать «конъюнктуры», но решил не рисковать. И так ясно. Мужчины пожали друг другу руки, и ереванец ушел.

Если совсем в глубину улыбки-вызова, то дело обстояло так: Саладин не считает конфликт между нашими странами трагедией, для него характерен жадный интерес в изучении всех аспектов карабахского конфликта. Обсуждать и дискутировать, горячо и открыто, – призывал Саладин на всех конференциях, где участвовали представители Армении.

Как 17 лет до него призывал академик Зия Буниятов. Когда он обратился к руководству академии Армении с предложением прибыть в Ереван и провести диспут с историками. Получил отказ. Ни в Ереване, ни на нейтральной территории диалога не хотят. И это тактика. В споре рождается истина, как раз вот рождения истины допустить нельзя. Извлекать из обсуждения конфликта открытия, а не закрываться и создавать государство-крепость со своими провинциальными комплексами – позиция Зии Буниятова в 1988-м и Саладина в 2010 году.

Вдруг окажется, что бакинец Саладин интересен ереванцам, вдруг окажется, что они интересны ему. Давайте, ребята, я готов. Ненависть, враг, или мы, или они – банально, давайте без штампов и идеологической трескотни. Именно этого и нельзя. Поэтому к Саладину приставили охрану. Защищали не его, а ереванцев от встречи с ним. Если люди интересны друг другу, будут конкурировать, но не враждовать. Абсолютно бакинский подход. Конфликт? Отлично, будем изучать конфликт. Поэтому и искал памятник Шаумяну. Очень хотелось спросить у тех, кто подведет к бронзовому Шаумяну: ребята, а памятник чему эта груда металла? Как бакинец, я считаю, что Степик – воришка, беспринципная дрянь, слуга трех господ. И вы сделали мошенника своим героем, национальным идеалом? Назвали в честь обычного грабителя города. Я считаю, здесь надо искать истоки конфликта. Итак, ваши возражения…

Хорошая, солнечная погода, на улицах тысячи людей, взрослые и молодежь – но нет ни улыбки, ни смеха. Какая-то несчастная, настороженная страна-победитель. Нет и осознания себя победителем, не вступали в диалог с чужестранцем из вражеской страны. Трое исчезли в толпе, а один просто рванул в толпу, врезался в нее, расталкивая людей. Так интересно стало Саладину, что он воскликнул: «Куда ты, генацвале?

Хотел крикнуть «Куда ты, гардаш», но толпа – другое дело, другая реакция.

Прогулка удалась. Настроение улучшалось с каждой минутой. Не принимают вызов, а то, что это вызов, – очевидно.

– Только говорите просто, своими словами, а не как ваши политики, – сказал Саладин одному из случайных собеседников…

Видимо, это самое трудное. Мужчина сразу поскучнел, отвернулся и ускорил шаг. Это не трусость, людям не ясно, как реагировать. Кроме страха, есть и другая причина – изумление. Их уверяли, что азербайджанцы – серость, безликость. И вот теперь как вести себя с азербайджанцем, который ставит научный опыт. Саладин не скрывает, что объект эксперимента – ереванцы. И как вести себя с представителем Баку, где быстрая реакция, радостное восприятие новизны – норма.

Растворялись в толпе, не из страха только, но и не зная, как себя вести. Модель мира такова: армяне – великая нация, живет по соседству с безликой массой азербайджанцев. Ни истории, ни культуры. Такая модель утверждена лидерами нации, долг армянина принять ее без колебаний. Модель проста и очень комфортна.

Но теперь ясно, что эта модель лжива и убога, отсюда состояние растерянности, стресса у собеседников Саладина. В центре Еревана днем перед ними стоит бакинец, и – вот что возмутительно – этот экспериментатор настолько уверенно смотрит в будущее, настолько не смирился с военным поражением и сдачей Карабаха, что позволяет себе наглость ставить эксперименты над победителями. С ужасом ереванцы выясняют для себя, что не готовы к вызову, модель слишком примитивна. Паническая реакция на вопрос Саладина: «Ребята, а вы кто вне конференций, микрофонов, поддержки зала или толпы? Кто вы один на один с представителем бакинской традиции с ее жадным вопрошанием «чем ты интересен, и в чем твоя, персональная незаурядность». Пол, возраст, религия, национальная принадлежность – исчезающе малые величины перед главным критерием: есть ли стремление включиться в игру, в эксперимент и внести свой вклад.

– Так какие вы без штампов, ереванцы? – вопрошает Саладин. – Можете ли позволить себе быть самими собой в своем Ереване? Или только в Тбилиси, на конференциях вы позволяете себе быть открытыми с представителями из Баку. Таких встреч в Тбилиси у Саладина было много, там ереванские депутаты вели откровенные беседы с ним. Но только один на один. Вот тогда позиция армянских оппозиционеров отличалась от официальной. В деталях достижения успеха. Позиция такова: борьба за Карабах может превратиться в серию войн, а это уже борьба на истощение ресурсов, материальных и людских. Притом, что армянское общество очень болезненно воспринимает процесс депопуляции, сама угроза новой войны приводит к невротизации общества и сокращению населения.

До реванша еще десять лет. Армения на пике эйфории: историческая победа. Вдруг в центре Еревана появляется бакинец и заявляет: «Ребята, пора прощаться с иллюзиями, я пришел отнять у вас сказку. Будет вновь война, мы будем бороться за Карабах. Наконец, самая противная для вас новость: Я совсем другой. Не такой, каким вы меня представляли. Например, я не вижу в вас победителя. Вы не обсуждаете, не спорите, не умеете доказать свою правоту. Если честно, я разочарован. Ждал от вас большего. Вот я стою перед вами на площади Республики – так разгромите меня. Поразите превосходством интеллекта и эрудиции».

Саладин возвращается в отель. Охрана не верит ни одному его слову, мол, все время был в кафе отеля на верхнем этаже, только десять минут назад спустился и вышел на свежий воздух выкурить сигарету. Сейчас поднимаюсь в свой номер. Через примерно час охрана изумленным голосом звонит в номер: «Саладин, вас один человек ждет на первом этаже, около ресепшн».

– Я никого здесь не знаю.

– Он назвал ваше имя и сказал, что вы разговаривали с ним по телефону три часа назад.

Саладин спускается вниз, к нему подходит мужчина лет шестидесяти пяти и обнимает его.

– Я отец девушки из кафе, мы с вами говорили по телефону, – радостным голосом человека, встретившего старого приятеля, говорит он и протягивает целлофановый пакет. Охрана подхватывает пакет, кладет на столик, извлекает из пакета бутылку коньяка «Ани», сладости. Больше ничего. Охрана разочарована, кладут все в пакет, протягивают Саладину. Бакинцы садятся на диван и оживленно предаются воспоминаниям, отец официантки рассказывает о школе, об АЗИИ, где учился, вспоминает сокурсников, оба пытаются найти общих знакомых. Охрана, все трое с недовольными лицами описывают круги, пытаясь уловить каждое слово. Ничего особенного. Уехал в 1988 году, сделал обмен, соседи провожали три дня. Соседи, русские и азербайджанцы, расставались тепло, с сожалением. Самые теплые воспоминания о городе, о бакинцах. Жадно всматривается в Саладина, он ему очень интересен, узнаваемый для бакинца стиль. Перед ним представитель культуры познающей, исследовательской. Саладин хочет понять чужой город и его жителей. Особенно ему важно понять, почему они не идут на контакт с ним. Почему им боязно узнать, как они смотрятся со стороны. Тогда как для бакинца как жителя многонационального города участие в спектакле, где нельзя говорить заученный текст, надо высказывать свое мнение – не является стрессом. Норма, привычное состояние.

– Вы молодец, – сказал Саладин. – Прийти в отель – поступок. Вас будут просвечивать.

– Хочу уехать отсюда. Практически я уже уехал. Месяц-другой я здесь, десять в России, на заработках. Бакинские армяне здесь не могут жить.

– Я слышал от некоторых знакомых, что не могут прижиться.

– Нет, именно не могут жить, – уточняет собеседник. – Когда я услышал от дочери про вас, я просто не мог усидеть дома.

Охрана поняла, что перед ними два представителя глубоко чуждой им цивилизации, и через 15 минут прервала встречу.

На второй день, когда отношения чуть потеплели, один из охранников – всего их было трое – рассказал Саладину ереванский анекдот: «Вдруг вся планета окрасилась в цвета армянского флага. Только маленькая точка в зеленый цвет. Эта зеленая точка – Карабах. Речь не об армяно-азербайджанской войне. Знаете, почему? Никак не можем сделать из карабахцев армян». Со смехом ереванский парень пояснил:

– Когда рассказываешь этот анекдот карабахцам – обижаются. Отношение Еревана к ним, горцам, – держать на дистанции. Не свои.

На второй день конференции по графику было возложение цветов перед памятником жертвам геноцида. Саладин заявил генсеку Социнтерна Луису Айала: «Делегаты от Баку не пойдут». Вслед за Саладином депутаты целого ряда стран также отказались принять участие. Организатор конференции принял решение отказаться от этого мероприятия. Стоило сообщить об этом на конференции, тут же начались звонки из мэрии города, кабмина. Мол, традиция. Участники международных конференций в Ереване должны посетить памятник жертвам геноцида; преклонить колени, склонить головы. Но тут нашла коса на камень, и около половины из 37 делегаций выразили солидарность как раз с позицией Саладина.

На конференции все внимание журналистов ереванской прессы было на бакинской делегации. Десятки вопросов Саладину, как настроение в обществе, как настроены политики и как настроен народ, признают ли итоги военного конфликта 1991-1994 годов окончательными. Ключевой вопрос: смирился ли Азербайджан с потерей Карабаха? Что намерен сделать, каковы планы. Саладин убежденно: «Если дипломатия не эффективна, будет вторая война».

Сейчас Саладин хочет пройтись по улицам Ханкенди (Степанакерта), без охраны, разумеется.